

The New York Times Bestseller

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ВАТЕРЛОО

ИСТОРИЯ БИТВЫ,
ОПРЕДЕЛИВШЕЙ СУДЬБУ ЕВРОПЫ

Annotation

«Зачем нужна еще одна книга про Ватерлоо? Хороший вопрос. Отчетов о Ватерлоо хватает, это, видимо, одно из самых изученных и хорошо описанных сражений в истории. К окончанию того ужасного июньского дня в 1815 году каждый из участников побоища знал, что пережил нечто значительное, так что появились сотни мемуаров и писем, рассказывавших о произошедшем... Ватерлоо стало решающим событием начала XIX века, и с тех пор множество мужчин и женщин пытаются составить единый рассказ о нем... Тем, кто был там, картина сражения не казалась ни ясной, ни простой, и вот одна из причин написать эту книгу – постараться представить, как видел события человек, оказавшийся на поле боя в тот день» {Бернард Корнуэлл} Беспрецедентное исследование последнего крупного сражения Наполеона начиная с предшествующих событий, когда французский император в феврале 1815 года предпринял шаги по возвращению власти, утраченной в результате военных поражений, отречения и ссылки, и в июне перешел в наступление. 15 июня французы пересекли реку Самбра в Шарлеруа, оказавшись между британскими войсками герцога Веллингтона на западе и прусскими войсками генерал-фельдмаршала Гебхарда Блюхера на востоке. Автор подробно описывает ход сражений у Картр-Бра и Линьи 16 июня, проводившуюся 17 июня подготовку к решающему столкновению и, наконец, – практически почасово – произошедшую на следующий день битву при Ватерлоо. Детально рассматривая действия армий, Корнуэлл анализирует результаты и политические последствия битвы, подсчитывает потери и дает ответы на множество непростых вопросов. Издание снабжено картами, иллюстрирующими продвижение войск и ход сражений, а также вкладками с 48 изображениями, часть которых представляет собой признанные шедевры батальной живописи. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Бернард Корнуэлл

Ватерлоо. История битвы, определившей судьбу Европы

Посвящается Уиллу и Энн Кливленд

Bernard Cornwell

WATERLOO

The History of Four Days, Three Armies and Three Battles

© Bernard Cornwell, 2014

© Martin Brown, maps

© Летберг И. О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022

КоЛибри®

*** * ***

Предисловие

Зачем нужна еще одна книга про Ватерлоо? Хороший вопрос. Отчетов о Ватерлоо хватает, это, видимо, одно из самых изученных и хорошо описанных сражений в истории. К окончанию того ужасного июньского дня в 1815 году каждый из участников побоища знал, что пережил нечто значительное, так что появились сотни мемуаров и писем, рассказывавших о произошедшем. Сам герцог Веллингтон совершенно верно заметил, что история баталии напоминает историю бала. Каждый участник вспоминает бал по-своему: кто-то счастлив, кто-то разочарован, да и как в вихре музыки, нарядов и флирта можно составить единый отчет, что, когда и с кем произошло? А Ватерлоо стало решающим событием начала XIX века, и с тех пор множество мужчин и женщин пытаются составить единый рассказ о нем.

Вот общепризнанная часть истории. Наполеон напал на правый фланг Веллингтона, пытаясь отвлечь резервы герцога на эту часть поля, затем предпринял массированную атаку на левый фланг. Атака не удалась. Действие второе: знаменитая кавалерийская атака на правую часть центра герцога. И действие третье, когда из левой кулисы появляется прусская армия – последнее отчаянное наступление Императорской гвардии. К этому следует добавить сюжетные линии атаки на Угумон и падения Ла-Э-Сент. Такова общая схема, но ведь картина сражения в целом куда сложнее. Тем, кто был там, она не казалась ни ясной, ни простой, и вот одна из причин написать эту книгу – постараться представить, как видел события человек, оказавшийся на поле боя в тот смутный день.

Пережившие эту неразбериху были бы, наверное, крайне удивлены мнением, что Ватерлоо не было таким уж важным сражением, что если бы Наполеон его выиграл, то в дальнейшем он столкнулся бы с превосходящими силами противников и все равно пришел бы к поражению. Может, и так, но с определенностью этого сказать нельзя. Если бы император взял гребень Мон-Сен-Жан и обратил Веллингтона в бегство, ему все-таки предстояло управиться с могучими армиями Пруссии и России, которые уже шли во Францию. Этого не произошло. Наполеона остановили в Ватерлоо, что и придает такую важность этой битве. Она стала поворотной точкой в истории, и аргумент, что история все равно пошла бы по этому пути, не умаляет значения момента. Иные битвы ничего не изменили. Ватерлоо изменило почти всё.

Военная история может быть весьма запутанной. Римская нумерация (IV корпус) мешается с арабской (3-я див.). От таких обозначений у человека штатского может двоиться в глазах. Я постарался не наводить большой путаницы, но кое в чем ее усугубил, используя слова «полк» и «батальон» как синонимы, хотя

очевидно, что это разные понятия. Полк был административной единицей британской армии. Некоторые полки состояли из одного батальона, большинство из двух, а меньшинство – из трех и даже более, но крайне редко два батальона одного и того же полка воевали рядом в одной и той же кампании. При Ватерлоо отмечены только два таких полка. 1-й пехотный полк участвовал в этой битве 2-м и 3-м батальонами, а 95-й стрелковый был представлен тремя батальонами. От всех остальных полков присутствовало только по одному батальону, поэтому, если я упоминаю 52-й полк, я имею в виду 1-й батальон этого полка. Иногда для ясности я пользуюсь словом «гвардейцы», хотя в 1815 году солдат британской гвардии еще именовали «рядовыми».

Все три армии при Ватерлоо делились на корпуса, так что и британо-голландская, и прусская армия разделялись на три корпуса. Французскую же составляли четыре, потому что Императорская гвардия хоть и не называлась корпусом, но по существу им и была. Корпус состоял из 10 000–30 000 человек или более, и его можно назвать независимой военной силой, способной применять кавалерию, пехоту и артиллерию. Корпус, в свою очередь, подразделялся на дивизии, таким образом, 1-й корпус французской армии подразделялся на четыре пехотные дивизии, от 4000 до 5000 человек каждая, и одну кавалерийскую дивизию, чуть более 1000 человек. Каждая дивизия имела свою артиллерию для огневой поддержки. Далее, дивизия могла делиться на бригады, например, 2-я пехотная дивизия 1-го корпуса французской армии состояла из двух бригад – одна из семи батальонов, остальные – из шести. Батальоны подразделялись на роты. Французский батальон состоял из шести рот, британский – из десяти. Чаще всего в этой книге упоминаются батальоны (которые иногда названы полками). Самый крупный британский пехотный батальон при Ватерлоо насчитывал свыше 1000 человек, но средний батальон во всех трех армиях составлял около 500. Если вкратце, то иерархия была такой: армия, корпус, дивизия, бригада, батальон, рота.

Некоторых читателей может оскорбить выражение «английская армия», когда понятно, что речь идет о британской армии. Я использовал название «английская армия» только при отсылках к оригинальным источникам, предпочитая не переводить слово *anglais* как «британский». Как таковой английской армии не существовало, но в начале XIX века это выражение было общепринятым.

Сражения 16 июня и 18 июня 1815 года – прекрасный материал для рассказа. Нечасто история одаривает авторов исторических романов чистым сюжетом с яркими персонажами, которые действуют в определенном отрезке времени, так что нам приходится манипулировать историей, создавая собственную сюжетную канву. Впрочем, когда я писал «Ватерлоо Шарпа», изобретенный мною сюжет почти целиком был захвачен и унесен рассказом о великой битве, потому что величие этой истории не только в ее действующих лицах, но и в образах самой битвы. Это – ожидание развязки на последней странице. Сколько бы я ни читал материалов о событиях того дня, его окончание всегда полно неожиданности и волнения. Непобедимая Императорская гвардия взбирается на гребень, где ждут войска Веллингтона, измотанные почти до предела. С востока прусские части вгрызаются Наполеону в правый фланг, но если гвардия опрокинет солдат Веллингтона, то у императора хватит времени развернуться против прибывающих войск Блюхера. Это почти самый длинный день в году, и оставшихся двух часов светового дня достаточно, чтобы уничтожить армию или даже две. И пусть нам известно, чем все закончится, всякий хороший рассказ интересно послушать снова.

Так что вот он – рассказ о сражении.

Введение

Летом 1814 года его светлость герцог Веллингтон держал путь из Лондона в Париж, дабы принять назначение на должность британского посла при новом короле Людовике XVIII. Возможно, он хотел добраться коротким путем из Лувра в Кале, но вместо того бриг Королевского флота Griffon доставил его по Северному морю в город Берген-оп-Зом. Герцог посетил недавно созданное Королевство Нидерланды, неуклюжее новообразование – полуфранцузское, полуголландское, наполовину католическое, наполовину протестантское, – расположенное к северу от Франции. Британские войска служили в новом государстве гарантом его существования, и герцога попросили проинспектировать укрепления вдоль французской границы. Герцога сопровождал Тоший Билли, также известный под прозвищем Лягушонок, – 23-летний принц Виллем, ставший кронпринцем нового королевства, которого считали способным в военном деле, поскольку он служил у герцога во время Пиренейских войн. Герцог две недели объезжал укрепления, в нескольких городах посоветовал привести их в порядок, но вряд ли всерьез помышлял о новой войне с Францией.

В конце концов Наполеон был разгромлен и изгнан на остров Эльба в Средиземном море. Во Франции вновь установилась монархия. Войны утихли, а в Вене дипломаты ковали мирный договор, который установит в Европе такие границы, чтобы новая война не грозила континенту.

А Европа была разорена. Отречение Наполеона положило конец войне длиной в 21 год, начавшейся с Французской революции. Монархии – старые режимы Европы – устрашили событий во Франции, участи казненных Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Боясь, как бы революционные идеи не прижились в их странах, государи развязали войну.

Они ожидали легкой победы над оборванным воинством революционной Франции, но вместо того разгорелась мировая война, спалившая и Вашингтон, и Москву. Воевали в Индии, Палестине, Вест-Индии, Египте и Южной Америке, но Европа пострадала больше всех. Франция выдержала первый удар, и из хаоса революции явился гений, вождь – император. Армии Наполеона рассеялись по Пруссии, Австрии, России, они прошли от Балтики до южного побережья Испании, а бестолковые братья императора расселись на половине тронов Европы. Погибли миллионы, но вот, спустя два десятка лет, все закончилось. Вождь был заточен.

Наполеон повелевал всей Европой, но у него оставался враг, с которым он ни разу не бился, которого он ни разу не побил, – герцог Веллингтон, славой полководца уступавший только Наполеону. Урожденный

Артур Уэсли, он был четвертым сыном графа и графини Морнингтон. Семейство Уэсли принадлежало к англо-ирландской аристократии, и Артур изрядную часть юности провел на родине, в Ирландии. Учился он в основном в Итоне, но там ему не понравилось. Его мать Анна в отчаянии жаловалась: «Не знаю, что и делать с моим непутевым сыном Артуром!» В результате, как многие младшие сыновья знатного рода, он был отправлен служить в армию. Так началась его удивительная карьера, где непутевый Артур выказал способности к военной службе. Армия заметила его и воздала по заслугам. Вначале Артура командировали в Индию, где он одержал несколько блестящих побед. Затем вернули в Британию и доверили небольшую экспедиционную армию, которой была поставлена задача не позволить Франции занять Португалию. Эта небольшая армия выросла в могучую боевую единицу, которая освободила Португалию и Испанию и вошла в Южную Францию. Она одерживала одну победу за другой. Артур Уэсли (семейство изменило фамилию с Уэсли) стал герцогом Веллингтоном и был признан одним из величайших полководцев эпохи. Александр I, русский император, назвал его *le vainqueur du vainqueur du monde*, победителем победителя мира. А «победитель мира» – это, конечно, Наполеон. И за 21 год войны герцог Веллингтон и император Наполеон ни разу не сошлись друг с другом.

Герцога постоянно сравнивали с Наполеоном, но, когда в 1814 году его спросили, жалеет ли он о том, что ни разу не встретился с императором в бою, тот ответил: «Нет, я очень рад этому». Он презирал Наполеона-человека, но восхищался Наполеоном- полководцем, учитывая, что «вес» Бонапарта, вышедшего на поле боя, достигал добрых 40 000 человек. В отличие от Наполеона, герцог не проиграл ни одного сражения, но встреча с императором вполне могла опровергнуть этот выдающийся рекорд.

Словом, если в то лето 1814 года герцог думал, что дни сражений миновали, его можно за это простить. Он знал, что хорош в бою, но, в отличие от Наполеона, никогда не получал удовольствия от сражений. Война для него была досадной необходимостью. Если требовалось драться, он дрался хорошо и с толком, но целью войны видел мир. Теперь он был дипломат, а не генерал, но привычка – вторая натура, и, путешествуя по Королевству Нидерланды, герцог то и дело примечал места, «пригодные для боевых позиций». Одним из таких местечек оказалась долина, на взгляд большинства, пригодная скорее для фермерского хозяйства. Впрочем, глаз герцога был достаточно наметан, чтобы оценить, как склоны и долины, ручьи и рощи могут помочь или помешать командовать войсками, и чем-то эта долина к югу от Брюсселя привлекла его внимание.

Долина оказалась широкой, с крутыми склонами по краям. Маленькая придорожная таверна под названием *La Belle Alliance* («Прекрасное содружество») расположилась на гребне, ограничивающем долину с юга, значительно более высоком, чем самая высокая, 30-метровая часть северного гребня – около 100 метров выше дна долины, причем склон крутой на всем протяжении. Два гребня не вполне параллельны, кое-где подходят один к другому довольно близко. В месте, где долину пересекает дорога на север, расстояние от края до края составляет всего около километра. Это километр доброй, плодородной земли, и во времена, когда герцог посетил долину, летом 1814 года, по обе стороны дороги, вероятно, стояла высокая рожь, а по дороге шли возы из шахт возле Шарлеруа и везли уголь для очагов Брюсселя.

Но герцог заметил еще кое-что. Эта дорога была одним из основных путей из Франции в Брюссель, так что в случае новой войны могла послужить врагу для вторжения. Тогда французская армия пойдет по дороге на север, пересечет южный гребень возле таверны и увидит перед собой широкую долину, а также и северный гребень. Впрочем, гребень – сильно сказано. Солдаты увидят дорогу, которая проходит через долину и поднимается к северному возвышению, посреди фермерского хозяйства. Если представить, что гребень – это стена, то ей потребуются три бастиона. На востоке виднелась деревня с каменными домами, сгрудившимися вокруг церкви. Если эти здания и прилежащие фермерские постройки занять войсками, то выбить их оттуда будет чертовски трудно. Позади каменных построек местность была рельефнее, холмы –

круче, долины – глубже, для военных маневров места оставалось меньше, так что деревня становилась чем-то вроде крепости с восточного края гребня. В центре гребня, на середине склона расположилась ферма под названием Ла-Э-Сент. Это основательное каменное сооружение, жилой дом, амбары и двор обнесены высокой каменной стеной. Ла-Э-Сент защищала от наступления противника по дороге, а на западе находилась усадьба Угумон – крупное строение и сад, огороженные стеной. Так северный гребень превращался в заграждение с тремя выносными бастионами: деревней, фермой и усадьбой. Теперь представим, что армия выступает из Франции и, к примеру, хочет занять Брюссель. Тогда гребень и эти бастионы встанут у нее на пути. Врагу остается либо взять бастионы, либо пройти мимо, но, пройдя мимо, войска во время штурма гребня окажутся зажаты между бастионами и попадут под перекрестный обстрел.

Нападающие увидят гребень и бастионы, но гораздо важнее в данном случае то, чего они не увидят, – то, что находится за гранью северного гребня. Видны будут лишь верхушки деревьев, растущих по ту сторону гребня, а все, что лежит у подножия деревьев, окажется скрыто от глаз, поэтому атакующие не будут знать, что творится на северном склоне. Перебрасывают ли защитники подкрепление с одного фланга на другой? Готовятся ли там к атаке? Прячется ли в засаде кавалерия? Гребень был невысок, но склоны его круты, и он прекрасно вводил в заблуждение, давая огромное преимущество защитникам. Конечно, враг мог оказаться не так любезен, чтобы пойти в обычную лобовую атаку. Он мог попытаться обойти гребень с западного фланга, где местность более плоская. Тем не менее герцог взял это место на заметку. Почему? Тогда он знал – да и любой европеец знал, – что войны закончились. Наполеон изгнан, дипломаты сочиняют в Вене мирный договор, но герцог все-таки берет на заметку место, в котором армии, идущей из Франции на Брюссель, небо с овчинку покажется. Это не единственный путь, где может пройти наступающая армия, и не единственная оборонительная позиция, которую приметил герцог за две недели командировки, но этот гребень и эти бастионы стояли как раз поперек возможного пути вторжения французской армии.

Герцог поехал дальше, миновал Ла-Э-Сент и увидел перекресток дорог на самом гребне, а за ним – небольшую деревню. Если бы герцог спросил, как называется это место, то ему могли ответить: «Мон-Сен-Жан», и это немного забавно, потому что гора Святого Иоанна выглядела скромным бугорком посреди полей ячменя, пшеницы и ржи. К северу от деревни дорога терялась в обширном Суаньском лесу, а на расстоянии трех километров по дороге отыскалось еще одно непримечательное место, хотя и с добротной церковью и с рядом харчевен для усталых и жаждущих путников. В 1814 году в этом городке не жило и двух тысяч человек, да за годы войны город потерял не менее 20 парней. Все они сражались за Францию, поскольку город находился во франкоязычной части Бельгии.

Нам неизвестно, останавливался ли герцог в 1814 году в том городке. Мы не знаем, обратил ли Веллингтон внимание на гору Святого Иоанна или на близлежащий городок с его церквушкой и россыпью трактиров. Запомнил ли он это место?

Придет время, и он уже не сможет его забыть.

Этот городок называется Ватерлоо.

Ватерлоо

1. «Славные вести! Нап снова высадился во Франции, ура!»

«Мой остров не слишком велик», – заявил Наполеон, оказавшись правителем Эльбы, крошечного острова между Корсикой и Италией. Прежде он был императором Франции, 44 миллиона человек находились под его властью, но теперь, в 1814 году, располагал только площадью в 222 квадратных километра да подданными в количестве 11 000 человек. Однако правителем он оказался хорошим и, едва прибыв, принялся издавать один за другим законы, чтобы преобразовать добывающую промышленность и сельское хозяйство острова. Ничто не ускользало от взора правителя. «Сообщите интенданту, – писал он, – о моем недовольстве скверным состоянием улиц».

Но его планы простирались далеко за пределы уборки улиц. Он хотел выстроить новую больницу, новые школы, новые дороги, однако на все это вечно не хватало денег. Французское государство вновь стало монархическим, оно согласилось выплачивать Наполеону субсидию в два миллиона франков в год. Вскоре стало понятно, что этих денег не дадут никогда, а без денег не строились ни больницы, ни дороги, ни школы. Раздосадованный Наполеон надулся и целыми днями играл в карты с прислугой, а британские и французские корабли все это время стерегли побережье острова, не позволяя правителю покинуть его лилипутское королевство.

Император хандрил. Он скучал по жене и сыну. Он скучал и по Жозефине, когда весть о ее смерти достигла острова Эльба, он был безутешен. Бедная Жозефина с ее черными зубами, томными манерами и гибким телом! Эту женщину боготворил каждый, кто с ней встречался, она была неверна Наполеону, но всякий раз он прощал ее. Он любил ее, хотя ради продолжения династии был вынужден с ней развестись. «Не проходило и дня, чтобы я не любил тебя, – писал он ей после смерти, как будто бы она была жива. – Не проходило ночи, чтобы я не обнимал тебя... Ни одну женщину еще не любили так преданно!»

Он хандрил и злился. Злился на Людовика XVIII, не платившего денег, негодовал на Талейрана, когда-то бывшего его министром иностранных дел, который теперь служил французской монархии на Венском конгрессе. Талейран – хитрый, умный, двуличный – предупреждал других европейских депутатов, что на средиземноморском островке, так близко к берегам Франции, император всегда будет представлять опасность. Ему хотелось, чтобы императора отослали куда-нибудь подальше, скажем, на Азорские острова, а еще лучше – на какой-нибудь остров в Вест-Индии, где свирепствует желтая лихорадка. Или вовсе на клочок суши в дальнем океане вроде острова Святой Елены.

Талейран был прав, а вот британский уполномоченный, отправленный на остров Эльба приглядывать

за императором, ошибся. Сэр Нил Кэмпбелл считал, что Наполеон смирился со своей участью, и даже написал об этом лорду Каслри, британскому министру иностранных дел. «Я начинаю думать, – писал Кэмпбелл, – что он уже вполне признал свое поражение».

Про Наполеона можно было сказать что угодно, но только не то, что он признал поражение. Он следил за новостями из Франции и отмечал недовольство реставрацией монархии. Повсеместно росла безработица, хлеб дорожал, и народ, с облегчением и радостью принявший отречение императора, теперь вспоминал его правление с сожалением. А раз так, Наполеон начал строить планы. Ему был оставлен крошечный флот – ничего такого, что могло бы угрожать стерегущим его британским и французским кораблям, – и в середине февраля 1815 года Наполеон приказал, чтобы бриг *Inconstant*, самый крупный из его кораблей, зашел в порт. «Отремонтируйте его медное дно, – распорядился он. – Устраните протечки и... раскрасьте его под английский бриг. Я хочу, чтобы 24-го или 25-го числа этого месяца он был готов и вышел в залив». Он приказал снарядить и два других больших корабля. Наполеону позволялось держать на острове Эльба 1000 солдат, включая 400 ветеранов старой Императорской гвардии, и батальон польских улан. С этими-то войсками он и попытается войти во Францию.

А сэр Нил Кэмпбелл ничего не подозревал. Сэр Нил был человеком порядочным, в 1815 году ему исполнилось 35 лет, его успешная военная карьера едва не оборвалась годом раньше, когда его назначили военным атташе в русскую армию, вторгнувшуюся во Францию. Он пережил сражения в Испании, но при Фер-Шампенуазе какой-то слишком бравый казак принял его за французского офицера и по ошибке сильно ранил.

Раненый выжил и был поставлен британским уполномоченным при Его Императорском Величестве Наполеоне, правителе острова Эльба. Лорд Каслри подчеркивал, что сэр Нил не пленник императора, но приглядывать за Наполеоном – конечно же часть его работы. Так сэр Нил потерял бдительность и в феврале 1815 года, когда *Inconstant* маскировали под британский корабль, сказал императору, что должен отбыть в Италию, проконсультироваться у врача. Может, это и правда, но правда и то, что синьора Бартоли, возлюбленная сэра Нила, проживала в Ливорно, куда он направлялся.

Император пожелал сэру Нилу доброго пути и выразил надежду, что тот вернется к концу месяца, чтобы попасть на бал, который дает принцесса Боргезе. Сэр Нил пообещал приложить все усилия, чтобы успеть на него. Принцессой Боргезе была обольстительная сестра Наполеона, прекрасная Полина, которая присоединилась к брату в ссылке. Нужда заставила ее продать роскошный дом в Париже, его купило правительство Великобритании и использовало как здание посольства. Значит, на пять месяцев оно стало домом для герцога Веллингтона, назначенного послом Великобритании при дворе Людовика XVIII. Этот дом на улице Фобур Сент-Оноре по-настоящему великолепен, и в нем до сих пор располагается британское посольство.

Сэр Нил уплыл в Ливорно на бриге Королевского флота *Partridge*, который обычно стерег главную гавань острова. Как только *Partridge* ушел, Наполеон принялся воплощать свои планы в жизнь, и 26 февраля маленький флот, имевший на борту 1026 солдат, 40 лошадей и 2 пушки, отправился покорять Францию. Плавание продлилось два дня, и 28 февраля Наполеон вновь высадился во Франции. Он вел крошечную армию, но разве можно вообразить себе Наполеона без самоуверенности? «Я дойду до Парижа без единого выстрела», – заявил он своим солдатам.

Мир кончился, прерванный раскатом грома.

Зимой 1814/15 года многие парижские женщины носили фиолетовое. То была не мода, а скорее знак, говорящий о том, что фиалка расцветет весной. А фиалкой был Наполеон. Свадебный наряд его возлюбленной Жозефины украшали фиалки, и на каждую годовщину император посылал ей букет этих

цветов. Перед ссылкой на остров Эльба он сказал, что будет скромн, как фиалка. В Париже каждый знал, что означает фиолетовый цвет, и если поначалу французы считали, что раз император сброшен с трона, значит, и долгой разрушительной войне конец, то вскоре многие пожалели об изгнанном императоре. Восстановленный монархический режим во главе с тучным, грузным Людовиком XVIII оказался грабительским и не нашел сочувствия в народе.

И вот фиалка расцвела. Многие ожидали, что королевская армия запросто разобьет смехотворно крошечный отряд Наполеона, но вместо этого войска короля массово перешли под знамена императора, а французские газеты в течение нескольких дней упражнялись в остроумии, описывая его триумфальное шествие. Вариантов много, но вот типичный пример того, как менялись заголовки:

Его Императорскому Величеству Наполеону Бонапарту было 45 лет, когда он вошел во дворец Тюильри в Париже, и восторженные толпы приветствовали его возвращение. Они собрались за считанные часы. Король, толстяк Людовик XVIII, бежал из Парижа и направился в Гент, в Королевство Нидерланды. Ковер в покинутом тронном зале украшали вышитые короны. Кто-то из толпы, ожидавшей императора, от души пнул одну из корон. Нитки вылезли, под ними оказалась вытканная на ковре пчела, которую скрывала королевская вышивка. Пчела тоже считалась одним из символов Наполеона, и толпа попадала на колени, сдирая королевские короны и возвращая ковра императорский вид.

Это произошло вечером, перед прибытием Наполеона во дворец. Ожидющие могли слышать приветственные крики, которые раздавались все ближе. Затем стук копыт на переднем дворе. И вот уже самого императора внесли в аудиенц-зал. Очевидец тех событий вспоминал: «Глаза его были закрыты, а руки выставлены вперед, как у слепого, и лишь улыбка выдавала, насколько он счастлив».

И что за шествие это было! Оно началось не только от острова Эльба, но от не обещавшего ничего хорошего рождения Наполеона в 1769 году (в том же году родился и герцог Веллингтон). Он был наречен Набулион Буонапарте^[1] – имя говорит о корсиканском происхождении императора. Его семейство претендовало на благородное происхождение, но обеднело, и молодой Набулион заигрывал с теми корсиканцами, что строили заговоры ради независимости от Франции. Он даже подумывал о службе в Королевском флоте Британии, которая была самым значительным врагом Франции. Вместо этого эмигрировал во Францию, офранцузил свое имя и поступил в армию. В 1792 году он стал лейтенантом, а год спустя, в возрасте 24 лет, – бригадным генералом.

Есть известная картина, на которой молодой Наполеон переходит перевал Сен-Бернар, на пути к Итальянской кампании, стремительно вознесшей его к славе. Картина Луи Давида изображает Наполеона на вздыбленной лошади. Все в этом полотне передает движение: лошадь дыбится, рот ее раскрыт, глаза навыкате, гриву растрепал ветер, фоном штормовое небо, а плащ генерала – словно знамя, выющееся по ветру. И посреди всего этого живописного безумия – спокойное лицо Наполеона. Оно кажется хмурым, насупленным, но прежде всего спокойным. Именно так он заказывал художнику, и Давид изобразил человека, который посреди хаоса чувствует себя как дома.

Человек, которого несли по лестнице в Тюильри, сильно изменился с тех лет, когда был юным героем и выглядел как рок-звезда. К 1814 году стройный молодой красавец превратился в пузатого, жидковолосого персонажа с землистым цветом лица и маленькими ручками и ножками. Невысокий, чуть более 170 сантиметров, он тем не менее завораживал. Этот человек вознесся над всей Европой, это был человек, который завоевал и потерял империю, перекроил карты, переделал конституцию, переписал законы Франции. Он был отменно образован, остроумен, легко разочаровывался и был на редкость мстителен. Мир не увидит ничего подобного до самого XX столетия, но, в отличие от Мао, Гитлера или Сталина, Наполеон не был кровавым тираном, хотя, как и они, стал человеком, изменившим историю.

Наполеон был превосходным управленцем, но не таким образом ему хотелось остаться в памяти

людей. Прежде всего он был полководцем. Кумиром ему служил Александр Македонский. В середине XIX века во время Гражданской войны в Америке Роберт Э. Ли, великий генерал армии Конфедерации, наблюдая, как войска выполняют блестящий победоносный маневр, заметил: «Хорошо, что война так ужасна, а то можно было бы чересчур увлечься ею». Наполеон чересчур увлекся ею, он любил войну. Наверное, то была его первая любовь, она совмещала восторг крайнего риска и радость победы. Он обладал проницательным умом великого стратега, даже после успешного наступления, когда враг уже отброшен, он требовал от своих людей колоссальных жертв. После Аустерлица, когда генералы пожаловались, что слишком много французов осталось лежать на замерзшем поле, император ответил, что парижанки возместят эти потери за одну ночь. Когда Клеменс Меттерних, мудрый австрийский министр иностранных дел, в 1813 году предложил Наполеону мир на почетных условиях и напомнил императору, что отказ будет стоить жизни многих людей, то получил презрительный ответ, что Наполеон ради достижения своих целей запросто пожертвует миллионом человек. Наполеон не жалел жизни своих солдат, но солдаты боготворили его, потому что он со всеми находил общий язык. Он знал, как говорить с ними, какие жесты делать, как их вдохновить. Солдаты могли его боготворить, а вот генералы боялись. Маршал Ожеро, ненавистный любитель муштры, говорил: «Этот генерал-недомерок всерьез пугает меня!» А генерал Вандам, жесткий человек, вспоминал, что «дрожал, как ребенок», когда подходил к Наполеону, но все же Наполеон вел всех их к славе. То был его наркотик, *la Gloire!*^[2] В погоне за ней он рушил один мирный договор за другим, армии под штандартами с имперским орлом маршировали от Мадрида до Москвы, от Балтийского моря до Красного. Он потряс Европу победами под Аустерлицем и Фридландом, но он же привел Великую армию к разгрому в русских снегах. Даже его поражения отличаются циклопическими масштабами.

А теперь ему снова предстояло выйти на марш, и он знал это. Он разослал мирных посланников в европейские государства с вестью, что вернулся во Францию по воле народа и не собирается ни на кого нападать, что если они примут его возвращение, то он будет жить с ними в мире. Он, конечно, знал, что ответом будет отказ.

Имперскому орлу снова пришла пора отправляться в полет.

Жизнь герцога Веллингтона оказалась в опасности. Назначение его на должность посла во Франции было, пожалуй, не самым удачным делом британского правительства, и Париж наполнился слухами о готовившихся покушениях. Лондонское правительство предложило герцогу уехать из Парижа, но он отказался, поскольку это выглядело бы трусостью. Потом подвернулся отличный повод. Лорд Каслри, секретарь Министерства иностранных дел и главный британский переговорщик на Венском конгрессе, срочно понадобился в Лондоне, и герцога назначили на его место. Никто не заподозрил бы в таком очевидном продвижении по службе позорного бегства от опасности. Так герцог присоединился к дипломатам, старательно пытавшимся перекроить карту Европы.

Но, пока они говорили, Наполеон сбежал.

Граф Меттерних, холодный, умный, изящный министр иностранных дел Австрии, был, наверное, самым влиятельным дипломатом в Вене. 6 марта 1815 года он лег спать очень поздно, потому что встреча депутатов продлилась до трех часов ночи. Граф сильно устал, поэтому дал прислуге указание не беспокоить его. Все же в шесть утра ему пришлось проснуться, оттого что прибыл курьер с депешей, помеченной словом «Срочно». Конверт был подписан: «От Имперского и Королевского Консульства Генуи». Вероятно, граф решил, что от такого малозначительного консульства не может исходить никаких жизненно важных вестей. Он положил письмо на прикроватный столик и попытался снова уснуть. Наконец в 7:30 утра он сломал печать и прочитал депешу. Она оказалась очень короткой:

Может показаться странным, почему сэр Нил Кэмпбелл в поисках пропавшего Наполеона отправился

в Италию, вместо того чтобы искать отставного императора во Франции. Однако в то время считалось, что если Наполеон высадится во Франции, то тут же будет схвачен силами роялистов. «Никто о Франции и слышать не хотел, – вспоминал герцог Веллингтон. – Все были уверены, что стоит ему появиться во Франции, как его растерзает толпа. Я очень хорошо помню слова Талейрана: “Во Франции? Нет!”»

Гораздо более вероятной казалась высадка в Италии, где королем Неаполя был зять Наполеона, Иоахим Мюрат. Мюрат, севший на престол по милости Наполеона, заключил мир с австрийцами, но понимал, что Венский конгресс почти наверняка ликвидирует его крохотное королевство. Едва он услышал о беге Наполеона, как тут же напал на австрийцев, но эта авантюра с треском провалилась и лишь привела его под прицел расстрельной команды.

Наполеон конечно же направился во Францию, но несколько дней дипломаты в Вене не имели представления, где он, знали только, что на свободе. Конгресс, который так долго колебался, тянул время, устраивал балы и дебаты, внезапно проявил решительность. «Войну, – вспоминал Меттерних, – объявили меньше чем за час». Такая расторопность стала возможной, потому что полномочные представители почти всех заинтересованных сторон уже были собраны в Вене. Король Пруссии, австрийский император, русский император – все были здесь, и появление Наполеона словно гальванизировало конгресс. Никто не объявлял войну Франции, поскольку все собравшиеся в Вене державы были заинтересованы в монархической Франции под управлением Людовика XVIII. Взамен объявили войну всего одному человеку – Наполеону.

Четыре страны: Россия, Пруссия, Австрия и Великобритания – договорились снарядить армии, по 150 000 человек каждая, и стянуть эти армии во Францию. Великобритания не могла собрать такую большую армию, поэтому она обязалась выплатить субсидии остальным трем странам. Теперь по всей Европе сновали курьеры, и один из них вез письмо герцогу Веллингтону от лорда Каслри: «Ваша светлость может решить, где Ваше присутствие наиболее послужит общественному благу – остаться ли Вам в Вене или возглавить армию во Фландрии».

Русский император Александр I не сомневался в том, какой выбор сделает герцог. «Вам выбирать, – сказал он герцогу, – спасать ли мир снова».

Вряд ли герцог долго раздумывал, скорее подобные высокопарные заявления звучали подозрительно. Едва ли ему трудно было решить, где он принесет больше пользы обществу. Он ответил лондонскому правительству: «Я отправляюсь в Нижние Земли, чтобы принять командование армией». И в конце марта покинул Вену, а к 6 апреля прибыл в Брюссель.

История редко предлагает нам такое удивительное противостояние. Два величайших воина эпохи, два человека, ни разу не сражавшихся между собой, собирали армии в 300 километрах одна от другой. Победитель мира находился в Париже, а победитель победителя мира – в Брюсселе.

Знал ли Наполеон, что Веллингтона прочат на роль его победителя? Дипломаты крайне осторожны в подобных высказываниях, и скорее всего, даже наверняка Наполеону сказали об этом нелепом замечании. Это должно было его взбесить. Подобное звание еще требовалось доказать.

Так что армии собирались.

Когда Наполеон вернулся, во Франции царил смятение. Кто правит? Кто должен править? На протяжении нескольких дней никто точно не знал, что происходит. Полковник Жиро де л'Эн был одним из многих офицеров, сражавшихся за Наполеона. С реставрацией монархии ему пришлось уйти в отставку на половинный пансион. Полковник женился, но мечтал поскорее вновь присоединиться к армии императора. Жил он во Французских Альпах, но решил, что должен поехать в Париж.

Полковник Жиро де л'Эн добрался до Парижа и обнаружил, что его прежний командир полка уже присягнул Наполеону, как и почти вся королевская армия, несмотря на клятву, которую они давали Людовику XVIII. Может, офицеры и остались бы верны королевской клятве, но простые люди думали иначе. Граф Альфред-Арман де Сен-Шаман, командовавший 7-м полком конных егерей, как только услышал о возвращении Наполеона, обратился к своему полку с приказом о готовности выступить: «Думаю, мы отправимся воевать с бывшим императором». Однако у его батальона нашлись другие задачи.

Преданность французской армии Людовику XVIII испарилась в один момент, принеся Наполеону 200 000 человек. Тысячи ветеранов, таких как полковник де л'Эн, пришли сами, но Наполеон знал, что для защиты от врагов, которые непременно явятся, ему нужна армия еще большая. Одной из немногих популярных мер Людовика XVIII был отказ от воинской повинности. Наполеон поспешил вернуть повинность, хоть и знал, как люди ее ненавидят, но выбора у него не оставалось. Так он получил еще 100 000 человек, которых, правда, нужно было еще обучить и снарядить. Тогда император учредил национальную гвардию, местная милиция дала ему еще 150 000 человек, но этого все еще было недостаточно. Он знал, что союзники соберут более полумиллиона человек, чтобы напасть на него.

В эти первые недели Франция начала яростную подготовку. Реквизировались лошади, готовилась униформа, чинилось оружие. И тут Наполеон показал себя гениальным руководителем: в начале лета одна его армия уже была готова выступить, а остальные разместились для защиты границ Франции. Чтобы выдержать резню, которая – он знал это – неумолимо приближалась, требовалось еще больше людей. Также требовались люди для подавления роялистского мятежа в Вандее, области на западе Франции, которая всегда была католической и монархистской. Итак, к началу лета Наполеон собрал 360 000 обученных солдат, большинству из которых суждено было собраться на севере Франции, где 125 000 опытных солдат образовали Северную армию.

Наполеон мог в то лето оставаться в обороне, расположив большую часть своих сил за мощными укреплениями и надеясь, что армии союзников разобьются об них. Этого не произошло. Тогда война велась бы на французской земле, а Наполеон никогда не стремился к пассивной позиции. Его сильной стороной был маневр. В 1814 году пред ним оказались превосходящие силы Пруссии, Австрии и России, идущие на Париж с севера и востока, и он переиграл их, благодаря скорости переходов и внезапности атак. Профессиональные военные считают эту кампанию Наполеона самой блестящей, хоть она и закончилась поражением, а герцог Веллингтон тщательно изучил ее. Сам Наполеон заявлял:

Император кривил душой. Война никогда не была настолько простой, но сущность его стратегии действительно проста. Разделить противников, одного пришить к месту, второго мощно атаковать, и как в кулачном бою – чем сильнее ударишь, тем быстрее получишь результат. В 1815 году лучшей защитой Наполеона было нападение, и первым следовало атаковать, конечно, ближайшего.

Могучей русской армии требовалось время, чтобы пересечь Европу до границ Франции. Австрийцы в мае еще не были готовы, но у самой северной границы Франции, в бывшей провинции Бельгии, которая теперь стала частью Королевства Нидерланды, собирались две армии: британская и прусская. Наполеон посчитал, что если разобьет эти две армии, то другие противники поостудят свои головы. Если он победит Веллингтона и сбросит британцев обратно в море, то в Лондоне может даже смениться правительство, к власти придут виги, а они будут рады видеть его во главе Франции. Тогда вражеский альянс развалится. Конечно, это риск, подобный игре в рулетку, но ведь и вся война такова. Конечно, можно ждать, собирать и обучать войска, пока французская армия не достигнет величины войска союзников, но эти две армии на севере были такими соблазнительными! Если их можно разделить, значит, их можно разбить, а если их можно разбить, значит, вражеский союз может рассыпаться. Такое уже случалось прежде, так почему не случится сейчас?

Армия, которую он направил на север, была хороша и состояла из опытных военных. И если у нее были слабые места, то это высшее командование. Наполеон всегда зависел от своих маршалов, но из 20 еще живых маршалов четверо остались верны Людовику XVIII, четверо дезертировали к союзникам, а двое просто скрывались. Один из этих двоих, маршал Бертье, служил у Наполеона начальником штаба и был гениальным организатором. Он бежал в Баварию, где 1 июня выпал из окна третьего этажа поместья в Бамберге и разбился насмерть. Некоторые подозревали убийство, но большинство сходилось на том, что маршал слишком сильно высунулся из окна, чтобы поглядеть, как русская кавалерия проходит внизу, по площади. На посту начальника штаба его сменил Николя Жан де Дьё Сульт, очень опытный воин, начинавший карьеру с рядового солдата. Наполеон однажды назвал его величайшим комбинатором Европы, но, когда Сульт командовал войсками в Испании, оказалось, что Веллингтон постоянно его переигрывает. Он был сложным человеком, заносчивым и вздорным, а вот обладал ли организаторским талантом, как Бертье, – нам предстоит узнать.

Два самых блестящих императорских маршала, Даву и Сюше, не сопровождали Северную армию. Даву, мрачный и непреклонный воин, был назначен военным министром и остался в Париже. Сюше отправился командовать Альпийской армией (громкое название для маленького, скудно экипированного боевого подразделения). Когда Наполеона просили назвать лучших из его генералов, он назвал Андре Массена и Луи-Габриэля Сюше, но Массена был нездоров, а Сюше остался защищать восточную границу Франции от нападения австрийцев.

Для предстоящей кампании Наполеон создал еще одну должность маршала, им стал маркиз Эммануэль де Груши. Даву возражал против этого назначения, но Наполеон настоял на нем. Груши был аристократом старого режима, ему посчастливилось пережить бойню Французской революции. Свою карьеру он сделал в кавалерии, а теперь ему отдавалась под командование третья часть Северной армии.

Маршал, которого называли храбрейшим из храбрых, вспыльчивый и грозный Мишель Ней, который, как и Сульт, начал свою службу с рядового, пламенный, огненно-рыжий и задорный, был сыном бондаря. В 1815 году ему исполнилось сорок шесть, примерно в том же возрасте находились и Наполеон, и Веллингтон. Ней заработал свою репутацию в самых кровавых сражениях долгой войны. В его храбрости не сомневался никто. Он был солдатом из солдат, человеком, который, едва Наполеон бежал с острова Эльба, хвастливо пообещал Людовику XVIII доставить императора в Париж в железной клетке. А потом дезертировал вместе со своим войском. Он прославился невероятной смелостью и умением вести за собой, но никто не назвал бы Нея умеющим принимать решения хладнокровно. Как назло, Сульт не переносил Нея, а Ней не переносил Сульта, но в это роковое лето им предстояло работать вместе.

Маршалы важны, но важнее всех начальник штаба, это он переводит волю императора на язык рутинных строевых команд. Бертье был блестящим администратором, умел заранее видеть проблемы и эффективно сортировать их по важности. Вскоре станет понятно, сможет ли маршал Сульт так же хорошо организовать свыше 100 тысяч человек, накормить их, переместить и отправить в бой, согласно воле императора. Остальные маршалы едва ли годились для самостоятельного командования. Если император избрал тактику прищипливания одной вражеской армии, чтобы удержать ее на месте, пока он громит другую, значит, прищипливанием должен заниматься маршал. В начале военных действий это была работа маршала Нея – занимать Веллингтона, пока Наполеон сражается с пруссаками. А через два дня маршалу Груши следовало беспокоить пруссаков, пока Наполеон бьет людей Веллингтона. Такого не осуществить, просто исполняя приказы, здесь нужна солдатская смекалка. От маршала требовалась способность принимать трудные решения, и Наполеон доверил это Груши – новичку в высоком звании, боявшемуся ошибиться – и Нею, который знал лишь один стиль боя – сражаться как дьявол.

Армии севера предстояло встретиться в Бельгии с двумя армиями, наибольшей из которых была

прусская. Ее вел 72-летний князь Гебхард Леберехт фон Блюхер, который сперва сражался за шведов против Пруссии, но потом попал в плен и перешел в прусскую армию Фридриха Великого. Он был очень опытным воином, гусаром, его прозвали *Marschall Vorwärts*, «Маршал Вперед», за привычку выкрикивать этот приказ, посылая людей в атаку. Его уважали и любили солдаты, хотя, говорят, с ним случались припадки психической болезни, когда он полагал, что забеременел слоном от французского пехотинца. Летом 1815 года никаких следов сумасшествия не наблюдалось. Напротив, Блюхер шествовал, пребывая в фанатичной решимости одолеть Наполеона. Он был прямодушным, отважным, пусть не самым мудрым из генералов, зато отлично умел подбирать себе в штаб офицеров. В 1815 году начальником его штаба служил Аугуст фон Гнейзенау, человек очень способный и многоопытный, один из тех, что сражались вместе с британцами во времена американской Революции. Это подорвало в его глазах репутацию британской армии, и он крайне подозрительно относился к способностям и планам британцев. Когда барона фон Мюффлинга направили к Веллингтону в должности офицера связи, его вызвал Гнейзенау и рекомендовал «быть чрезвычайно осторожным с этим герцогом Веллингтоном, потому что в Индии он имел дела с вероломными набобами[3]; этому выдающемуся генералу пришлось научиться двуличию, и он достиг такого мастерства в этом искусстве, что превзошел самих набобов».

Можно только предполагать, откуда у Гнейзенау сложилось столь странное мнение, но полномочия Гнейзенау и внимательное отношение Блюхера к его советам вряд ли сулили хорошие отношения между Великобританией и Пруссией в будущем. В любом случае между этими государствами сохранялось недоверие после попыток Пруссии аннексировать Саксонию – разногласия по данному вопросу расстроили Венский конгресс. Британцы, французы и австрийцы настолько категорично сопротивлялись усилению Пруссии, что скорее были готовы воевать, чем разрешить аннексию. У России были подобные планы на всю Польшу целиком, и в какой-то момент казалось, что в Европе готова вспыхнуть новая война, где Россия и Пруссия будут биться против всех. До войны не дошло, но скверный осадок остался.

А теперь прусская армия, необстрелянная, находилась в Бельгийской провинции. Пруссия пережила поражение, оккупацию, реорганизацию и, наконец, после отречения Наполеона в 1814 году, демобилизацию. В подчинении у Блюхера имелись и добрые, опытные солдаты, но их не хватало, и остальную часть армии укомплектовывали из добровольцев и ландвера, милиции. В 1815 году призыв к оружию встречали с энтузиазмом. Когда Франц Либер услышал этот призыв, ему едва исполнилось 17. Вместе с братом они направились в Берлин и обнаружили там «стол, установленный посреди площади... за которым несколько офицеров регистрировали тех, кто хотел записаться»: «Толпа была столь велика, что нам пришлось прождать с десяти до часу, пока появилась возможность занести в список наши имена».

Он писал, что его полк в начале мая проходил месячную подготовку, а затем направились в Нидерланды для соединения с войсками Блюхера. Либер с удивлением обнаружил, что одним из сержантов в его полку оказалась женщина и она столь отличилась в боях, что получила три медали за отвагу. Таким образом, к лету 1815 года под началом Блюхера оказались 121 000 воинов и по крайней мере одна воительница. На бумаге эта армия выглядит огромной, но, как писал Петер Хофшрёер, историк, очень симпатизирующий Пруссии, «значительная часть сил Блюхера состояла из новобранцев, способных выполнить только два маневра: наступать в беспорядке или отступать в хаосе». Сказано остроумно, но оказалось, что новобранцы способны также и сражаться. Осталось лишь узнать, сможет ли Гнейзенау преодолеть англофобию и действовать совместно с армией, которая собиралась у него на правом фланге.

То была британо-голландская армия под предводительством герцога Веллингтона, которую герцог очернил как «бесславную армию». Такой она и была, когда он только прибыл в Брюссель. Армия оставалась недоукомплектованной, голландские полки в большой степени состояли из франкоговорящих солдат бельгийской провинции. Герцог не доверял этим войскам – в них служило множество ветеранов Наполеоновской армии. Франкоговорящие бельгийцы были недовольны тем, что их землю превратили в

провинцию Нидерландов, и император знал об этом недовольстве. Через французскую границу передавались листовки и распространялись среди бельгийских солдат армии герцога. «Храбрым солдатам, – вещали листовки, – которые побеждали под французскими орлами. Орлы, что вели нас к победе, взлетели вновь. Их клич все тот же: слава и свобода!» Герцог сомневался в надежности этих полков и принял меры предосторожности, разделив их и рассредоточив среди батальонов, в верности которых сомнений не возникало.

Опору составляли британские войска или 6000 человек Королевского германского легиона (КГЛ), соединения, которое отважно сражалось за герцога всю долгую Пиренейскую войну. Легион был собран в Ганновере и подчинялся королю Великобритании, а в 1815 году Ганновер отправил в армию Веллингтона еще 16 000 человек. Эти 16 000 необстрелянных тоже рассредоточили, как и голландскую армию, в батальоны британцев и КГЛ. Такое решение далось нелегко. Карл Якоби из 1-й Ганноверской бригады жаловался:

К лету, когда началась война, у Веллингтона было около 16 000 ганноверцев и до 6000 человек Королевского германского легиона. Голландская армия, часть «бесславной армии», насчитывала почти 40 000 человек, половину из которых составляли франкоязычные и, следовательно, ненадежные. Остальную часть армии составляли британцы – около 30 000 человек, а герцог хотел бы, чтобы их было побольше.

Но британцы уже отвоевали с Соединенными Штатами, и многие из лучших полков, ветераны побед Веллингтона, в тот момент как раз пересекали Атлантику. Они возвращались, и некоторых прямо из Америки направляли в Нидерланды. Герцог чувствовал бы себя более уверенно, если бы у него была его Пиренейская армия – одна из лучших армий, когда-либо воевавших под британскими знаменами. За несколько недель до Ватерлоо герцог прогуливался в парке Брюсселя с Томасом Гриви, депутатом британского парламента, который весьма обеспокоенно расспрашивал Веллингтона о предстоящей кампании. Британский пехотинец в красном мундире разглядывал статуи в парке, и герцог указал на него. «Вот, – сказал он, – все зависит от этого пункта, получится у нас или нет. Если дадите мне достаточное количество таких, как он, я буду уверен в успехе».

«Таких» в итоге оказалось достаточно. Чуть более 20 000 британских пехотинцев отправили воевать под Ватерлоо, им предстояло выдержать весь напор императорских атак. Императора предупреждали об этих солдатах в красном, говорили, насколько они тверды. Генерал Рей заявлял Наполеону, что британская пехота непоколебима, Сульт утверждал, что «в открытом бою английская пехота – сущие дьяволы». Так оно и было. Императору никогда прежде не доводилось с ними сражаться, и он предупреждениям не внял, зато Веллингтон знал о надежности этих солдат, как и о надежности Королевского британского легиона. Через четыре года после битвы, проходя по полю Ватерлоо, герцог вспоминал: «У меня было всего около 35 000 человек, на которых можно было положиться. Остальные могли разбежаться в любой момент».

У герцога было 22 британских батальона, 15 из которых сражались с ним в Испании или Португалии. И всё. И даже эти проверенные в битве войска были разбавлены, как и прусские полки, новыми рекрутами. Одним из крупнейших и лучших при Ватерлоо считался 52-й Оксфордский батальон легкой пехоты, который более-менее постоянно находился в боевых действиях с 1806 года до самого отречения Наполеона. При Ватерлоо этот батальон насчитывал 1079 человек, но 558 из них примкнуло к батальону после предыдущего сражения. Та же картина наблюдалась в гвардейской дивизии. Прапорщик Роберт Бэтти^[4] из 1-го батальона гвардейской пехоты утверждал, что дивизия переполнена «молодыми солдатами и волонтерами из ополчения, ни разу не попадавшими под обстрел».

Зато старые кадры, ветераны, служили примером твердости. Фредерик Мейнуоринг служил лейтенантом 51-го Йоркширского батальона, сражавшегося при Корунне, Фуэнтес-де-Оньоро, Саламанке, Витории, в Пиренеях и Южной Франции. Когда новости о возвращении Наполеона долетели до

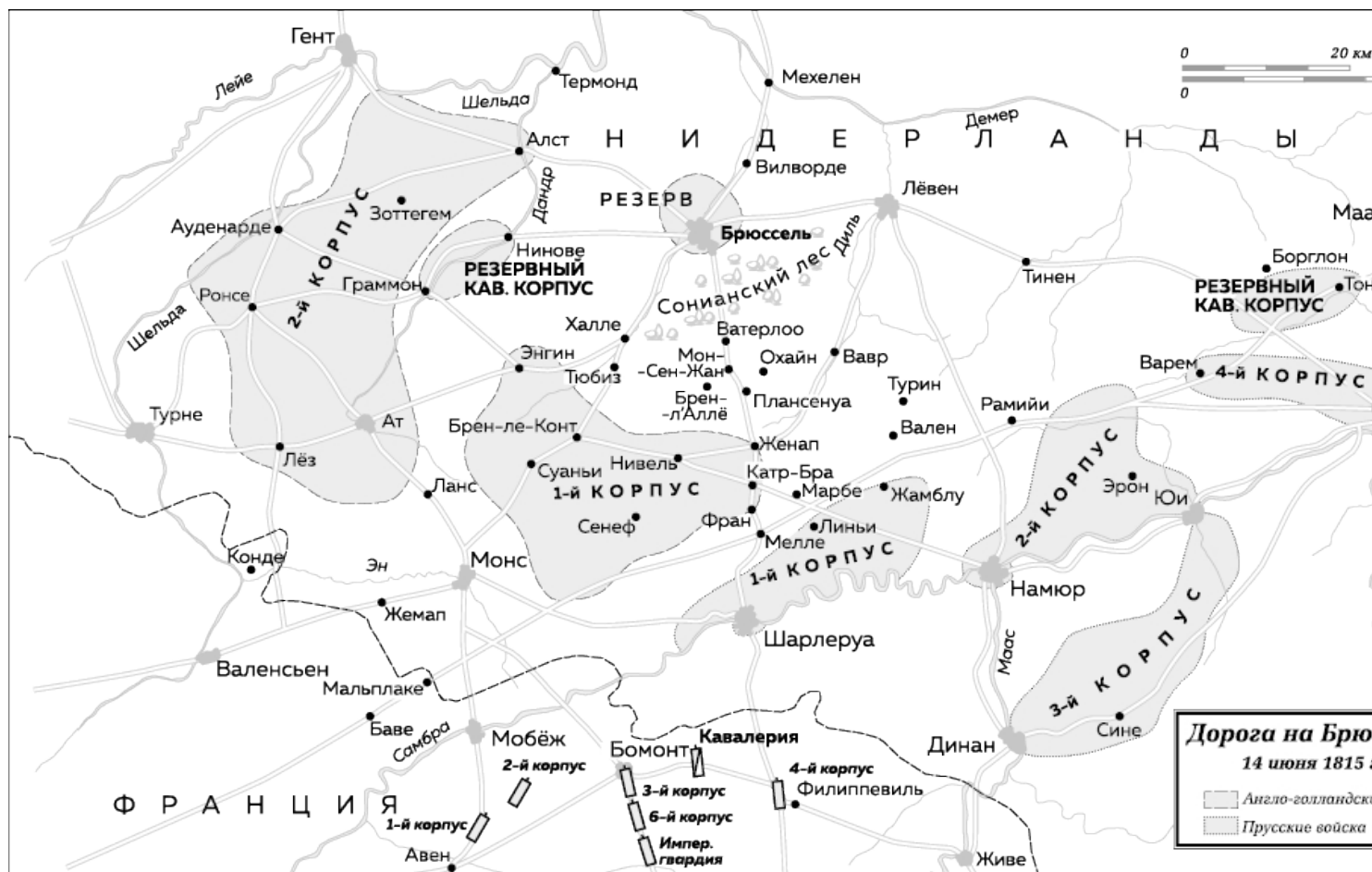
Великобритании, батальон стоял в Портсмуте. Мейнуоринг вспоминал:

Капитан Кавалье Мерсе командовал отрядом Королевской конной артиллерии в Колчестере, когда пришла эта весть, и он описывает ту же историю, что и лейтенант Мейнуоринг. Приказ собираться в поход был «получен к нескрываемой радости офицеров и солдат, все стремились навстречу опасности и кровопролитию, все надеялись заслужить славу и почести».

Во французских и прусских войсках наблюдалась та же картина. Нетерпеливые добровольцы стекались под прусские знамена, а во Франции солдаты пришли в восторг от возвращения императора. Многие побывали военнопленными в страшных британских тюрьмах на Дартмуре или в зловонных остовах кораблей, стоявших без оснастки на вечном якоре. Теперь они жаждали мести. Они хотели славы. Капитан Пьер Кардрон, пехотный офицер, описал сцену, которая снова и снова повторялась по всей Франции. Его полк принес присягу королю, но после возвращения Наполеона полковник созвал всех своих офицеров. Они стояли в два ряда, «спрашивая друг друга, что происходит? Что там? Наконец все забеспокоились». И вот появился полковник.

Неудивительно, что один французский генерал писал домой, как его солдаты «сходят с ума» по императору. И в этой безумной атмосфере Наполеон решает нанести превентивный удар по британцам и пруссакам. Он нападет на них, прежде чем австрийская и русская армии дойдут до французской границы, а для нападения у него набралось 125 000 человек и 350 пушек. Перед ним стоял Блюхер, у которого было 120 000 человек и 312 пушек и армия Веллингтона – 92 000 человек и 120 пушек. Император проигрывал в численности, но для мастера маневра в этом не было ничего нового. Теперь ему предстояло исполнить свой план – разделить противников и уничтожить их по одному. Как он утверждал, война – дело простое. «Это как в кулачном бою – чем больше бьешь, тем лучше».

И в июне 1815 года он собирался разбить Блюхера и Веллингтона в прах.

2. «Боже, Наполеон меня надул!»

Конечно, Наполеон был прав, когда заявлял, что самое трудное на войне – раскрыть планы противника. Как раз в этом и состояла трудность, с которой столкнулись маршал Блюхер и герцог Веллингтон. Что же задумал Наполеон?

Первый вопрос: а нападет ли он вообще, и если да, то когда нападет и где? Еще за три дня до того, как разразилась буря, герцога Веллингтона увещевали, что никакого удара не будет. Он собирался дать бал в Брюсселе 21 июня, в годовщину своего великого сражения при Витории, и когда герцогиня Ричмонд спросила, не будет ли опасно устроить бал 15 июня, он заверил ее: «Можете давать ваш бал с полной безопасностью, не опасаясь вторжения». Во вторник, 13 июня, он писал своему другу в Англию:

Это письмо написано во вторник, а днем раньше, в понедельник, 12 июня, Наполеон отбыл из Парижа, чтобы присоединиться к Северной армии во Фландрии. 14 июня его армия подошла вплотную к границе, а союзники еще ничего не подозревали. Блюхер разделял мнение Веллингтона. Своей жене он писал: «Бонапарт на нас не нападет». Однако Бонапарт именно это и готовился сделать. Он закрыл границы Франции. «Не пропускать ни карет, ни повозок», – приказал он. А в это время к северу от границы – в провинции Бельгия – британская и прусская армии рассредоточились по полосе земли шириной в полторы сотни километров.

Такое рассредоточение требовалось по двум причинам. Союзники находились в позиции защиты. Они не могли нападать, пока не получат численного преимущества, пока австрийская и русская армии не подойдут к границам Франции. Так что на тот момент Веллингтон и Блюхер ждали, хотя, конечно, знали, что император может напасть на них прежде, чем они на него. Веллингтон мог размышлять о маловероятности такого нападения, но обязан был исключить малейшую его возможность, а значит, следовало наблюдать за всякой дорогой, по которой могли прийти французы. Если рассуждать задним числом, то кажется очевидным, что Наполеон должен был ударить в место соединения британской и прусской армий, чтобы разделить их, но в тот момент Блюхеру и Веллингтону это очевидным не казалось. Веллингтон боялся, что Наполеон выберет дорогу западнее, через Монс и далее, на Брюссель, или даже через Гент, где нашел убежище Людовик XVIII. Такой удар отрезал бы Веллингтона от побережья, нарушил бы снабжение его армии. Что бы ни произошло, Веллингтон хотел быть уверен, что в случае проигрыша у его армии есть безопасный путь для отступления, а путь этот вел на запад, к Остенде, откуда корабли могли эвакуировать армию в Британию. У Блюхера был такой же интерес, только его путь к отступлению лежал на восток, в Пруссию.

Так что обе армии рассеялись, пытаясь уберечься от любой возможной атаки французов. Самые западные прусские силы – корпус генерала фон Бюлова – располагались в полутора сотнях километров

восточнее западного фланга Веллингтона. А еще это рассеяние было необходимо, чтобы прокормить обе армии. Войска зависели от закупок местных интендантов, и, если бы в одном месте собралось слишком много людей и слишком много лошадей, там очень скоро не осталось бы ни еды, ни фуража.

Поэтому союзники рассеялись по стране, а Наполеон сконцентрировал свою армию к югу от реки Самбры, на главной дороге, что вела через Шарлеруа к Брюсселю. Почему же союзники этого не обнаружили? В Испании герцог Веллингтон располагал превосходной службой разведки, и проблемой для него был избыток разведданных, а во Фландрии в 1815 году его, можно сказать, ослепили. Пока не закрыли границу, он получал множество сообщений от выезжавших из Франции на север, но большую часть этих сообщений составляли домыслы, и все они были противоречивы. А еще его лишили любимого источника сведений, офицеров британской разведки.

Офицеры британской разведки были надежными людьми, исследовавшими вражескую территорию и целиком зависевшими от первоклассных лошадей, способных уйти от французской погони. Они выезжали на задание в полном обмундировании, поэтому их не могли обвинить в шпионаже, и оказывались крайне действенными. Их начальником был шотландец Колкухун Грант, и Веллингтон потребовал, чтобы Гранта назначили в Бельгию в качестве начальника его отдела разведки. Грант прибыл в Брюссель 12 мая и сразу же приступил к созданию агентурной сети вдоль французской границы. Очень скоро работа разочаровала его, поскольку приграничное население было франкоязычным и сочувствовало Наполеону, либо оказывалось угрюмо и безразлично. Не смог Грант отправить своих разведчиков и за границу, поскольку официально союзники воевали не с Францией, лишь с Бонапартом.

Но у Гранта сохранились прекрасные связи в Париже – случайно, из-за того, что в 1812 году Гранту не повезло в Испании, и он попал в плен к французам. Французы, зная, как Веллингтон его ценит, отказались его обменивать или отпускать под честное слово, но отправили во Францию под стражей, правда, недостаточно надежной. Как-то раз у границы, в Байонне, шотландец сбежал из-под стражи и узнал, что в городе находится генерал Жозеф Суам – французский офицер, выслужившийся из рядовых, – и он собирается ехать в Париж. В порыве отчаянной храбрости Грант познакомился с генералом, представившись американским офицером, и упросил его взять с собой в поездку в свой экипаж. Одет при этом он был в британский красный мундир 11-го пехотного полка, но никто и не подумал спросить его об этом. Что французы смыслят в американской униформе? Попав в Париж, бесстрашный Грант нашел источник сведений в Военном министерстве и сумел отправлять донесения герцогу Веллингтону в Испанию. Со временем Грант вернулся в Англию, а информатор в Париже у него остался, и, став главой отдела разведки у Веллингтона, Грант вновь связался с ним. Информатор предоставил множество ценных сведений про Северную армию, но Гранта больше всего интересовало, будет ли Наполеон нападать? И если да, то где? Правильный ответ французы подсказывать не спешили. Первый контакт между армиями произошел на дороге к Монсу, где французские конные патрули обменивались выстрелами с пикетами союзников, изображая, что Наполеон производит рекогносцировку прямой дороги на Брюссель.

Карта на с. 44 показывает диспозицию союзников. Пруссаки занимают обширную местность к востоку от главной дороги, ведущей на север от Шарлеруа. Британцы широко распределились к западу от дороги. Британская штаб-квартира находится в Брюсселе, а маршал Блюхер – почти в 80 километрах от нее, в Намюре, прикрывает самую удобную дорогу для прусской армии на тот случай, если бы ей пришлось отступать. Это важный момент. Если Наполеон ударит по-настоящему сильно и опрокинет обоих противников, то не оставит им ни малейшего шанса соединиться, потому что пруссаки будут отступать на восток, а британцы двинутся на запад – каждый побежит спасаться домой. Это, в сущности, и есть план Наполеона – разделить союзников и разобраться с ними по одному. Чтобы достичь этого, 14 июня он сконцентрировал свою армию к югу от Шарлеруа. Теперь он изготoвился бросить свое войско, словно копьe, в сердце растянутой диспозиции союзников.

Наполеон напал в четверг, 15 июня. Он пересек границу, и его войска двинулись на Шарлеруа. Прусский конный заслон схватился с французской кавалерией, и гонцы поскакали на север с известием о нападении французов. Однако, когда эти донесения попали в руки Веллингтону, он им не поверил. Герцог опасался, что всякое нападение французов на этой дороге – всего лишь финт, чтобы отвлечь его от настоящей атаки, которая придется на правый фланг. Впоследствии герцога упрекали за его опасения, утверждая, что Наполеон никогда бы не ударил на запад, потому что это соединило бы Веллингтона с армией Блюхера, однако герцог знал, что от Наполеона следует ждать неожиданностей. И потому осторожничал. В Брюсселе распространился слух, что армия выступит 25 июня, но это был лишь один слух из многих. Эдвард Хили, младший конюший на службе у британского штабного офицера, зафиксировал этот слух в дневнике и добавил, что офицеры отдают оружие в скобяные лавки, на заточку, а у суконщиков закупают ткань на бинты. «Но вообще-то, – заметил он, – жизнь продолжается так, будто ничего серьезного не происходит».

Император подошел к границе 14 июня. Следующей ночью герцогиня Ричмонд давала бал в Брюсселе. Герцог присутствовал.

А тем временем на юге дела союзников пошли не так, как было задумано.

Шарлотта, герцогиня Ричмондская, была замужем за четвертым герцогом Ричмондом, не слишком удачливым воином, истинной страстью которого была игра в крикет. Под его командованием находился маленький резервный отряд, размещенный в Брюсселе, и жена-шотландка, дочь графа, душа общества. В 1815 году ей исполнилось 47, она была матерью семи сыновей и семи дочерей. Веллингтон заверил герцогиню, что ее бал не потревожат нежеланные вести, хотя и отговорил ее от роскошного пикника в деревне к югу от Брюсселя. Слишком много приходило вестей о французских разъездах, так что лучше герцогине принимать гостей в самом Брюсселе.

Герцог и герцогиня арендовали большой особняк с вместительным флигелем, который превратили в великолепный бальный зал. Флигель богато украсили драпировками из алой, золотой и черной ткани, между колонн, обернутых фольгой, украшенных цветами и драпировками, свисали люстры. Блиставали и гости во главе с Виллемом Оранским, известным также как Тощий Билли или Лягушонок. Двухлетний кронпринц новоиспеченного Королевства Нидерланды был для герцога чем-то вроде занозы, хотя лично герцог его любил. Проблема заключалась в отце Лягушонка, короле Виллеме I, настоявшем, чтобы его старший сын принял высшее командование в англо-голландской армии. Веллингтону пришлось подчиниться, иначе он остался бы без голландского войска, поэтому значительная часть армии герцога оказалась под командованием молодого человека, который своими полномочиями и званиями был обязан только случаю рождения в королевском семействе. Он командовал 1-м корпусом, и поскольку герцог настаивал, чтобы ненадежные и неопытные батальоны включили в свой состав некоторое количество умудренных опытом ветеранов, то принц командовал также и некоторыми из лучших британцев и ганноверцев герцога.

На протяжении почти трех лет в Испании принц был адъютантом герцога, и полученный опыт позволял ему сильно преувеличивать мнение о собственных военных талантах. Его прозвали Тошим Билли за необычно длинную и худую шею, а Лягушонком за короткие и редкие волосы, широкий рот и глаза навыкате. Считается, что он был помолвлен с принцессой Шарлоттой, единственной дочерью британского принца-регента, но, когда та увидела, как он напился на скачках в Аскоте, разорвала помолвку. Тощий Билли легкомысленно отмахнулся от ее отказа, решив, что она скоро передумает. Точно так же он отмахнулся от франкоязычных подданных своего отца – бельгийцев, «идиотов». А поскольку образование он получил в Итоне, то чувствовал себя дома скорее в британской компании, нежели в обществе своих

соотечественников. В последующие несколько дней ему под командование отойдет почти треть армии Веллингтона, но, к счастью, в помощниках у Лягушонка окажется пара талантливых штабных офицеров, которых герцог упросил сдерживать неосмотрительность, самонадеянность и энтузиазм принца.

На балу собрались сливки общества, орденосный сонм дипломатов, воинов и аристократов, одним из них был генерал дон Мигель Рикардо де Алава Эскивель, военный, назначенный испанским послом в Нидерландах. Военную карьеру он начал в испанском флоте, участвовал в Трафальгарском сражении против флота Нельсона, но военная необходимость потребовала, чтобы Испания вошла в союз с Великобританией, и Алава, после Трафальгара служивший в испанской армии, отправился к Веллингтону в качестве атташе. Британо-испанские отношения омрачались затруднениями, подозрительностью и взаимным недопониманием, но были бы еще хуже, если бы не такой разумный и тактичный советник, как Алава. Между ним и герцогом завязалась дружба на всю жизнь, и в эти несколько дней испанец оказался вместе с герцогом. У него не было дел в Ватерлоо, лишь дружеская привязанность заставила его разделить с англичанами все опасности, и герцог был крайне признателен ему за это. Алава оказался одним из немногих, переживших и Трафальгар, и Ватерлоо. По большей части это были французы, потому что по крайней мере один батальон при Ватерлоо служил на кораблях обреченного флота Вильнева.

На балу присутствовал сэр Томас Пиктон. Он недавно прибыл в Брюссель, в командование 2-го корпуса герцога. Его очень ждали, потому что Пиктон был боевым генералом, много и успешно служившим в Испании и Португалии. «Вперед, шельмецы! – кричал он, поднимая людей в атаку при Витории. – Вперед, мужичье драчливое!» Он был вспыльчивый валлиец, дюжий и растрепанный, но несомненно храбрый. «Грубый, похабный дьявол» – так описывал его герцог Веллингтон, но к 1814 году грубый и похабный дьявол страдал от того, что нам известно как боевое истощение. Он написал герцогу прошение отправить его домой. «Я должен сложить оружие. Я стал таким нервным, что, если только требуется выполнить какое-то дело, это так действует на мою психику, что я не могу спать по ночам. Кажется, я больше не могу этого выносить».

Как только Веллингтон принял командование над «бесславной армией», он послал за Пиктоном. Ему требовался каждый ветеран Пиренейской войны, кого только удавалось найти, а валлиец был человеком, которому можно доверить вести и вдохновлять войска. Пиктон все еще болел. Перед отъездом из Британии он лег в свежевырытую могилу и мрачно изрек: «Думаю, это мне подойдет». Несмотря на пасмурные предчувствия, он добрался до Брюсселя, хотя умудрился напутать при укладке саквояжа с униформой, так что на поле битвы ему пришлось выехать в потрепанном кителе и облезлой коричневой шляпе. Должно быть, его фигура странно выделялась между великолепных мундиров на балу, посреди всей этой парчи и золотого шитья, эполет и аксельбантов, не говоря уже о декольтированных платьях дам. А среди них было много молодых англичанок, как, например, 22-летняя Фрэнсис Уэддерберн-Вебстер, которая, несмотря на замужество и беременность, за несколько дней до этого встречалась с Веллингтоном в парке Брюсселя. Британский штабной офицер видел, как герцог в одиночестве прогуливался по парку, затем подъехал открытый экипаж, из него вышла леди Фрэнсис и парочка, как писал офицер, «спустилась в низину, где деревья полностью скрыли их». Впоследствии лондонская газета St. James's Chronicle будет распространять слухи об их связи, заявляя, что муж леди Фрэнсис угрожал ей разводом. Эта публикация послужила поводом для судебного разбирательства о клевете и вылилась в серьезный ущерб для газеты, но интересно (хотя, это может быть и не важно), что и накануне Ватерлоо, и на следующий день после битвы герцог нашел время, чтобы написать леди Фрэнсис.

Веллингтон любил женское общество – за исключением своей жены, которую вовсе не выносил. В этом смысле он был полной противоположностью Наполеону, который однажды заметил: «Мы всё разрушаем, если обращаемся с женщинами слишком хорошо. Мы совершаем большую ошибку, если принимаем их почти на равных. Природа сотворила их нашими рабынями». Веллингтон гораздо свободнее

общался с женщинами – особенно с умными женщинами, – чем с мужчинами, и особенно любил это делать, если женщины молоды, хороши собой и аристократичны. По Брюсселю ходил слух: «Герцог считает своим долгом отыскать всех дам свободных нравов», – жаловалась Кэролайн Кейпл, сестра второго человека в команде Веллингтона, лорда Аксбриджа, который и сам флиртовал с невесткой Веллингтона. Герцога особенно предостерегали против одной такой любительницы «свободных нравов», леди Джон Кэмпбелл. Ее моральный облик, как говорили, «более чем подозрителен». «Черт, в самом деле? – отвечал герцог. – Пожалуй, нам стоит увидеться и обсудить это с ней лично!» С этими словами он надел шляпу и тут же вышел. Никаких подозрительных слухов не ходило о 17-летней леди Джорджиане Леннокс, дочери герцогини Ричмонд, которая сидела на балу своей матери рядом с Веллингтоном. Она спрашивала, верны ли разговоры о том, что сюда идут французы. Герцог кивал: «Да, – говорил он. – Все верно, завтра нас здесь не будет».

Это чувство неминуемо надвигавшегося сражения и придавало балу особенную остроту. Ночью 15 июня зал заполняли офицеры в красивых мундирах, танцующие при свечах, а в ближайшие 24 часа многие из них будут убиты, едва успевшие переодеть шелковые чулки и бальные туфли. Веллингтона критиковали за то, что он, получив сообщение о наступающих французах, не оставил бала, но у герцога, как всегда, нашлись на то свои причины.

Он не хотел устраивать панику. Его застали врасплох: к десяти часам, когда прибыл на бал, он уже знал, что Наполеон его одурачил, но время бить тревогу не пришло. Он знал, что за ним наблюдают, следовало демонстрировать самоуверенность. Вторая причина чисто практическая. Герцогу требовалось отдать срочные приказы, а почти все старшие офицеры его армии находились на этом балу, всех легко было найти и направить. Бал служил своего рода командирской группой, и со стороны герцога было бы глупо упустить такой шанс. Леди Гамильтон-Далримпл, сидевшая на одном диване с герцогом, вспоминала, что он «часто обрывал речь на середине фразы, посылал за каким-нибудь офицером и давал ему указания».

Так что же наполнило бал таким беспокойством?

Ад разверзся на дороге из Шарлеруа.

Одну из главных трудностей Наполеон устроил себе сам. Он приказал разрушить все главные дороги, ведущие из Франции на север. Дороги строились из утоптанного слоя гравия на каменной подложке, и на несколько километров к югу от границы дороги переломали и перекопали, чтобы создать преграду для армии, наступающей на Францию. Точно так же они послужили преградой и для французов, направляющихся на север. Испорченные дороги не представляли трудности для кавалерии или пехоты – они могли пройти полями или обойти другой дорогой, – но доставили хлопот для перемещения колесных средств: для обозов и пушек.

Если уж Наполеон решил нападать, то действовал быстро, собирая свою армию к югу от реки Самбры. Специальные команды чинили дороги, пропуская на север пушки и повозки, но пехоте и кавалерии приходилось идти полями, большей частью ржаными. В начале XIX века рожь росла высоко, так что перед наступающей армией встали густо посаженные жилистые стебли в рост человека. Урожай был вытоптан, но один из кавалеристов вспоминал, как спотыкались лошади, цепляясь ногами за спутанные стебли, и как неудобный переход через рожь сыграл свою роль в последующих событиях.

Но вот, несмотря на спотыкающихся лошадей и ремонт дорог, армия Наполеона подошла к границе, и к ночи 14 июня, накануне бала герцогини Ричмонд, Северная армия встала лагерем в нескольких километрах к югу от Шарлеруа. Император приказал располагаться скрытно, под защитой холмов, однако готовилась еда, костры светились в ночи. Свечение в небе должно было послужить для союзников первым

сигналом о том, что на юге затевается что-то зловещее. Однако если даже кто-то и заметил свечение, особенного беспокойства не проявил.

15 июня к рассвету французские солдаты уже были на марше. Первым делом им предстояло перейти реку Самбру, протекавшую сразу у границы, и армия тремя колоннами подошла к ее южному берегу. Центральная колонна направилась на Шарлеруа, к забаррикадированному мосту. Там произошла задержка, дожидались, пока прибудет достаточно пехоты, чтобы штурмовать заграждение. Прусских защитников оказалось немного, всего лишь форпост, и они отступили на север, пока французы занимали город. Тем временем перевалило за полдень, и в Бельгию входили усиленные конные разъезды Наполеоновской армии. Они отправлялись в рейды, в поисках расположения армии союзников.

Но не одни лишь французы действовали. Гораздо западнее другие конные разъезды проверяли дорогу на север, к Монсу. Ричард Кокс Эйр, подпоручик («второй лейтенант», офицерское звание у стрелков, соответствует подпоручику в других войсках), описал это столкновение как «игру», но подобные сообщения для герцога Веллингтона были убийственно серьезны. Они могли означать, что враг наступает и готов отрезать его от портов Северного моря. Герцог получил также и сообщения о действиях врага в районе Шарлеруа, но первым его порывом было желание защитить правый фланг, и он приказал резерву, которым командовал сам, оставаться в Брюсселе, а остальной армии стоять в западных областях, где они и располагались. Такое распоряжение могло привести к катастрофе. Наполеон перебрасывал войска через реку и медленно теснил пруссаков, а Веллингтон, вместо того чтобы отправить людей в опасную точку, следил за дорогами, ведущими в Остенде, откуда доставлялась из Британии большая часть его войск, пушек и обозов. Лучшего развития событий Наполеон и придумать не мог!

История о 15 июня – дне, когда состоялся знаменитый бал, – относится к числу загадочных. «Дымовая завеса» – конечно, расхожий стереотип для рассказов про войну, но для описания этого дня он очень подходит. Наполеон собрал армию для перехода через Самбру, на заре начал наступление, пруссаки отступают медленно и неохотно, а Веллингтон, несмотря на сообщения от союзников, не проявляет никакой решительности. Вместо того ведет себя легкомысленно – танцует! Впоследствии его обвиняли в том, что он умышленно игнорировал сообщения от прусской армии, но зачем он это делал – тоже загадка. Впервые он услышал о наступлении французов около трех часов дня. Донесения шли долго, и критики герцога считают, что, как только он их получил, должен был сразу же приказать бросить войска на восток, к бою, но он ждал. Барон фон Мюффлинг служил офицером связи в прусской армии, и именно Мюффлинг принес известия Веллингтону:

В отчете Мюффлинга вызывают любопытство два момента. Известно, что первая схватка между наполеоновской и прусской армиями состоялась около пяти часов утра, однако Мюффлинг, у которого нет причин лгать, утверждает, что новость об этом добралась до Брюсселя только к трем часам дня, через десять часов. Шарлеруа расположен приблизительно в 50 километрах к югу от Брюсселя, конный вестовой легко проделает этот путь меньше чем за четыре часа. Однако проделал за десять. Неизвестно почему, ведь Веллингтон как-то упомянул, что с донесением был отправлен «самый быстрый офицер прусской армии».

Прусские источники настаивают, что генерал фон Цитен, которого теснили французы, отправил письмо Веллингтону ранним утром, но доказать, что письмо отправлено, – не значит доказать, что оно получено. На эту дискуссию извели массу чернил, страстей и взаимных обвинений. Впоследствии Гнейзенау говорил, что герцог долго собирал свою армию, и лицемерно прибавлял: «Я до сих пор не знаю почему». Конечно же он знал, но его неприязнь к Веллингтону не позволила ему признать, что существовало разумное объяснение. Эта неприязнь тем печальнее, что у Гнейзенау и Веллингтона было много общего: оба были очень интеллигентными, работающими, усердными, дисциплинированными,

нетерпимыми к глупости и беспечности, оба стремились к одной цели – к полному разгрому Наполеона, – и все-таки Гнейзенау считал Веллингтона неблагонадежным. А ведь в истории о Ватерлоо большую роль играет доверие. Военные действия союзников были основаны на взаимном доверии, что Блюхер придет на помощь Веллингтону, а Веллингтон – Блюхеру. Оба полководца знали, что их армия в одиночку не сможет победить ветеранов Наполеона. Им требовалось объединить силы, а если объединить не получится, то и не сражаться вовсе.

Так почему же в тот роковой четверг Веллингтон не собрал свою армию? Да потому что еще не понял, где конкретно ему нужно воевать. Он получил известия, что французские силы были замечены на подходе к Тюэну. Присутствие французов возле этого города, хотя и поблизости от Шарлеруа, могло указывать, что началось генеральное наступление на Монс. К тому же произошло столкновение британских стрелков и французских уланов на самой дороге на Монс. Веллингтон боялся, что Наполеон ударит на западе, и потому ожидал дальнейших известий от своих войск из Монса. Он сам говорил об этом вполне конкретно. Когда Мюффлинг торопил герцога, чтобы тот скорее отправил помощь прусской армии, Веллингтон объяснил свое промедление так:

Здесь, кажется, все ясно. Никакого предательства союзников, никакой небрежности к их предупреждениям. Герцог просто проявлял осторожность, пока не получил подтверждения, что главный удар французов направлен на Шарлеруа, что это не уловка, чтобы выманить его на восток и ударить на правый фланг. Так что герцог ждал. Перед началом кампании его предупреждали, что одно неверное движение может позволить Наполеону нанести удар на поражение. Потому он предпочел не делать вовсе никаких движений. К вечеру пришли новые письма от Блюхера, а герцог все ждал, все боялся ударить по дороге на Монс. И только поздней ночью, веселясь на балу, он узнал, что в Монсе все спокойно, и убедился, что Блюхер прав, и главный удар пришелся на Шарлеруа. В тот вечер известия сыпались одно за другим, но все изменила депеша от надежного человека, барона Жана-Виктора де Констан-Ребека, который служил у Тощего Билли начальником штаба. Он сообщил, что французы продвинулись на север от Шарлеруа до самого перекрестка под названием Катр-Бра[5] и что он послал против них войска.

Тогда последовал один из самых известных в биографии Веллингтона случаев. Уже за полночь герцог уходил с бала, его сопровождали через залу, он обернулся к герцогу Ричмонду и шепнул: «У вас в доме найдется хорошая карта?»

Ричмонд привел Веллингтона в свой кабинет, где на столе была расстелена карта. При свечах Веллингтон некоторое время разглядывал ее, затем воскликнул: «Боже, Наполеон меня надул! Он выиграл у меня двадцать четыре часа пути!»

Войска Наполеона смогли разделить союзников. План императора приводился в исполнение.

Сержанта наполеоновской Императорской гвардии причудливо звали Гиацинт-Ипполит де Модюи, и это открывало ему путь в самое сердце элиты. Он принадлежал к Старой гвардии, части второго батальона первого гренадерского полка. Императорская гвардия считалась любимыми войсками императора, ударной силой Французской империи. Каждый гвардеец был ветераном, имел привилегию носить особую униформу и был отчаянно предан императору, которого гвардия защищала. Бенджамин Хейдон, английский живописец и известный расточитель[6], как-то после первого отречения Наполеона увидел этих гвардейцев и рассказывал:

Сержант Ипполит де Модюи и был одним из таких «бандитов», и пока герцог Веллингтон танцевал на балу, сержант обосновался во дворе скобяной лавки в Шарлеруа, которая временно стала штаб-квартирой Наполеона.

Гвардейцы имели смутное представление о том, что происходит. Они шли весь день, слышали стрельбу, снова шли, а теперь, как заведено у ветеранов, заботились о том, чтобы в их ранцах был запас еды. У одного из гвардейцев нашлась старая карта Фландрии, и Ипполит вспоминал, как они сгрудились вокруг этой карты, гадая, каков же план императора.

А был ли у императора план? Довольно часто Наполеон говорил, что лучший план – подобраться к врагу и только затем принимать важные решения. В тот день, 15 июня, французы подобрались к прусской армии. Первый бой произошел к югу от Шарлеруа, но по мере того, как французы двигались на север от Самбры, сопротивление нарастало, а на карте Ипполит де Модюи и его товарищи могли разглядеть дорогу, идущую от Шарлеруа к северу. Всего через пару километров от города дорогу пересекала другая, проложенная еще римлянами, и пруссаки, видимо, использовали ее для отступления. Они уходили на восток, в сторону далекой Пруссии, и казалось, что никто не защищал главный путь на север, на Брюссель.

История о Ватерлоо – это история о дорогах. О дорогах и их перекрестках. Армиям необходимы дороги. Пехота и кавалерия могут идти по бездорожью, хотя и ужасно медленно, но пушкам и обозным повозкам дороги все-таки нужны. Карта дорог к северу от Шарлеруа поясняет, с какой проблемой столкнулись генералы трех армий. А в ночь, когда состоялся бал герцогини Ричмонд, почти все эти проблемы достались союзникам. Наполеон уже контролировал ситуацию, и его стратегия разделения союзников действовала. Осторожность Веллингтона прибавила ей успеха.

Прусская армия отступила не очень далеко. В ночь с 15 на 16 июня, когда Веллингтон танцевал, а император обосновался в Шарлеруа, прусские войска остановились в деревушке под названием Сомбреф. Здесь они встанут лагерем. Почему Сомбреф? Потому что здесь проходит другая важная дорога, пересекающая римскую и уходящая на запад, а британо-голландская армия стоит как раз на западе. Эта небольшая дорога, обычно называемая Нивельской, пересекает тракт Шарлеруа – Брюссель у малозаметного поместья под названием Катр-Бра. Если прусские войска отступят дальше, они рискуют потерять связь с силами Веллингтона. Нивельская дорога – последний связующий путь, по которому британская армия может прийти на помощь прусской, поэтому Блюхер приказал остановиться именно здесь.

Впрочем, оставалась еще одна проблема. Герцог Веллингтон слишком долго ждал, британо-голландская армия слишком долго собиралась. Император выиграл время для маневра, и жизненно важный перекресток Катр-Бра, где должна собраться британо-голландская армия, чтобы выступить на помощь прусской, остался практически незащищенным. Стоит захватить перекресток – и герцог Веллингтон на помощь прусской армии уже не придет.

И 16 июня, на заре, император отправляет маршала Нея занять Катр-Бра.

День был жарким – знойный день бельгийского лета. Императорская гвардия выступила из Шарлеруа поздно, около девяти утра, и отправилась вслед основным силам императора, по направлению к Сомбрефу. Император обнаружил врага и теперь знал, что делать. Маршал Ней захватит стратегически важный перекресток Катр-Бра, отделив Веллингтона от сражения, которое император проведет у деревни Линьи, неподалеку от Сомбрефа. Это будет сражение между Францией и Пруссией. Если император одержит победу, то пруссаков можно запросто выдворить домой, а император тогда обратится против британцев.

Ипполит и его товарищи-гвардейцы шли за полковым знаменем. Они проходили мимо павших, убитых накануне в стычках между отступающими пруссаками и наступающими французами. Ипполит вспоминал, что более-менее понял план императора – карта ему помогла – но, по правде говоря, не дело гвардейца заботиться о планах. Всё, что требовалось знать, – что любезный его сердцу император намерен биться, что враг отступает в беспорядке и что если положение станет отчаянным, то император бросит

гвардию в бой. Их задача – выигрывать битвы, и они хвалились, что непобедимы, избранники императора, храбрейшие солдаты Франции, неукротимая гвардия.

Гвардеец с радостью назвал бы себя и храбрейшим из храбрых, но этот титул уже закрепился за маршалом Мишелем Неом, который присоединился к армии только этим жарким утром 16 июня. «Ней, – приветствовал его император, – я рад тебя видеть». И пока Ипполит и вся остальная армия шла разбираться с пруссаками, Нею дали 9600 человек пехоты, 4600 всадников и 34 пушки и приказали занять перекресток при Катр-Бра. Это, пожалуй, была самая простая из задач, и Нею выделили более чем достаточные силы для ее выполнения.

Взять Катр-Бра – и пруссаки почти наверняка обречены.

Взять Катр-Бра – и британцы станут следующей жертвой Наполеона.

Для императора всё складывалось очень хорошо. Однако нашелся один голландец, который решил не подчиниться приказу.

Генерал-майор барон Жан-Виктор де Констан-Ребек родился в Швейцарии, а умер на территории нынешней Польши. На военную службу он поступил к французам, но после революции служил в голландской армии. В 1815-м ему исполнился 41 год, британскую армию он знал прекрасно, поскольку в Пиренейскую кампанию был у Тощего Билли адъютантом и всюду сопровождал молодого Веллингтона. А теперь он находился при кронпринце в должности начальника штаба.

Ребек был человеком уравновешенным и разумным. 15 июня он получил приказ собрать 1-й корпус, подчиненный кронпринцу, в городе Нивеле, к западу от тракта Шарлеруа – Брюссель. Приказ запоздал, потому что герцог Веллингтон прождал целый день, опасаясь, что французы нападут на Монс, но в конце концов англо-голландская армия пришла в движение.

И Ребек решил, что движется она не туда.

Нивель – неплохое место, чтобы собрать часть армии Веллингтона. На восток от города уходит Нивельская дорога, она ведет к месту, где решил встать лагерьм Блюхер. Вот только между Нивелем и Сомбрефом расположен невзрачный перекресток под названием Катр-Бра. Наполеон решил взять его под контроль и велел маршалу Нею захватить его. Если французы удержат Катр-Бра, то встанут между Нивелем и Сомбрефом, между Веллингтоном и Блюхером. Если захват Катр-Бра осуществится, задача Наполеона по разъединению союзнических сил будет выполнена.

И Ребек это понял.

В итоге вопреки приказу собраться в Нивеле Ребек направил войска в Катр-Бра. Их было немного, чуть более четырех тысяч голландцев, но они встанут на перекрестке и, пока Веллингтон наряжается к балу, будут отражать наступающих французов. И действительно, французы, патрулируя дорогу к югу от перекрестка, попали под огонь голландской артиллерии и пехоты. Французы не стали усердствовать. Они попробовали атаковать, обнаружили голландские войска и отступили. Время было позднее, солнце почти зашло, и атака на перекресток могла подождать до утра. Голландские солдаты, отбившие французов, были на самом деле немцами из Ниссау. А на голландской службе они оказались таким же образом, как и ганноверцы на британской. Как правитель Ганновера стал королем Англии, поучаствовав в европейском мюзикле про игру престолов, примерно так же и принц Ниссау стал королем Виллемом I Нидерландским. Солдатами, отразившими первые атаки французов, командовал 23-летний полковник принц Бернгард Саксен-Веймарский, и в ту ночь, когда горели люстры на балу герцогини Ричмонд, молодой полковник отправлял донесение о событиях прошедшего дня своему непосредственному начальнику. Он сообщал, что отразил нападение французской кавалерии и пехоты, но беспокоился об отсутствии связи с другими

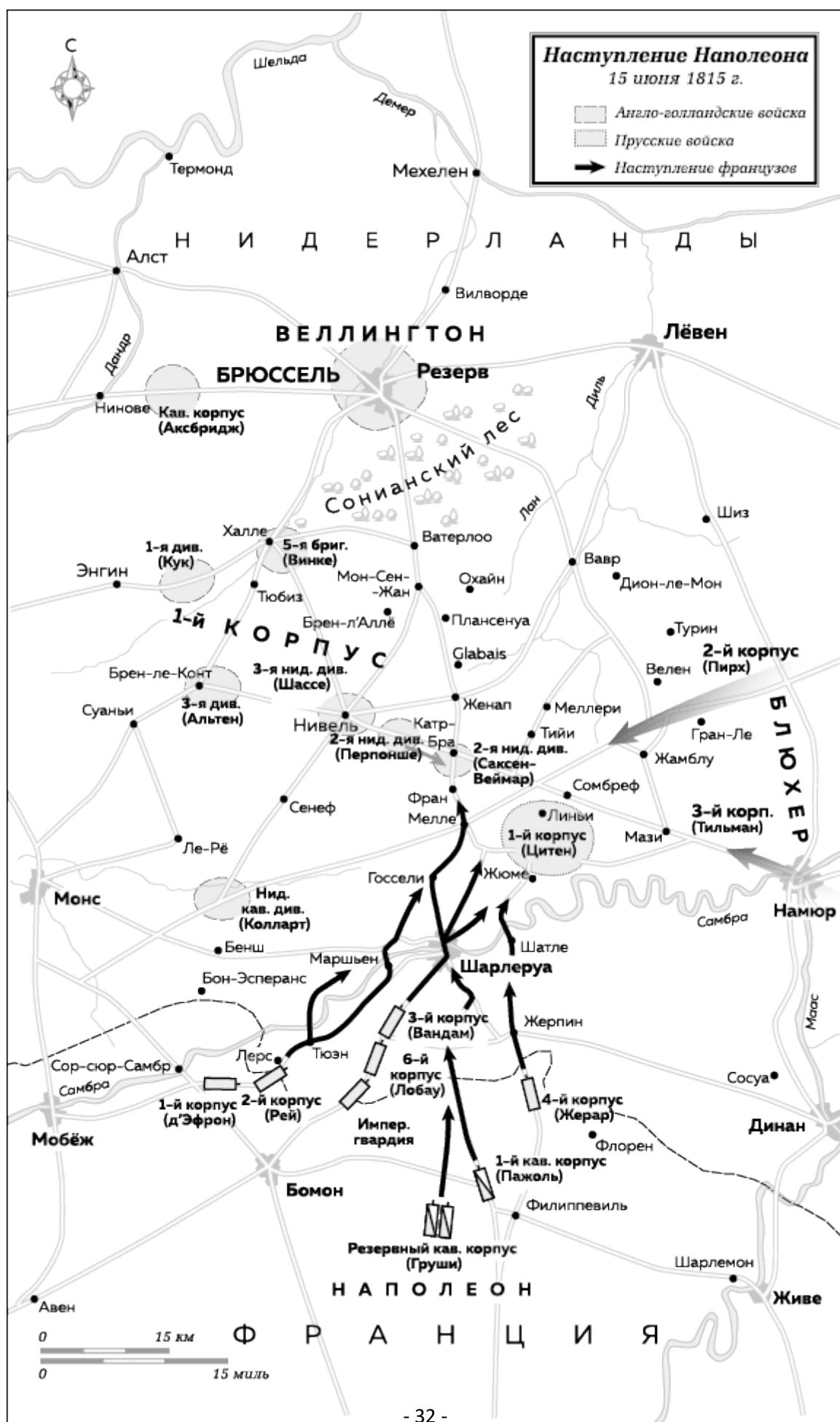
подразделениями союзных войск. Он был один, в темноте, без всякой поддержки. Известны такие его слова:

Итак, над Бельгией опустилась ночь, и план императора, казалось, еще работал. Его армия перешла Самбру и продвигалась на север. Пруссаки отступали на север и восток, но остановились у деревни Линьи, за которую планировали сразиться. Блюхер зависел от помощи Веллингтона, но британцы собирались слишком медленно, и от прусских союзников их отделял долгий путь. Они еще могли дойти до Линьи, но только если Нивельская дорога окажется свободна, а значит, если удержится перекресток Катр-Бра и на нем – маленький отряд немцев на голландской службе, отрезанный от помощи, почти без боеприпасов. Эти 4000 немцев ждали утренней атаки, и атаковать их должен маршал Ней, храбрейший из храбрых.

Таким образом, 16 июня с восходом солнца ожидалось два сражения: одно при Линьи, другое на стратегически важном перекрестке Катр-Бра. Наполеон понимал значение этого перекрестка. Захватить Катр-Бра – и он разделит врагов. А «дымовая завеса» войны все сгущалась. Пока Веллингтон танцевал, император пребывал в иллюзии, что Ней уже захватил Катр-Бра. Утром 16 июня он даже послал Нею подкрепление, и теперь под началом маршала оказалось более 40 000 человек. Эти дополнительные силы были отправлены Нею не для штурма перекрестка – Наполеон был уверен, что перекресток уже взят, – а для того, чтобы удержать перекресток и не дать англичанам подойти на помощь Блюхеру. Более того: «Вечером пойдете на Брюссель, деберетесь туда к семи утра. Я поддержу вас Императорской гвардией».

Значит, Наполеон считал, что сможет выдворить прусскую армию и переключиться на британскую. Все шло по плану, и император собирался в субботу завтракать в Брюсселе, во дворце Лакен, то есть в резиденции короля Нидерландов.

Все шло по плану, если не считать того, что Ней так и не занял Катр-Бра.

3. «Судьба Франции в ваших руках!»

В тот год 16 июня выпало на пятницу и было жарким и душным с самого рассвета. Прусская армия собралась у городка под названием Сомбреф, французская на нее наступала, а британо-голландская армия на марше отчаянно пыталась наверстать упущенный день. Веллингтон, понимая важность неприметного перекрестка Катр-Бра, приказал вести армию туда, но его приказ запоздал. Или совсем опоздал? Часть войск выдвинулась из Брюсселя при свете луны, выйдя из города в два часа ночи, но большая часть дождалась рассвета. Город находился на грани паники. Капитан Джонни Кинкейд, офицер 95-го стрелкового полка, спал на мостовой, вернее, пытался заснуть:

Немногим удалось поспать той ночью, хотя герцог перехватил пару часов, прежде чем отправляться на Катр-Бра. Заезжие англичане, а их было немало, благословляли солдат в путь. Одна из этих англичанок, мисс Шарлотта Уолди, вспоминала «смятение и переполох военных приготовлений»:

Мисс Уолди не упомянула о национальности этого солдата, вполне возможно, то был британец. Некоторым солдатским женам и детям позволялось сопровождать батальон на зарубежной службе. Они выбирались перед самым отправлением посредством лотереи. Жены, как правило, стирали и готовили, но перед отправлением на юг семьям солдат было приказано оставаться в Брюсселе. Лейтенант Бэзил Джексон из королевского штабного корпуса наблюдал за этим исходом:

Лейтенант Джексон почти всю ночь не спал, отправляя письма на восток, а теперь нашел минутку для отдыха, прежде чем сесть на усталого коня и двинуться в горячую точку вслед стойким шотландцам.

А она таки была горяча! Катр-Бра считался последним пунктом, где союзникам удобно соединиться. В случае потери Катр-Бра связующими маршрутами станут лишь снабженные узкими мостиками сельские дороги, ветвящиеся по холмам, так что, если Наполеон сумеет отбросить британцев от перекрестков, сообщение между британо-голландской и прусской армиями станет весьма затруднительным. Этот маневр был жизненно важен для всей французской армии, поэтому император так серьезно усилил отряд Нея. К утру 16 июня у Нея было более 40 000 человек, чтобы одолеть небольшой отряд под командованием Бернгарда Саксен-Веймарского. У этих ребят из Нассау подходили к концу боеприпасы, оставалось не больше десяти патронов на брата. «Я буду удерживать доверенную мне позицию, сколько смогу», – пообещал принц Бернгард Саксен-Веймарский, но сколько могут продержаться 4000 человек почти без патронов против превосходящих сил Нея?

Но, как это ни удивительно, Ней не сделал ничего. В то утро он мог захватить перекресток в любой момент и без больших усилий. На его стороне было численное превосходство, но «храбрый из храбрых» медлил. Впоследствии он сетовал, что ждал новых приказов от Наполеона, хотя еще не исполнил

старых, которые были вполне ясны, – захватить Катр-Бра. А пока он медлил, британо-голландские соединения подходили от Нивеля и от Брюсселя. Бездеятельности Нея находили множество различных объяснений: он все перепутал и ждал приказов, он неправильно понял намерения императора, говорили даже, что он слишком осторожничал.

Ней знал, что встретит британо-голландскую армию под командованием Веллингтона, и Ней встречался с Веллингтоном прежде. Это случилось в 1810 году при Бусаку, где 65 000 французов выступили на Веллингтона, у которого было 50 000 человек, и получили яростный отпор. Ней тогда командовал корпусом, атаковавшим центр британского строя, и казалось, все шло хорошо, пока французские войска поднимались вверх по склону, тесня сильно рассеянный строй британских и португальских солдат, но, как только корпус достиг вершины гребня Бусаку, британцы захлопнули ловушку, два батальона «красных мундиров» поднялись из засады и дали сногшибательный залп с близкой дистанции, а затем продолжили штыковой атакой, так что люди Нея в панике бросились с горы вниз.

Веллингтон был мастер «обратного склона», он любил укрывать войска за вершиной горы. В Бусаку перед британцами стояла задача удержать высоту, но, если бы Веллингтон разместил войска на вершине или на переднем склоне, они превратились бы в мишень для превосходной французской артиллерии. Разместив их за вершиной, на обратном склоне, он защитил их от пушечного огня и укрыл от глаз противника. Один из биографов Наполеона назвал это «старой избитой уловкой» – выпад откровенно глупый. Возможно, это и очевидный прием, однако спрятать и защитить войска – вовсе не «уловка» и не «избитая», хотя удивительно, насколько редко командиры пользуются этой тактикой.

Находясь к югу от перекрестка, Ней не мог видеть, что ждет его в Катр-Бра. Вид на север ему заслоняли густые посадки деревьев, небольшие холмы, но особенно – те самые высокие колосья ржи и других зерновых. Вынесенный из Испании опыт, а также знание, что он имеет дело с Веллингтоном, подсказывали ему, что вполне безобидный пейзаж может скрывать собой хоть всю британо-голландскую армию. Это был тот случай, когда сработала репутация Веллингтона. На самом-то деле британо-голландская армия еще шла по пыльной дороге под знойным солнцем, а перекресток – вот он, однако Ней медлил.

«Судьба этой кампании решится за три часа», – заявил в тот день Наполеон, вот только Ней упустил те часы. Наполеон рассчитал тактику на день. Он разделил армию. Одно из правил войны – никогда не делить свою армию, но Наполеон предполагал, что это лишь временное разделение. Он нападет на прусскую армию, собравшуюся вокруг деревни Линьи, тем временем Ней, конечно, отобьет любую атаку британцев на Катр-Бра, а затем двинется на восток от перекрестка, чтобы ударить пруссакам во фланг. Наполеон же атакует пруссаков в лоб и удержит на месте, пока мощные силы Нея не разнесут их правый фланг. Тогда пруссаки будут повержены, их армия разбита, а Наполеон развернется к британо-голландцам.

Надежды Блюхера в тот день были почти противоположны наполеоновским. Прусская армия удержит позиции у Линьи и дождется, пока от Катр-Бра подойдут британцы, затем британо-голландские силы ударят в левый фланг французской армии и даруют союзникам славную победу.

Тем временем Веллингтон надеялся просто удержать Катр-Бра. Он был вполне осведомлен обо всех надеждах Блюхера и, несомненно, хотел бы присоединиться к битве, которая развернется у Линьи, но главным было не дать французам занять стратегически важный перекресток. Он прибыл в Катр-Бра в десять часов утра и обнаружил, что враг необъяснимым образом бьет баклуши. Французы в полной готовности стояли с юга, но не выказывали ни малейшего желания атаковать, поэтому Веллингтон проехал от перекрестка пять километров на восток и встретился с Блюхером на мельнице, в деревне Брье^[7], неподалеку от Линьи.

Блюхер объяснил, что намерен сражаться, и попросил Веллингтона прислать ему войска. Веллингтон

изучил прусские позиции и раскритиковал их (пожалуй, это было бестактно). Множество людей Блюхера располагалось на открытой местности, уязвимой для французской артиллерии. «Я сказал, что на его месте, – вспоминал Веллингтон, – убрал бы колонны, развернутые по всему фронту, и большую часть людей увел под прикрытие возвышенностей». Иными словами, следовало использовать обратный склон небольших холмов между деревнями. Совет Блюхеру не понравился. «Они считали, что сами все знают лучше, поэтому я очень скоро уехал».

Пруссаки попросили прислать подкрепление, но для этого Веллингтону требовалось удержать Катр-Бра. Он понимал, что Ней покамест потягивается спросонок, однако скоро на перекресток обрушится жестокая атака. «Ладно, – ответил он. – Я подойду, но сперва позабочусь, чтобы на меня самого не напали».

Последствия этой встречи оказались значительными. Критику Веллингтона слушать не стали, что послужило ему поводом дать торжественное обещание прийти на помощь – и нарушить его. Некоторые даже полагали, что Веллингтон умышленно солгал о своих намерениях, потому что хотел, чтобы пруссаки сражались, а у него осталось побольше времени на сборы армии. Однако у нас нет ни единого факта в поддержку такой версии событий. Определенно, Веллингтон не желал бегства прусской армии. Его силы были не настолько велики, чтобы в одиночку встречать превосходящую армию Наполеона, как же он мог желать поражения Блюхера? Очевидцы пишут, что он был трезвомыслящим человеком. Он не мог двинуться к Линьи, пока не отразит ожидавшейся атаки на Катр-Бра. Если бы не это, он отправил бы людей, но раз ему придется защищать перекресток от немалых сил Ней, может статься, что лишних людей и не окажется.

Это означало, что пруссакам почти наверняка предстоит встречать Наполеона самим, и к полудню Блюхер подготовил 76 000 пехоты, 8000 кавалерии и 224 пушки против императорских 58 000 пехоты, 12 500 конницы и 210 пушек.

Наполеон не рассчитывал столкнуться с такими большими силами. Он думал, что пруссаки продолжают отступать и оставили только 40 000 человек в арьергарде. Однако численное неравенство его не обескуражило. В первую очередь потому, что пруссаки настроились против рекомендаций Веллингтона и отказались от «старой избитой уловки» спрятать часть войска на обратном склоне, многие полки Блюхера оказались открыты для обстрела отличных наполеоновских пушек. Впрочем, важнее, что Наполеон располагал резервными частями, например очень сильным корпусом в 22 000 человек под командованием графа д'Эрлона, который был отправлен к Неоу в расчете на то, что пруссаки большой армии не соберут. К тому же Наполеон ожидал, что вся мощь отряда Ней, словно молот, обрушится на правый фланг прусской армии. По этой причине император хоть и начинал сражение с меньшими силами, но рассчитывал, что к полуночи его армия воссоединится, а пруссаки будут разбиты. В два часа дня император отправил Неоу новые указания:

Проще говоря, Неоу требовалось отбросить защитников от Катр-Бра, совершить переход и атаковать прусский правый фланг, а если Наполеон разобьет пруссов раньше, то император пойдет навстречу маршалу и соединится с Неем, обратясь против британо-голландской армии.

Военные действия при Линьи начались вскоре после полудня, и император обнаружил, что драться будет куда труднее, чем он ожидал. Его артиллерия, как и предсказал Веллингтон, безжалостно выкосила прусскую пехоту. Французский офицер вспоминал, что пушки императора «произвели опустошение среди вражеских колонн, которые стояли без прикрытия и получили все заряды из многочисленных батарей вдоль нашего строя». Пушки устроили ужасающую бойню. Ипполит де Модюи, сержант Императорской гвардии, повидал много сражений, но и его ужаснуло зрелище длинных, открытых склонов, где прусская пехота ожидала французской атаки:

Вот почему Веллингтон применял свою «старую избитую уловку», прятал свои войска на обратном склоне. Через долину, о которой упоминал сержант де Модюи, бежал ручеек, и для французов он послужил существенной преградой, потому что вдоль него расположилась цепь деревень, превращенных пруссаками в крепости. Большая часть сражения происходила при деревнях Сент-Аман и Линьи, которая и дала имя всей битве. Анонимный прусский офицер описал Линьи в пасторальном ключе: «Эта деревня выстроена из камня и крыта соломой, она стоит на маленьком ручье, бегущем посреди ровных лугов».

Днем яркая солнечная погода сменилась тяжелыми облаками, накатившими на небо. Пушечный дым вздымался и стелился, и из этого дыма показались первые французские колонны, идущие в атаку на разбитых пруссаков. Эти колонны были встречены ураганным огнем прусской артиллерии. Пушки извергали ядра и снаряды, а их мишенью были плотные колонны французской пехоты в синих мундирах. Чтобы отбросить Блюхера, требовалось занять деревни. Пруссаки яростно защищали деревни, и Наполеон, решив, что войск нужно больше, отправил к Нею следующее письмо, приказав наконец подойти и ударить пруссакам в тыл. «Не теряйте ни мгновения, – писал император Нею, – потому что, если вы будете действовать быстро, армия Блюхера будет повержена. Судьба Франции в ваших руках!»

Возможно, в руках Нея была судьба Франции, но не Катр-Бра. Император все еще думал, что перекресток захвачен, только Ней не мог идти к Наполеону, потому что по-прежнему колебался.

Оставалась еще и другая возможность получить подмогу. Граф д'Эрлон и его 22 000 человек, которые еще шли на подкрепление Нею. Д'Эрлон, однако, не мог двигаться прямо по дороге Катр-Бра – Линьи, потому что оба ее конца находились в руках противника. Вместо этого простого перехода (8 километров) ему пришлось тащиться вдвое дальше, по малым дорогам, сперва на юг, затем на северо-запад. Д'Эрлон был отозван обратно к Наполеону, а его люди, которые уже почти добрались до Нея, развернулись и отправились назад по собственным следам.

Тем временем пруссаки и французы отчаянно бились. Наполеон планировал удержать прусский левый фланг атаками корпуса Груши, а главный удар обрушить на центр позиции Блюхера, где так стойко защищали деревни. Атаки Груши помешают пруссакам укрепить центр войсками с левого фланга, но правый фланг останется неохваченным, поэтому Блюхер может ослабить его, разобрав на подкрепления для остальных позиций, где идет бой. Когда же пруссаки ослабят левый фланг, туда с запада ударит Ней или, что более вероятно, д'Эрлон.

Но пока д'Эрлон маршировал к Наполеону, на прусский оборонительный рубеж была брошена армия. Шарль Франсуа служил капитаном 30-го линейного полка, получившего приказ биться за Линьи. «Две сотни ярдов живой изгороди укрыли тысячи прусских снайперов, – писал он. – Полк еще на марше построился в боевой порядок». Франсуа хотел этим сказать, что его батальон из колонн перестроился в линию и сделал это не останавливаясь, что говорит о превосходной выучке. Термины «колонна» и «линия» часто звучат в истории о Ватерлоо, поэтому заслуживают некоторого пояснения. Основное боевое применение пехота, понятно, находила в линии. Батальон выстраивался прямой линией, в случае французской и прусской армии – в три шеренги, лицом к врагу. Британцы предпочитали линию в две шеренги.

Линия позволяла очень эффективно использовать огневую мощь батальона, но была очень хрупким построением. Попытка двигаться линией где угодно, кроме парадного плаца, приводила к беспорядку. Люди толкались, запинаясь, сбивались с шага, и очень скоро строй разваливался. И что еще хуже, линия была очень уязвима для кавалерийской атаки, особенно если вражеская конница могла налететь как с одной стороны, так и с другой.

Так что предпочтительным способом наступать по открытой местности считалась колонна. Этот термин немного сбивает с толку. Представляется этакий узкий и длинный строй, который врзается во

вражескую армию, словно удар копья. На самом деле колонна была короткой и куцей. Французский батальон примерно из 500 человек, построенный в колонну, как тот, в составе которого капитан Франсуа подходил к Линьи, мог насчитывать в ширину одну или две роты. Если 30-й линейный полк подходил к Линьи колонной шириной всего в одну роту, то прусские защитники рубежа увидели всего 30 человек со стороны французов и 17 шеренг позади них. То есть ширина этой колонны оказалась почти вдвое больше длины. Построение в две роты (вероятно, именно так батальон Франсуа шел в атаку) составляло ширину в 60 человек и длину всего в 9 шеренг.

Колонна имела три преимущества перед линией. Она гораздо легче маневрировала на сложном рельефе, гораздо меньше боялась конницы, потому что не оставляла слабых мест, а также плотное построение помогало держать боевой дух. После революции Франция спешила собрать большую армию, и французы, у которых в то время возникли трудности, заметили, что колонна полезна вдвойне. В ней полуобученным людям было легко идти в бой, и враг иногда приходил в смятение всего лишь от вида большого числа атакующих. 30-й полк капитана Франсуа был не одинок, его батальон шел на пруссаков вместе с несколькими другими. За пару дней французы перебросили в колоннах целый армейский корпус. Линия, особенно британская линия из двух шеренг, выглядела очень хрупкой по сравнению с мощной колонной.

Но несмотря на психологические преимущества, колонна имела два недостатка. Она была катастрофически уязвима для пушечного огня, а также только крайние два ряда с каждой стороны могли использовать мушкеты. Если колонна насчитывала 17 шеренг по 30 человек, итого 510 человек, то лишь 60 человек из первых двух шеренг и по два крайних человека из каждой последующей шеренги могли стрелять по врагу. То есть менее четверти из 510 человек могли применить мушкет. Если они приближались к линии, то противник подавлял их огнем, потому что в линейном строю стрелять мог каждый.

К 1815 году французы уяснили эти недостатки вполне. В Испании французские колонны раз за разом разбивались британскими, португальскими и испанскими линиями. При Бусаку, где Ней получил взбучку от Веллингтона, как раз британские линии расстреляли на горе французские колонны. Решение проблемы состояло в том, чтобы использовать преимущества колонны во время марша по пересеченной местности, а затем, по приближении к противнику, перестроиться в линию. Это и сделал батальон Шарля Франсуа, когда подошел к заграждению, окружавшему Линьи. Однако неприятности у капитана Франсуа только начинались.

Франсуа рассказывал, что три батальонных командира, пять капитанов, два адъютанта и девять лейтенантов были убиты в жестокой схватке. Два атакующих батальона потеряли около 700 человек убитыми и ранеными, и неудивительно, что прусская контратака выбила французов из деревни. Франц Либер, семнадцатилетний доброволец из Берлина, участвовал в этой контратаке:

Франц Либер добрался до центра деревни, обошел вокруг дома и всего в дюжине шагов увидел французского пехотинца.

Сражение было отчаянным, в деревнях оно переходило в рукопашный бой. Французский офицер вспоминал, что на главной улице трупы были «навалены в два-три слоя. Кровь из них лилась потоками... разбитые тела и кости образовали месиво». Облачное небо заволокло клубами порохового дыма, извергаемого мощной пушкой, наполнявшей воздух рукотворным громом. Численное превосходство прусской армии позволяло удерживать французов, но французские войска выигрывали в качестве, поэтому они постепенно разрушали прусскую оборону. После одной из французских контратак прусский артиллерист, капитан фон Ройтер, увидел, что приближается линия вольтижеров, принял их за свою пехоту и приказал своей команде продолжать вести огонь по дальнему вражескому орудью. Однако вдруг

батальонный хирург заметил, что это вольтижеры французские. Фон Ройтер вспоминал, что сразу проревел приказ: «Картечью по вольтижерам!»

День сменился сумерками, а перевеса в сражении так и не наступило. Пруссаки держались, но корпус генерала д'Эрлона, конечно, уже спешил, чтобы, словно гром, обрушиться на их открытый правый фланг.

Точней, предполагалось, что он обрушится, словно гром, а на деле злополучный генерал д'Эрлон сыграл ведущую роль во французском фарсе. Жан-Батист Друэ д'Эрлон был сыном плотника и молодость провел за верстаком, но в 1870 году, в возрасте 17 лет, поступил в дореволюционную армию и дослужился до чина полковника. Чтобы его талант раскрылся, потребовалась революция, после нее карьера пошла вверх, и к 1815 году он уже стал графом и командовал 1-м корпусом Северной армии. Он вел почти 17 000 человек пехоты, 1700 кавалерии, инженерный корпус и 46 пушек. В ту роковую пятницу первым приказом ему было велено идти на помощь Нею. Его могучий корпус мог помочь Нею очистить Катр-Бра, затем ринуться направо, по Нивельской дороге, и обрушиться на пруссаков. Однако Наполеон решил, что ему самому помощь потребуется раньше, поэтому отправил гонца с тем, чтобы вернуть д'Эрлона обратно, когда тот уже почти добрался до Нея.

Д'Эрлон послушно развернулся на марше, а это непростое дело – развернуть все пушки и лафеты на узкой дороге. Он двинулся обратно к императору, но приказы были путаными, и, вместо того чтобы прибыть на север, на прусский фланг, он подошел с фланга к корпусу генерала Вандама, ввязавшегося в жестокий бой за деревню Сент-Аман.

Стоял ранний вечер, погода была облачной, землю скрывал пушечный дым. Вандам поначалу решил, что к нему приближаются прусские войска или, быть может, британские. Он отправил Наполеону срочное донесение, а тот как раз собирал свою Императорскую гвардию для последней, массовой атаки в центр прусского войска. Встревоженный император задержал атаку, пока не выяснится, что за новые войска там встретились. Это оказались его же собственные люди, но не в том месте, поэтому вестовой привез д'Эрлону приказ двигаться на север и сразиться с пруссаками у них на фланге. Тут же подъехал другой курьер, на этот раз от маршала Нея, с требованием, чтобы д'Эрлон немедленно вернулся в Катр-Бра.

Д'Эрлон решил, что Ней в отчаянном положении, во второй раз развернул свой корпус и двинулся к Катр-Бра. Император начал свою великую атаку, но к нужному времени д'Эрлон, которого император ждал, не подошел. 1-й корпус исчез. Таким образом, 22 000 человек провели эту пятницу, маршируя между двумя полями сражений, и не принесли пользы ни на одном. Д'Эрлон прибыл в Катр-Бра слишком поздно. Сражение закончилось с заходом солнца, а его грозный корпус, шатаясь между битвой при Линьи и сражением за Катр-Бра, так ничего и не сделал. Получился французский вариант «Великого старого герцога Йоркского»^[9], с той разницей, что д'Эрлон на своем пути между полями сражений не ходил вверх-вниз, зато его блуждания не позволили Наполеону одержать сокрушительную победу, на которую он рассчитывал.

Потому что Линьи было победой. Финальным ударом Императорская гвардия захватила деревню в центре прусской позиции и обратила прусскую армию в бегство. Милая деревенька Линьи с ее соломенными крышами превратилась в бойню, особенно жестокий удар пришелся на церковь и кладбище. Маршал Блюхер, невзирая на возраст, пытался удержать позиции, бросив в атаку собственную кавалерию. Он потерял коня, на него наступала тяжелая кавалерия французов, но предусмотрительный адъютант Блюхера укутал его плащом, закрыв медали и позументы, так что в угасающем свете дня французы его не узнали. В конце концов, маршала сумели спасти его люди. Он был побит и растерян, его армия разбита, но не уничтожена. История не знает сослагательного наклонения, но нет никакого сомнения в том, что если бы люди д'Эрлона исполнили то, чего хотел от них император, разница была бы велика. Успешная

финальная атака произошла бы раньше, позволив французам довершить разгром врага. Корпус д'Эрлона ударил бы в прусский правый фланг и вызвал бы такую панику и хаос, что армия Блюхера, по всей вероятности, перестала бы существовать.

Но она существовала. Она была изранена, однако оба ее фланга целы, а Блюхер жив. Хоть и разбитые, пруссаки сумели отступить с поля боя, не потеряв порядка, а французы не пытались их преследовать в темноте. Один прусский офицер вспоминал:

Пока Блюхер приходил в себя, командующим прусской армией временно стал его начальник штаба, умница Гнейзенау. Прусская армия потеряла 16 000 человек убитыми, ранеными и взятыми в плен. Еще 8000 просто растворились в темноте и со всех ног бежали к дому, но корпус генерала Бюлова до поля битвы не добрался и остался невредим, и остатки армии решили перегруппировать под покровом ночи. В дневнике старшего офицера прусской армии – к сожалению, его имя неизвестно – сохранилось описание встречи с Гнейзенау в ту ночь:

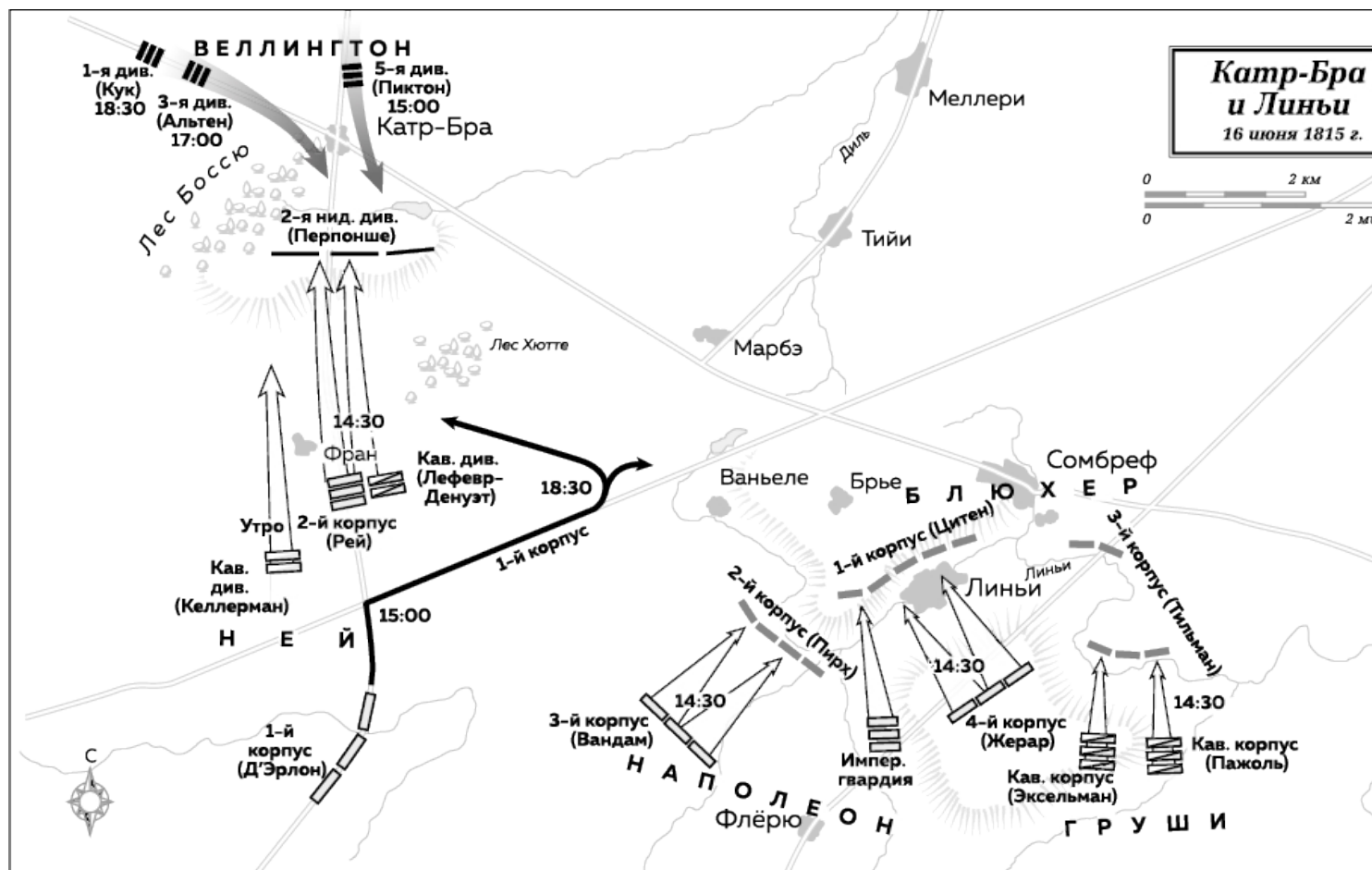
Линьи стало победой Наполеона, но первой своей цели он не достиг – не уничтожил одну из союзных армий. Остается узнать, достиг ли он второй цели – отогнать прусскую армию от британо-голландской. Если это произошло, если Блюхер уведет свою армию на восток, в Пруссию, то Линьи можно считать победой великолепной.

Несмотря на то что прусская армия потерпела поражение, она еще способна была сражаться, как и ее командующий, Блюхер. Наутро после битвы он послал за полковником Хардинджем, британским офицером связи, потерявшим в бою левую руку, и назвал его *lieber Freund*, дорогим другом. Хардиндж вспоминал, что от маршала пахло шнапсом и ревенем. Первое лекарство он принял внутрь, вторым смазал ушибы. «Маршал Вперед» не утратил воинственности. Он был разбит, но не сломлен. «Мы потеряли день, – заметил Блюхер, – но не честь». Он был готов оправдать свое прозвище и снова идти в бой.

Его армия выжила, потому что не пришел корпус д'Эрлона.

Но не явились и британцы. Вот и еще одно сослагательное наклонение в истории – что, если бы Веллингтон пришел на помощь Блюхеру? Он обещал это сделать, если на него самого не нападут, но, пока Блюхер отчаянно бился при Линьи, всего в восьми километрах оттуда разыгралась другая битва.

Битва при Катр-Бра.

4. “Avancez, mes enfants, courage, encore une fois, Français!”

Четырехтысячное войско Бернгарда Саксен-Веймарского ранним утром той пятницы получило подкрепление в виде еще 4000 человек из голландской армии, но, к их счастью, маршал Ней медлил^[10]. Он опасался ландшафта, думая, что тот скрывает целую армию Веллингтона, на самом же деле армия герцога из всех сил спешила, чтобы добраться до перекрестка.

Битва, которой предстояло развернуться при Катр-Бра, стала для Веллингтона восхождением на пик карьеры полководца, одним из самых выдающихся его сражений. Обычно герцога описывают в уничижительных тонах, таким великим мастером защиты, выбирающим поле битвы и использующим преимущества ландшафта, как при Бусаку. Однако сводить его роль только к оборонительной – значит позабыть о величайших его победах. И когда, много позже, его спрашивали, чем он в своей жизни гордится больше всего, он отвечал одним словом: «Асаи». Сражение при Асаи произошло в Индии, против армии, значительно превосходящей численно, однако он развернул вражеский фланг, атаковал и смял его. Затем была Саламанка в Испании. Иногда эту битву называют образцом мастерства герцога, там 40 000 французов были уничтожены за 40 минут. Битва при Саламанке – блестящая наступательная операция, в ходе которой французов застали врасплох и разгромили. Или Витория – битва, которая позволила выгнать французов из Испании, еще один пример наступательной операции, противник оказался разбит наголову. Сказать по правде, герцог и в наступлении был великим стратегом, однако наступательная тактика требует гораздо больше человеческих жизней, чем оборонительная. А британская армия всегда отличалась небольшой численностью и с трудом возмещала человеческие потери, так что герцог предпочитал обороняться, используя рельеф для защиты людей от вражеских пушек.

Битва при Катр-Бра была в большой степени оборонительным сражением, но там пришлось сражаться на поле, которое Веллингтон не выбирал. У него совсем не оставалось времени на подготовку и очень мало – для реакции на вражеские атаки. Почти весь день он сражался в меньшинстве. История о Катр-Бра – во многом о том, как войска союзников прибывали в последний момент и в очередной раз спасали ситуацию. Впрочем, началась битва довольно тихо. Веллингтон подошел к перекрестку около десяти утра, увидел, что французы еще мешкают, и уехал на восток, встречаться с Блюхером. Затем последовала встреча на мельнице в Брье, когда герцог пообещал прислать в помощь прусской армии свои войска, если только на него самого не нападут.

К середине дня на него все же напали и оставили мало шансов отправить войска на помощь Блюхеру. У Веллингтона на счету оказался каждый прибывший. Ему пришлось защищать перекресток, чтобы не

лишиться связи с союзниками, а французы наконец собрались с духом и решились захватить его. Они пошли в мощное наступление, когда большая часть людей Веллингтона еще топала по жаре и пыли по направлению к Катр-Бра.

Основная часть британских войск пришла из Брюсселя, преодолев около 37 километров. В Катр-Бра они сразу же попали в тесноту и гущу сражения: сельская местность с пологими холмами, крепкие каменные усадьбы, похожие на маленькие форты. Обзор оставлял желать лучшего. Мешали густые рощицы и непроходимые поля высокой ржи, расположенные между пастбищных лугов. И все это накрывал постепенно сгущавшийся пороховой дым.

Сражение завязалось к югу от Нивельской дороги – тракта, который вел к прусской армии. Западная сторона поля битвы ограничивалась густым, почти непроходимым лесом Боссю, где нашли прибежище усталые войска Бернгарда Саксен-Веймарского. Из леса тек ручеек, он струился через Брюссельский тракт, но не был помехой ни для конницы, ни для пехоты и пушек. В самом центре поля боя, где ручей пересекал дорогу, стояла каменная усадьба под названием «Жемионкур». Эта ферма могла бы стать огромным подспорьем для Веллингтона, но теперь французы выбили оттуда голландских защитников и закрепились за каменными стенами. Сразу за усадьбой ручей разливался в искусственный пруд (озеро Матерн), а за ним располагалась мыза Пиромон, где, по данным Веллингтона, также засела французская пехота. Эти пехотные части расположились в опасной близости от Нивельской дороги. Двинувшись к востоку, они могли разорвать связь между Веллингтоном и Блюхером.

Французам с мызы Пиромон так и не удалось взять под контроль дорогу, потому что Веллингтон загрузил их первым же прибывшим к нему подкреплением, 59-м стрелковым, на помощь которому пришел батальон из Брауншвейга. Так герцог обезопасил левый фланг, а правый находился под защитой густых зарослей леса Боссю. Главной схватке предстояло произойти на холмистых лугах в полтора километра шириной, между озером и лесом. К трем часам дня, когда Веллингтон вернулся со встречи с Блюхером, эти луга кишели французами.

Мудрый голландец Ребек смог удержать при Катр-Бра 8000 человек, но вновь прибывшие отступали от французов в панике, в то время как люди Бернгарда Саксен-Веймарского, все еще без патронов, укрывались в лесу Боссю. Казалось, ничто не способно остановить наступление французов, но тут, к счастью, из Брюсселя подошла великолепная дивизия сэра Томаса Пиктона. В голове шел 95-й полк. Его сразу отправили на левый фланг, чтобы не пустить французов на дорогу к Линьи, а остальных использовали для отражения прямой атаки по Брюссельскому тракту. К югу от перекрестка принялись отцеплять несколько свежеприбывших британских пушек, однако они сразу же попали под огонь французских застрельщиков, засевших в высокой ржи. Во ржи прятались и голландские застрельщики, но их уже успели вытеснить, и теперь французы из укрытия расстреливали британских артиллеристов и свежую пехоту. Лейтенант Эдвард Стивенс из 32-го Корнуэльского полка так описывал огонь французских застрельщиков: «Очень досадно... Наши падали со всех сторон».

В истории Ватерлоо застрельщики сыграли важную роль. В основном это пехотинцы-специалисты, чья работа – сражаться не в линии и не в колонне (хотя они умели и нередко сражались и там, и там). Они формировали линию застрельщиков, которая растягивалась и обстреливала расположение противника. В каждом батальоне была своя «легкая рота», а иногда таким был и целый батальон, как, например, 95-й стрелковый. Французы стремились увеличить число застрельщиков, поскольку, как и артиллерия, застрельщики могли ослабить противника еще до начала атаки колонной. Лучшей защитой от застрельщиков были другие застрельщики, так что в битве с обеих сторон перед регулярным строем рассыпались дополнительные легкие части. Рассыпной строй делал их неудобной мишенью для неточных мушкетов и редкой добычей для пушечных ядер, хотя серьезную опасность для них представляла картечь –

артиллерийский прием, превращавший пушку в гигантский дробовик. Застрельщики работали парами. Один стрелял, а его компаньон заряжал. В идеальном случае французские застрельщики, которых называли вольтижерами или тиральерами, должны идти перед строем до расстояния мушкетного выстрела от вражеского войска, а затем открыть огонь и выбить вражеских офицеров. Тиральеры – официальное название, от французского *tirer* (стрелять), а *voltigeur* – гимнаст, плясун, поскольку застрельщик должен быть ловким, уметь передвигаться быстро. Стреляли они с колена или лежа, превращаясь в плохую цель для противника, и могли нанести вражеской линии очень серьезный урон, но только с близкого расстояния. Обычно французские застрельщики превосходили британских числом, хотя у британских имелось серьезное преимущество. Многие из них были вооружены нарезным штуцером – оружием, от которого наполеоновская армия отказалась. Недостаток штуцера в том, что пуля, обернутая кожаными «пластырем», заводится в нарезной ствол очень туго, это требует гораздо больше времени, чем затолкнуть пулю в гладкий ствол мушкета. Зато достоинство штуцера – его точность. Британцы использовали винтовку Бейкера – превосходное и надежное оружие, точность которого далеко превосходила точность любого мушкета.

Застрельщики не рисковали уходить далеко от своего родного батальона, потому что в смертельной игре «камень-ножницы-бумага» Наполеоновской эпохи, проводимой среди артиллерии, пехоты и кавалерии, они были почти беззащитны против кавалерии. Их рассыпной строй не позволял им держать каре или стрелять залпом, и конница могла уполовинить ряды стрелков за считанные секунды, но, когда дивизия Пиктона подошла к Катр-Бра, не нашлось конницы, чтобы разделаться с французскими стрелками. Черный Легион из Брауншвейга добрался до Катр-Бра вместе с Пиктоном, но остальная часть кавалерии Веллингтона еще находилась в пути, и герцог решил атаковать французских стрелков линейной пехотой. За вражескими застрельщиками находились колонны французской пехоты, но британские линии всегда без труда разбивали французские колонны, поэтому Веллингтон бросил вперед шесть батальонов.

Они катастрофически уступали противнику числом. Французы шли тремя колоннами. Самая большая из них, свыше 8000 человек, наступала в северном направлении возле леса Боссю. Центральная колонна, шедшая вдоль дороги, насчитывала 5400 человек, справа от них двигались еще 4200. Всех их поддерживали более 50 пушек и конные отряды. Шесть батальонов британской пехоты составляли 3500 человек, им противостояло по меньшей мере 17 000, да еще артиллерия и конница, зато эти батальоны были лучшими и самыми опытными во всей армии Веллингтона.

Последовал типичный для того времени смешанный бой. Одним из этих батальонов был 42-й, Черная Стража, шотландцы в килтах, чуть больше 500 человек. Джеймс Энтон служил сержантом в этом батальоне, первым прошедшим по ржаному полю, где голландские стрелки были раздавлены мощной французской атакой.

Черная Стража оказалась на открытом поле и все еще в линии. С фланга от них показалась кавалерия, но они решили, что это всадники из Брауншвейга, которые прибыли в Катр-Бра вместе с 42-м батальоном. Брауншвейг был германским государством, доставшимся Франции, и в отместку герцог Брауншвейгский создал полк, который присоединился к Веллингтону в Испании. Они носили черную униформу и прославились как Черный Легион. В битве при Катр-Бра их вел молодой герцог Фридрих Вильгельм. Хотя брауншвейгцы были союзниками британцев в Испании, их не очень любили из-за их пристрастия к собачатине. Ирландский стрелок, рядовой Эдвард Костелло из зеленомундирного 95-го стрелкового вспоминал пса по кличке Штуцер, сопровождавшего их батальон в Испании:

Однажды Штуцер исчез, и оказалось, что его съел Черный Легион. Легенда гласит, что стрелки отомстили. Они отрезали ягодицы у убитых французов, закоптили их и продали брауншвейгцам как ветчину.

Сержант Джеймс Энтон и Черная Стража наступали по чистому полю, среди клевера, не замечая, что всадники справа – не собакоеды-немцы, но французы. Тогда за батальоном поскакал немецкий штаб-офицер, показывая на приближающуюся кавалерию и крича: *Franchise! Franchise!* Всадники оказались уланами.

Битва была отчаянной. Батальон в линейном строю очень уязвим для кавалерийской атаки, но пехотное каре может отразить почти любую конную атаку. Чтобы построиться в каре, нужно время, а когда прозвучал приказ строиться, времени у горцев не оставалось. Там была почти паника. Вместо ровного построения по ротам в правильный, блистающий штыками прямоугольник, 42-й просто сбежался к своим знаменам и сгрудился в сборное каре, ошестившись стволами. Внутри построения попало даже несколько уланов, они были тут же стащены с коней и убиты. У застрельщиков, шедших перед батальоном, шансов не оставалось, и они были смяты уланами, как и командир батальона, сэр Роберт Макара. Батальон видел гибель своего командира, это разъярило их. Он уже был ранен, еще до появления уланов его понесли к аррьергарду, в поисках врача. Носилки тогда представляли собой пару мундиров, привязанных рукавами к паре мушкетов, а чаще всего просто кусок ткани, который четверо солдат держали за углы. Французы увидели медали и позументы раненого и главным образом ради грабежа убили всех пятерых. Это было мародерство, не бой, и шотландцы пришли в ярость. Они свалили уланов мушкетным залпом, а позднее офицерам 42-го пришлось останавливать своих людей, которые резали сдававшихся французов с криками: «Где Макара?»

Капитан Арчибалд Мензис, командовавший ротой гренадеров 42-го, также оказался в окружении за пределами сборного каре. Он был человеком удивительной силы. Предпочитая сражаться пешим, он отдал своего коня посторожить мальчику-барабанщику. Мензиса ранили, и он упал возле рядового Дональда Макинтоша. Барабанщик оставил коня и бросился на выручку к капитану. Тут один улан попытался поймать коня, который стоил немало. Макинтош из последних сил сумел застрелить улана. Пишут, что он успел сказать: «Не трожь коня! Это капитана...» Французский офицер, видя, что Мензис пытается встать, взмахнул саблей.

Мензис выжил и прожил до 1854 года. Пока его несли в каре 92-го, его батальон вновь построился в линию, чтобы встретить приближавшуюся колонну французской пехоты, но почти сразу же опять попал под угрозу удара конницы, на этот раз кирасиров. Кирасиры были французской тяжелой конницей, их грудь защищали стальные пластины. Теперь 42-й успел вовремя построиться в каре. «Кирасиры, – вспоминал Энтон, – обрушились на две стороны каре. Казалось, тяжелые кони и стальные доспехи погребут нас под собой». Однако и кони отступили перед шотландскими штыками.

Убийство раненого Роберта Макара воспламенило шотландцев. Это свидетельствует о том, насколько хорошими были отношения между офицерами и солдатами в британской армии. В дневниках, письмах и мемуарах снова и снова находим мы свидетельства этой взаимной симпатии. Слишком часто британскую армию начала XIX века описывают как массовые порки солдат и аристократические причуды офицеров – это неверная, обманчивая картина! Большинство офицеров происходило из среднего класса, особенно выделялись сыновья священников. Долгие войны отточили их умения. Солдаты 42-го убивали беззащитных французов, потому что обезумели от убийства Макара и жаждали мести за смерть любимого командира. Это куда больше простой симпатии к начальству, это восхищение. Конечно, офицер был значительно богаче обычного рядового, пользовался привилегиями, мог даже быть аристократом, но все опасности военной службы он делил с солдатами. Офицер должен был служить примером. Стрелок Костелло из 95-го говорил, что солдаты делили офицеров на два класса: «Давай!» и «Валяй!». «У нас, – вспоминал он, – вторые попадались очень редко». Стрелок Планкет однажды сказал офицеру: «Слово “валяй” не подходит командиру, сэр».

Не всех офицеров уважали. Рядовой Томас Пэттон, ирландец, служил в 28-м пехотном Глостерширском полку. Они стояли в каре, и был отдан приказ прекратить огонь. Вражеская конница окружила каре, но не пыталась пробиться через строй красных мундиров, произошла заминка. Пэттон вспоминал: «[Французский офицер, может быть, даже генерал] заехал прямо в наш строй, головой коня поверх наших штыков, и стал призывать французов прорвать каре». Пэттон, стоявший в третьей шеренге, поднял мушкет и застрелил офицера насмерть, за что получил от лейтенанта Ирвина удар клинком плашмя по лицу. Пэттон возмутился, но ему сказали, что он будет наказан за стрельбу без приказа. В каре находился генерал сэр Джеймс Кемпт, он одернул лейтенанта: «Молчать! Оставьте его в покое. Он знает свой долг лучше, чем вы!»

Долг британской пехоты заключался в том, чтобы выдерживать постоянные мощные атаки кавалерии, пехоты и артиллерии. Во французской коннице атакующей силой были уланы, но их поддерживали кирасиры Келлермана. Генерал Франсуа-Этьен де Келлерман – длинное имя для невысокого человека – один из самых прославленных командиров наполеоновской кавалерии. Когда он прибыл в Катр-Бра, Ней тут же приказал ему идти в атаку. Келлерман попросил уточнений – под его командованием находилось только 700 человек. Ней настаивал. *Partez!*^[11] – крикнул он. *Mais partez donc!*^[12] Келлерман не хотел, чтобы его люди увидели, какое количество врагов им велено атаковать, потому сразу пустил свой отряд в галоп: *Pour charger au galop! En avant!*^[13]

Сперва на горцев напали кирасиры и были отбиты. Один французский горнист, мальчик едва ли 15 лет от роду, так впечатлился видом бойцов в килтах, что решил, будто это воюют *cantinières*. *Cantinières* – это женщины, следовавшие за французской армией и продававшие военным еду, питье, а нередко и иные услуги. Келлерман направил своих людей дальше линии каре, прорываясь к перекрестку, который ему приказали захватить.

Подкрепления прибывали с обеих сторон и почти непрерывно поддерживали хаос, творящийся в центре сражения. 44-й полк из Восточного Эссекса подошел в подкрепление горцам и, как и они, был застигнут врасплох конницей противника. Строиться в каре не оставалось времени, поэтому командующий просто развернул заднюю шеренгу кругом и встретил кавалеристов залпом, но к тому моменту некоторые уланы уже успели домчаться до центра линии и пытались захватить знамена. Один из батальонных офицеров вспоминал:

30-й батальон Кембриджширского полка подошел вслед за 44-м. Прапорщик Эдвард Макриди, которому едва исполнилось 17, подходя к полю боя, заметил сгущающийся дым и птиц, которые в панике кружились над лесом Боссю. Он писал:

Макриди и 30-й полк шли сквозь этот хаос и миновали раненых из 44-го. Оба этих батальона плечом к плечу сражались в Испании, и вот что увидели новоприбывшие:

Раненый полковник, Александр Гамильтон, был шотландцем. Врачи хотели ампутировать ему ногу, но всякий раз, как они собирались это сделать, их звали к кому-нибудь другому, требовавшему неотложной помощи. Наконец они оставили искалеченную ногу полковника в покое. Гамильтон так и проходил на ней до самой смерти в 1838 году.

Пока полковник Гамильтон ожидал скальпеля хирурга, который так и не явился, Макриди пришел на помощь британской линии. Они заняли место рядом с 42-м, и Макриди вспоминал, как перешагивал через убитых и раненых шотландцев.

«Вперед, дети мои, мужайтесь, еще раз, французы!» Никто не знает, сколько кавалерийских атак провели в итоге французы. В некоторых отчетах о битве говорится о четырех, в других – о пяти, шести или семи, но правда в том, что никто не знает и, вероятно, не знал, где именно они состоялись. Катр-Бра –

сражение довольно мутное. Ни с одной стороны не нашлось наблюдательного пункта, с которого можно было бы составить общее впечатление о том, что происходит в котле, где сражаются, страдают и умирают люди. Целый день подходили войска Веллингтона, и он бросал их в бой, туда, где британская линия противостояла французским колоннам. Британским линиям грозила вездесущая кавалерия, и они перестраивались в каре, которые становились легкой целью для французской артиллерии, пятнавшей сельский пейзаж густыми мазками дыма. Веллингтон захотел осмотреть поле битвы и чуть не попался кирасирам Келлермана, которые доскакали до самого перекрестка. Герцог развернул своего коня по кличке Копенгаген и пустился галопом к 92-му полку Гордона, который стоял в четыре шеренги перед самой Нивельской дорогой. Герцог крикнул шотландцам, чтобы те присели, и Копенгаген перелетел через головы солдат, спасая седока от погони. В этот миг французы ближе всего подошли к заветной дороге. Всадники жестоко поплатились за это – их положил залп шотландцев. Из 700 человек Келлермана более 250 погибли или получили раны, а сам яростный маленький генерал потерял коня. Он еще гнал своих людей вперед, но им уже хватило – они отступили. Келлерман схватил поводья двух лошадей и бежал между ними, так они пробивались вспять, сквозь линию британских каре, куда солдаты в красных мундирах стреляли в них.

Линии и каре. Британская пехота строилась в линию из двух шеренг, хотя под угрозой нападения конницы линию могли удвоить, построившись в четыре шеренги. Если батальон стоял в четыре шеренги, то стреляла обычно только первая. Стоящие за ней перезаряжали мушкеты и передавали их вперед своим товарищам. Британская линия неизбежно побеждала французскую колонну, даже превосходящую числом втрое, вчетверо, впятеро – просто потому что у британцев стрелял каждый мушкет, а у французов отвечать огнем могли только крайние ряды. Зато линия была катастрофически уязвима для конницы. Если всадникам удавалось зайти за линии в открытый фланг, они легко превращали ровный строй в бегущую толпу. Зато если батальон строился в каре, то уже коннице приходилось туго – смертельная игра в «камень-ножницы-бумагу».

Каре (часто прямоугольник) имеет четыре шеренги. Первая шеренга встает на колени и не стреляет, но упирает мушкетные приклады в землю, а примкнутые штыки создают частокол из клинков, который дополняет вторая шеренга, припав к своим мушкетам с примкнутыми штыками. Две внутренние шеренги могут стрелять поверх голов тех солдат, что держат штыки. Таким образом, на пути конницы встает серьезное, зачастую непреодолимое препятствие. Нет флангов, открытых для атаки, вместо этого приходится штурмовать стальную стену, из которой летят пули. Кавалеристу требуется как минимум метр свободного пространства, и когда на пути конницы встречается среднего размера британский батальон из 500 человек, то на переднем краю атаки оказываются лишь 16–17 всадников, а против них стоит около 200 человек, половина из которых палит из мушкетов с очень близкого расстояния. Неудивительно, что кавалерии редко удается разбить каре. Впрочем, иногда удавалось. Королевский германский легион в Испании в битве при Гарсия-Эрнандесе разбил два французских каре, но для этого потребовалась жертва. Считается, что первое каре было разбито, когда умирающие лошадь и всадник влетели в ряды французов и пробили брешь, в которую затем устремились остальные кавалеристы. Оказавшись внутри каре, они смогли атаковать его шеренги с тыла. Так каре при Гарсия-Эрнандесе в панике развалилось, солдаты побежали к другому каре, чтобы встать в него и спастись. Возникла давка, смертоносные всадники влетели во второе каре на плечах у беглецов. Третье каре, увидев опасность, применило мушкетный огонь как против паникующих своих, так и против торжествующих врагов.

Поэтому кавалерия буквально молилась, чтоб повстречать пехоту, построенную в линии, это дало бы легкую победу – и при Катр-Бра молитвы были услышаны. Так и произошло с линией пехоты Веллингтона, ее поражение казалось не просто вероятным, а решенным делом. Как многим другим батальонам, 44-му и 42-му не хватало патронов. Как-то они отделались от кавалерии, но, едва конница скрылась из виду, по

плотным британским каре открыла огонь артиллерия, а со ржаного поля принялись палить толпы французских застрельщиков. 42-й батальон начал день в составе 526 человек, а концу дня оставалось лишь 238. Остальные были убиты или ранены. Ввиду больших человеческих потерь батальон не мог построить каре, поэтому люди Эссекса и шотландцы соединили свои силы.

На левом фланге британцев 95-й неохотно отступал, а на правом все большее число французов штурмовали лес Боссю. К счастью, подошли новые войска, и Веллингтон смог подкрепить объединившихся пехотинцев и отправить дополнительно три батальона на удержание местности возле леса Боссю. Одним из этих батальонов был 69-й Линкольнширский, вставший в каре рядом с 42-м и 44-м, но правый фланг по идее находился под командованием Тощего Билли, 23-летнего принца Оранского, а он решил, что три новых батальона будут эффективнее в линии. И приказал батальонам перестроиться. Офицеры пытались возразить, но у Тощего Билли был свой взгляд на ситуацию, поэтому 69, 33 и 73-й вытянулись в линию.

Приказ о построении в линию пришел, когда кирасиры Келлермана еще рыскали вдоль британских позиций. Они заметили уязвимость «красных мундиров» и тут же напали. 73-й стоял достаточно близко к лесу Боссю, чтобы укрыться в густом подлеске, 33-му едва хватило времени построиться в каре, а 69-й, отрезанный от товарищей в центре поля, был застигнут кавалерией врасплох. Лейтенант Фредерик Пэттисон из 33-го описывал эти события в письме к брату:

69-й был разгромлен, королевский штандарт захвачен, лишь немногие смогли спастись в ближайшем каре. Потеря знамени считалась ужасным бесчестьем. Эти флаги для некоторых имели почти мистическое значение. Уильям Миллер служил офицером 1-го Гвардейского пехотного и при Катр-Бра получил смертельное ранение. Его предсмертным желанием было в последний раз взглянуть на полковое знамя. Знамя принесли к умирающему. Очевидец писал: «Его лицо посветлело, он улыбнулся». За эти флаги люди дрались, как черти, и прапорщик Кристофер Кларк убил троих кирасиров, пытаясь спасти королевский штандарт, но получил в бою 22 раны от сабельных ударов. Он выжил и впоследствии присоединился к 42-му батальону.

33-й оказался почти в таком же трудном положении, как и 69-й. Они стояли в каре, поскольку поблизости виднелась вражеская кавалерия, но и сами также находились в прямой видимости французской артиллерийской батареи. Лейтенант Пэттисон видел, как командира его роты разорвало ядром надвое: «Мозги бедного Артура Гора разбрызгались по моему лицу и киверу». Джордж Хемингуэй был рядовым в этом батальоне. Через два месяца после этой битвы он писал своей матери:

33-й, бывший полк герцога, скрылся в лесу, и у некоторых из кирасиров нашлось достаточно легкомыслия, чтобы последовать за ними. Теперь уже красные мундиры обернулись и перебили своих преследователей, увязших в подлеске.

Для французов разгром 69-го и захват их флага оказался наивысшей точкой сражения. Они продолжали наступать на обоих флангах и давить на центр британской армии, но из Брюсселя все прибывали новые войска, и теперь у герцога было достаточно людей и артиллерии. Он решил, что подошло время для атаки, но сперва требовалось очистить от французского гарнизона каменное строение возле главной дороги. Полковник Кэмерон из 92-го батальона горел желанием захватить это здание и неоднократно спрашивал у герцога разрешения на штурм. «Повремените, Кэмерон, – отвечал герцог. – Вам будет чем заняться еще до наступления ночи». И вот Веллингтон отдал шотландцам команду. История полка сохранила рассказ шотландского солдата:

Фланги британской позиции усилились свежими подкреплениями, в том числе, гвардейской дивизией, которая подошла от Нивеля. На подходе к Катр-Бра они «постоянно встречали повозки, заполненные людьми из разных войск, в основном ранеными самым ужасным образом. По обочинам были свалены умирающие и мертвые, очень многие из них – британцы».

Это выдержка из воспоминаний Роберта Бэтти, прапорщика 3-го батальона 1-го Гвардейского полка. Ему было 26 лет, многовато для прапорщика – низшего офицерского чина в британской армии, но Бэтти всего два года как носил униформу. Он изучал медицину в Кембридже, в колледже Киз^[14], однако бросил университет и уехал воевать в Испанию. Теперь он шагал в сторону леса Боссю, куда тяжелая французская колонна загнала усталых его защитников. 600 гвардейцев 1-го пехотного находились справа от британской линии и подошли уже близко к лесу, когда увидели французов.

Французы пытались спастись в лесу Боссю, тогда британские гвардейцы вошли в заросли, которые, по воспоминаниям Бэтти, «были столь густы, что проделать проход стоило невероятного труда»:

Кавалерия, о которой упоминал Бэтти, в лес не заходила – не один всадник не мог и думать пробраться сквозь чащу густого подлеска и низких ветвей. Однако гвардейцы дрались еще и пешими, западнее, в полях, где сражались и умирали Черная Стража, 44-й, 69-й и другие батальоны.

Когда же опустился вечер, подошли подкрепления герцога, а с ними – обозы с боеприпасами. Настало время переходить от обороны к наступлению, и герцог приказал уплотненной линии двигаться вперед. Французы еще некоторое время сопротивлялись, затем отступили до той самой позиции, откуда начинали утром, и Жемонкур – большая усадьба, господствовавшая над полем битвы, снова оказалась в руках союзников. Французы находились в некотором замешательстве. Анонимный французский свидетель этих событий писал:

Паника оказалась преждевременной. Ней замешкался, его полки остались нетронуты, но они хотя бы не позволили Блюхеру получить помощь от британцев. «Уже и то хорошо, что мы не позволили англичанам прийти на помощь пруссакам», – сказал капитан Бурдон де Ватри, адъютант Жерома Бонапарта, брата Наполеона, командовавшего частью войск Ней. Де Ватри ужинал с маршалом Неем и Жеромом Бонапартом, когда вестовой доставил приказ Ней идти на помощь Наполеону. Конечно, письмо сильно опоздало, и Ней мог не подчиниться, потому что и так не удержал стратегический перекресток.

16 июня стемнело поздно. В середине лета солнце не садится до девяти вечера, а полная темнота приходит на добрых два часа позже. Этот долгий день начался так хорошо для Наполеона, и пусть он не достиг всех своих целей, но все еще был в седле. Ему почти удалось разобщить союзников, а пруссаков он снова заставил отступать. Ней атаковал слишком поздно, и у него не осталось шансов бросить людей на восток и обрушиться на прусский фланг, зато ему удалось занять Веллингтона на всю вторую половину дня. Герцог обещал прийти на помощь Блюхеру, только если на него самого не нападут, а на него напали. Так что ужинал Ней за столом, сооруженным из доски, уложенной на два бочонка, покамест французы еще находились в господствующем положении.

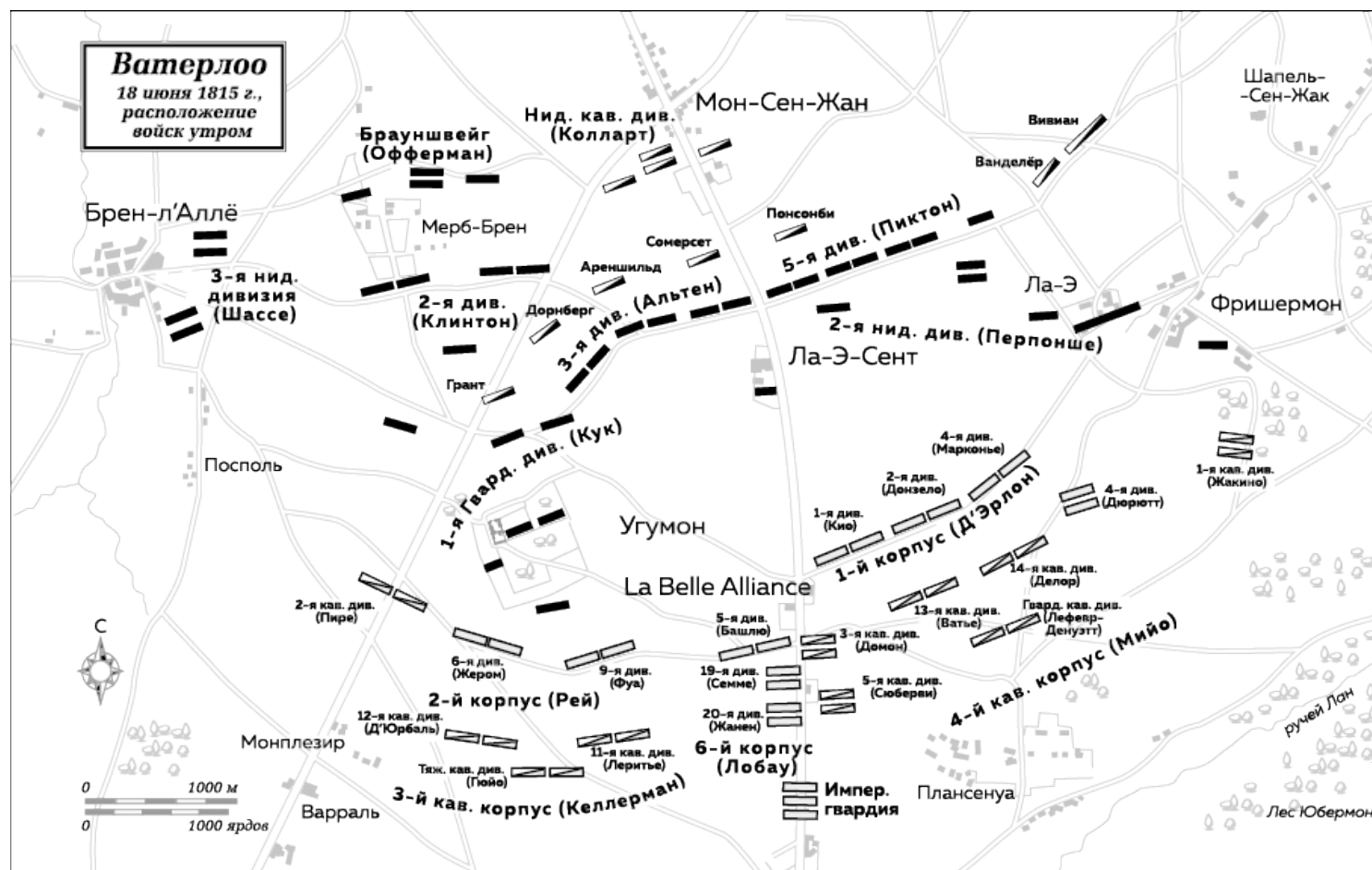
Веллингтон выиграл свое сражение и, по крайней мере, не позволил Франции осуществить ее планы. Он удержал перекресток, не позволил Ней броситься на восток и ударить пруссакам во фланг. Это уже немалая победа. Если бы Ней или даже д'Эрлон атаковали правый прусский фланг, тогда битва при Линьи могла бы закончиться позорным бегством армии Блюхера. Этого не случилось. Прусская армия была разбита, но сохранилась и по-прежнему составляла крупную живую силу, хотя герцог за это заплатил дорого. Погибли более 2200 британцев, 1100 ганноверцев и брауншвейгцев (в их числе и сам герцог Брауншвейгский, убитый пулей в голову) и около 1200 голландцев. Потери французов оказались немного меньше. Около 4400 убитых и раненых против 4500 у Веллингтона.

Герцог удержал перекресток против силы, большую часть дня намного превосходящей, а с наступлением ночи этот перекресток совсем потерял важность для союзников, поскольку Нивельская дорога теперь вела не к союзникам-пруссакам, а к победоносной армии Наполеона. Веллингтон еще не знал, что случилось в Линьи, но поздним вечером в пятницу получил путаное донесение о том, что пруссаки потерпели поражение. Он отправил в Линьи адъютанта с приказом узнать, что же там произошло.

Тот вернулся и доложил все, что смог разглядеть в неверном свете французских бивачных костров и огней конных караулов. Стало ясно: Наполеон выпроводил пруссаков, но где, куда и в каком состоянии – Веллингтон пока не знал.

В любом случае, будь поражение полным или небольшим, не оставалось сомнений в том, что теперь будет делать император. Он использует Нивельскую дорогу, чтобы ударить во фланг герцогу. Задачи кампании выполнялись согласно императорскому плану. В конце концов, в новой коалиции против Франции главным плательщиком оказалась Британия. Выбить ее из войны – и коалиция конечно же развалится.

Все, что требовалось Наполеону, – с рассветом выйти на марш.

5. «Ага, наконец я добрался до вас, англичане!»

Суббота, 17 июня. После облачной ночи рассвет оказался не по сезону холодным. Веллингтону удалось три часа поспать в деревне Женап, чуть к северу от Катр-Бра, но в начале четвертого часа утра он уже снова был на перекрестке. «Девяносто второй, – сказал он нескольким хайлендерам, стоявшим лагерем, – я был бы вам признателен за огонек». Солдаты с готовностью развели для него костер, у которого герцог предавался размышлениям в ожидании новых докладов о судьбе прусских союзников. Он облачен был в белые лосины, полуботинки, темно-синий редингот с отворотами, белый шейный платок и свою обычную шляпу с кокардой. В бой герцог всегда одевался просто. Многие офицеры предпочитали надеть парадный мундир, хотя никто не превзошел в этом адмирала Горацио Нельсона, которого на палубе Victory легко было отличить невооруженным глазом – по золотым галунам и драгоценным украшениям. Веллингтон же неизменно носил простой мундир. Его люди знали, кто он такой, никакой мишуры не требовалось.

Тем утром солнце взошло около половины четвертого. Вскоре после восхода герцог мог заметить безутешную женщину с тремя маленькими детьми, бродившую меж солдатских костров. Она определенно привлекала внимание, поскольку Марта Дикон находилась на девятом месяце беременности. Она приехала в Катр-Бра со своими детьми накануне, скорее всего, в обозной телеге. Ее муж, Томас Дикон, служил прапорщиком 73-го, еще одного шотландского батальона. Теперь она его потеряла. Она лишь знала, что прошлым вечером во время финальной атаки он получил ранение. Он шел рядом с сержантом Томасом Моррисом, когда мушкетная пуля сразила человека, бывшего от Морриса с другой стороны. Пуля ударила человека в лоб и убила на месте. «Кто это?» – спросил Дикон. «Сэм Шортли, – ответил Моррис и взглянул на офицера. – Вы ранены, сэр».

«Боже правый, в самом деле», – ответил Дикон. Одна рука его оказалась перебита мушкетной пулей. Он выронил шпагу и направился в тыл, чтобы найти Марту и детей, которых оставил с обозной охраной, искал их до темноты и никак не мог найти. На заре его, ослабевшего от потери крови, подобрала у обочины дороги одна из повозок, увозившая раненых обратно в Брюссель.

Марта, в одном лишь черном шелковом платье и накинутой на него легкой шали, продолжала искать Томаса. Наконец она нашла кого-то, кто поведал ей о судьбе мужа, но к этому времени никакой транспорт на север уже не шел, поэтому Марта, несмотря на поздний срок беременности, прошла с тремя детьми почти 35 километров до Брюсселя пешком. Ей пришлось выдержать столь сильный ливень, о котором герцог говорил, что даже в Индии таких не припомнит, но маленькая семья продолжала идти. Путь занял два дня, но завершился счастливо. Марта отыскала в Брюсселе Томаса, который выздоравливал, и на следующий день родила девочку, которую нарекли Ватерлоо Дикон.

Пруссаки тоже поднялись спозаранку. Маршал Блюхер, израненный и разбитый, смог несколько часов поспать на мызе Меллери, неподалеку от Линьи. Его разыскал его собственный штаб, и рано утром состоялось совещание, что же прусской армии теперь делать? Гнейзенау, не доверявший британцам, предлагал отступить на восток, до Рейна и Пруссии, но этот маневр увел бы армию Блюхера еще дальше от союза с Британией и Голландией, а Блюхеру, в отличие от Гнейзенау, нравились и та и другая, и он доверял Веллингтону. Спор вышел коротким. Как бы разумно и обстоятельно ни излагал Гнейзенау свое мнение, он уважал полководческий талант командира и уступил требованиям Блюхера. Армия отошла не на восток, а на север, к Вавру.

Это было, наверное, ключевое решение всех этих четырех дней. Союзники потеряли удобный канал связи по Нивельскому тракту, но оставались сельские дороги, соединявшие Вавр с дорогой на Брюссель. Грунтовые дороги петляли среди полей и пролесков, их пересекали ручьи и речки, однако, отправившись не на восток, а в Вавр, Блюхер сохранил возможность соединиться с армией Веллингтона. Это было смелое решение. Блюхеру должно было быть известно, что французы отправляют дополнительные силы, чтобы ускорить его отступление и пресечь любое движение в сторону Веллингтона, поэтому, двинувшись на север, к Вавру, он очень затруднил себе возможность безопасного отхода на восток. Однако не зря же его прозвали «Маршал Вперед»! Пусть Веллингтон и не пришел к нему на помощь накануне, но старый маршал не бросает своих союзников!

И пруссаки двинулись на север. Капитан Вестфальского эскадрона отмечал, что в войсках царило уныние. Начался дождь, некоторые новые седла размокли, и всадники стерли себе кожу, так что капитан приказал спешиться и вести коней в поводу. Дорога была трудной, погода – отвратительной, солдаты – несчастными, но вот у обочины дороги они повстречали маршала Блюхера, и настроение сразу изменилось:

Трудно представить себе, чтобы герцог Веллингтон «перешучивался с солдатами, подтрунивал над ними». Это не его стиль. Не единожды он останавливал солдат, приветствовавших его, потому что считал, что если сегодня тебя приветствуют, то завтра могут и освистать. Его не любили, как Блюхера, не боготворили, как Наполеона, но уважали. Он умел быть остроумным и колким. Однажды, когда война давно закончилась, несколько французских офицеров демонстративно повернулись к нему спиной. Бывшая с ними женщина принялась извиняться за такую грубость, на что герцог ответил: «Не беспокойтесь, мадам, я уже видал их спины прежде». Он приучился скрывать свои чувства, хотя открыто оплакивал погибших на поле боя. Он обладал взрывным темпераментом, который тоже научился держать под контролем. Солдаты могли наблюдать проявления характера, реже – чувств, однако хоть герцог и был с ними холоден, но им доверял, а они – ему. Вот что писал рядовой Уильям Уилер из 51-го, служивший у Веллингтона во время Пиренейской войны:

Веллингтону понравилась бы такая похвала, но сейчас, наутро после Катр-Бра, он, вероятно, сомневался, сможет ли задать Наполеону «первосортную трепку». Он ждал новостей от Блюхера, прохаживаясь у огня, который шотландцы развели для него. Не меньше часа провел он, размышляя в одиночестве, покусывая в задумчивости прутик, срезанный с дерева. Наконец подполковник, почтенный сэр Александр Гордон, один из адъютантов герцога, принес Веллингтону долгожданные новости. Армия Блюхера, боеспособная, хоть и покалеченная, ушла в Вавр. На север, в Вавр, а не на восток, в Пруссию. «Старина Блюхер пошел зализывать раны, – проворчал герцог офицеру Колдстримского гвардейского полка. – Он вернулся в Вавр, за 18 миль [29 км] отсюда. Раз он вернулся, нам тоже придется отойти. Полагаю, в Англии про нас тоже скажут, что мы вылизываемся. Ничего не могу с этим поделать – раз он отошел, нам тоже придется отойти».

И вот прозвучал приказ готовиться к отступлению на позицию, которую Веллингтон присмотрел год

назад, к гребню Мон-Сен-Жан, что возвышался над приметной долиной с высокой рожью. Герцог боялся, что британцы могут расценить его отступление, как признание поражения, но не беда, если французы расценят события 16 июня как самую настоящую победу. Наполеон уверил их в этом, отправив депешу в *Le Moniteur Universel*^[15], описав битвы при Линьи и Катр-Бра как две очередные победы во славу империи. Публикация была встречена в Париже народным ликованием.

В этот день первым долгом британцев было спасение своих раненых, многие всю ночь пролежали там, где упали. Кавалеристы сажали раненых на своих коней, а тех, кто был слишком слаб и не мог держаться в седле, несли на одеялах. Несомненно, каких-то раненых французов спасали тоже, хотя приоритет отдавался британцам и голландцам, которых отвозили в Брюссель в повозках, – и конечно, умирающим.

Французы обращались со своими ранеными гораздо лучше, чем их враги. Или хотя бы старались обращаться лучше благодаря Доминику Жану Ларрею, главному хирургу Императорской гвардии. Ларрей пришел к выводу, что, если раненого как можно скорее лечить, результат будет куда лучше, чем если оставить его страдать. Тогда он изобрел «летучий лазарет» – легкую повозку на хороших рессорах, с поворотной передней осью, что позволяло ей маневрировать на поле боя, заваленном телами и обломками. Пол у повозки мог выкатываться назад и превращаться в операционный стол или пандус для погрузки раненого. Ларрею часто приходилось оперировать прямо на поле боя, хотя он предпочитал организовывать центральную реанимационную станцию и доставлять пострадавших туда. У британцев, наоборот, санитары выносили раненых на тыловые позиции, где их ждали врачи в пропитанных кровью фартуках, а также их пилы, ножи, зонды... Опытному хирургу – а Ларрей был очень опытным – требовалось меньше минуты, чтобы ампутировать ногу. Анестезии не было, если не считать дурманящего действия алкоголя, антисептиков не было, если не считать уксуса да терпентинного масла. Ларрей предпочитал оперировать, пока пациент еще пребывает в шоке. Он выяснил, что такие больные выздоравливают гораздо быстрее. Хотя у пациентов с ранами в брюшной полости шансов оставалось мало, независимо от того, как скоро им оказывали помощь. Большинству пострадавших британцев приходилось долго ждать, пока их начнут лечить, и многие раненные при Катр-Бра не увидели врача, пока их не довезли до самого Брюсселя, а Ларрей в это время оперировал неподалеку от поля боя. Наполеон сказал про него: «Я не знаю человека честнее и большего друга солдат, чем он».

Полдня понадобилось британцам, чтобы собрать своих раненых, а покамест Веллингтон давал армии подробные инструкции к отступлению. Пехоте следовало идти первой, но таким образом, чтобы врагу не было понятно, куда она направляется. Лейтенанта Бэзила Джексона отправили к генералу Пиктону с приказом об отступлении.

Джексон не мог знать того, чего не знал никто, кроме Пиктона и его слуги. Сердитый валлийский генерал словил вчера мушкетную пулю. Пуля сломала два ребра – вполне достаточно, чтобы сделать мрачным любого, но Пиктон скрыл свое ранение, чтобы никто не настаивал на его отъезде из армии. В любом случае ему испортила настроение весть о том, что придется ехать на солдатском коне, потому что в суматохе его конюх перепугался и сбежал вместе с лошадьми.

Под началом Веллингтона при Катр-Бра находилось более 30 000 человек и 70 пушек, их следовало переместить на 13 километров, к гребню Мон-Сен-Жан. Он хотел поставить войска ближе к Катр-Бра, на низком гребне к северу от Женапа, но решил, что диспозиция на Мон-Сен-Жане удачнее для обороны. Он понимал, что в любой момент на него могут напасть. Уже происходили беспорядочные стычки, пикеты обеих армий перестреливались, и треск мушкетов и ружей ежеминутно мог перерасти в полновзвучный рев сражения. А герцогу предстояло отступать по единственной дороге, на которой должны были уместиться все повозки и пушки. Пехота могла пройти через поля по обе стороны дороги, но на ее пути вставляли

посевы, заборы, канавы, стены и живые изгороди. Проще говоря, отступление было сложным и опасным, но необходимым маневром, и, раз уж раненых увезли, следовало двигаться полным ходом. Первым делом шла пехота и основная часть артиллерии, конница и легкая артиллерия шли в арьергарде. Веллингтон хотел отступить тихо, будто не обращая ни на что внимания, отойти на лужок, лечь на травку, прикрыть лицо газеткой и якобы поспать. Однако ему приходилось быть очень внимательным, потому что у Катр-Бра оставалось все меньше и меньше людей, и эти оставшиеся становились весьма удобным объектом для нападения.

Вот только никто не напал.

Удивительно, но маршал Ней не сделал ничего. Его войска расположились лагерем вокруг деревни Фран, менее чем в пяти километрах к югу от перекрестка, и им не давали приказа ни нападать на уходящие к северу силы противника, ни даже произвести разведку на поле, где они так яростно дрались накануне. Были отдельные стычки между разъездами противников, но сигнала к общей атаке Ней не давал. Как раз об этом времени случайных перестрелок на заре субботы, 17 июня, рассказывал пехотинец Эдвард Костелло. Для него это был грустный момент, потому что пришлось оставлять позицию, которую они удерживали весь прошлый день. Не все женщины, сопровождавшие армию, остались в Брюсселе, многие, как, например, Марта Дикон, отправились вместе со своими мужьями. Рота Костелло отступала по тропинке к Нивельской дороге.

Хотя пикеты обменивались выстрелами, похоже, французы считали очевидным, что Веллингтон должен отступить. Маршал Ней, вероятно, решил, что в эту субботу войскам нужно отдохнуть. С севера, собираясь затянуть все небо, сгущались тучи, британцы и голландцы уходили. К двум часам дня остались только арьергард и конная артиллерия.

Бездействие Ней непростительно. В то утро его задачей было, нападая, усложнить Веллингтону жизнь, тогда Веллингтон вынужден был бы оставить войска в Катр-Бра для отражения французских атак, и они оказались бы уязвимы для атаки со стороны Линьи. По правде говоря, положение Веллингтона было крайне шатким с юга и востока, а дорога для отступления на север была только одна. Конечно, он мог уйти в Нивель, но это отдалило бы его от прусской армии, а герцог не собирался рвать с союзниками. Так что у Ней была прямая возможность поймать герцога в ловушку, но он не сделал ничего. Когда Наполеон узнал об отступлении британцев, он публично устыдил Ней, бросив в его присутствии: *On a perdu la France!* – «Потеряли Францию!» Но и сам император едва ли повел себя лучше в ту субботу.

Наполеон, проспав допоздна, проснулся в общительном настроении. Он настоял на поездке по полю боя в Линьи, наслаждаясь победой, одержанной вчера, и предположил, что Веллингтон, как и Блюхер, отступает, не сделав никаких попыток преследовать ни одну из армий. Правда, направил конные разъезды на восток, чтобы выяснить, где находятся пруссаки. Всадники вернулись с известием, что солдаты Блюхера в беспорядке бегут на восток. На самом же деле рассеянные беглецы на Намюрской дороге были рейнцами, дезертировавшими из армии Блюхера. Блюхера на Намюрской дороге не было, он шел на север, в Вавр.

Затем император услышал, что Веллингтон вовсе не отступает, а все еще стоит в Катр-Бра. Эта весть его удивила. Мог ли Веллингтон в самом деле оказаться настолько глупым? Но император решил, что это шанс, и велел Ней удерживать герцога на месте, пока он приведет 69 000 человек и ударит герцогу в незащищенный левый фланг. Тем временем Наполеон отделил от своей армии четверть – 33 000 человек, – отдал их под командование маршалу Груши и приказал ему преследовать пруссаков.

Тем утром Наполеон мог выиграть войну. Солдаты Ней стояли близко к Веллингтону, остальная армия находилась в часе хода от британо-голландских войск. Если бы Наполеон атаковал на заре, Веллингтон наверняка был бы обречен. Император предпочел потратить утро впустую, а когда к полудню доехал до

Катр-Бра, то увидел уходившие последние части британо-голландской армии и безмятежных солдат Нея, готовивших еду на кострах. *On a perdu la France!* – проворчал он Нею, но и сам император был в тот день таким же безалаберным, как и маршал. В то субботнее утро французам следовало преследовать Блюхера и без промедления атаковать Веллингтона, но они этого не сделали. Хуже того, они даже не знали, где находится прусская армия, а Веллингтону дали время спокойно отступить.

Наполеон отправил в погоню за Веллингтоном кавалерию и конную артиллерию, но тут вмешалась природа. Разверзлись хляби небесные. Темные тучи разразились громом, засверкали молнии и начался дождь. И какой дождь! Та самая буря, которая, по воспоминаниям Веллингтона, оказалась сильнее тропических ливней в Индии. Потоки воды с неба превратили поля в грязь, а с красных мундиров смыли краску прямо на белые лосины, сделав их розовыми. Однако пехота уже ушла далеко к гребню Мон-Сен-Жан. Сдерживать французскую погоню остались, словно зверь в западне, кавалерия и конная артиллерия.

А теперь настало время снова встретить Кавалье Мерсе, артиллерийского офицера, войска которого приветствовали известие о бегстве Наполеона с острова Эльба «с нескрываемой радостью офицеров и солдат, все стремились навстречу опасности и кровопролитию, все надеялись заслужить славу и почести». Мерсе оставил одно из лучших и самых известных описаний битвы при Ватерлоо, а его конные артиллеристы находились в числе тех, кто должен был прикрывать отход британцев. Как раз перед началом того дождя он впервые увидел Наполеона:

Мерсе глядел на императора, который ехал на своей белой кобыле Дезире. Наполеон, увидев, как уходит британский арьергард, бросил вперед кавалерию. Самая яростная схватка произошла вокруг Женапа, деревни в каких-то пяти километрах к северу от Катр-Бра. Французские уланы гнались за британскими гусарами, их атаковали лейб-гвардейцы. Команда Мерсе, как и другие артиллеристы, нашла точки обстрела, откуда можно ударить по вражеской коннице, прежде чем взять орудия на передки и припустить вперед. Одна из пушек была укомплектована ракетами – новым оружием, которое Веллингтон считал пригодным, только чтобы лошадей пугать. Впервые он увидел, как применяют ракеты в Индии, их использовал противник. Затем в Испании, где впервые были испытаны в бою ракеты Уильяма Конгрева, и капитана Мерсе заворожило это новомодное оружие:

Пожалуй, странно то, что первая же ракета попала точно в цель. Остальные ракеты летели как попало, даже разворачивались на лету и угрожали британцам. Герцог сам с радостью уехал бы подальше от ракетной группы, но она находилась под его патронажем и была прикреплена к принцу-регенту.

Погоня захлебнулась дождем. Проходя по тесным улочкам Женапа, армия вышла к узкому мосту, переносившему шоссе через речку Диль. Здесь французы отстали, хотя в деревне капитан Мерсе был на волосок от смерти. Лорд Аксбридж, второй человек в командовании после Веллингтона и командир всей британо-голландской кавалерии, пожелал, чтобы Мерсе с его пушками следовал за ним через узкий переулоч, где пушки едва проходили. Мерсе не мог взять в толк, чего хочет Аксбридж, но повиновался. И вдруг, когда они оказались в поле у деревни, всего в 45 метрах перед ними возникла вражеская кавалерия.

Не хватало места, чтобы развернуть пушки лошадьми, поэтому пришлось снимать их с передков и разворачивать вручную. Удивительно, но вражеская кавалерия не стала вмешиваться в это трудоемкое дело. Мерсе повез свою батарею обратно в деревню, где нашел Аксбриджа, который собирал спасательную команду.

И они пошли под проливным дождем. Артиллерия и повозки ехали по дороге, конница отступала через поля, с востока от дороги, пехота шла с запада. Офицер из Нассау, капитан Фридрих Вайц, составил образцовый отчет, согласно которому отступление прошло успешно, несмотря на погоду и преследование французов. За время перехода к Мон-Сен-Жану британцы потеряли менее сотни человек, французы – примерно столько же. Одним из пострадавших французов стал полковник Жан-Батист Сурд, командир

батальона улан. Он начинал служить рядовым, стал бароном империи, и Наполеон уже приготовил ему новое повышение, которое барон не принял. И вот, в Женапе 40-летний полковник Сурд был сильно порублен, вероятно, лейб-гвардейцами. Его принесли в полевой госпиталь, где главный хирург Ларрей решил, что правую руку полковнику следует ампутировать. Сурд лежал на столе, и, пока Ларрей резал и пилил руку, перевязывал артерии и зашивал культю в лоскуты кожи, полковник диктовал письмо императору:

Затем Сурд подписал письмо левой рукой, взобрался на своего коня и ускорил след за своим полком, еще преследовавшим британский арьергард. Его рана зажила, и Сурд дожил до 1849 года. Полковник был ранен в Женапе, в конном бою, который оказал сильное впечатление на многих британских очевидцев. Британская кавалерия была вооружена шпагами и саблями, а у французов имелись пики. Этими пиками перегораживали узкую улочку между двумя домами. Для атакующих такая стальная изгородь становилась почти непреодолимой преградой. Британским гусарам, 7-му полку, было приказано атаковать французов, которые беспокоили британо-голландские силы и подошли слишком близко к их позициям. Главный сержант Коттон вспоминал, что уланы считались «худшими клиентами, с которыми только доводилось иметь дело».

Флаги, о которых он говорил, были флажками, которые крепились сразу под узким стальным наконечником пики. Атака 7-го гусарского захлебнулась. Они понесли жестокие потери, затем снова понесли потери, когда пытались атаковать вторично. Выживших преследовала смешанная группа из уланов и кирасиров, их остановила только атака лейб-гвардейцев – более тяжелой кавалерии, которая смогла пробиться сквозь острия длинных пик и порубить французов своими длинными палашами. Пика была полезным оружием, особенно во время преследования, но ее слабость в том, что, если противник увернулся от острия, улан оказывается практически беззащитным. Тем не менее британцев так впечатлила работа французских уланов, что после войны они создали собственные уланские полки.

Лейб-гвардейцы остановили погоню, но больше всего людям Веллингтона помог дождь. «Грязь на дорогах была так глубока, – рассказывал Ипполит де Модюи, императорский гвардеец, – что сохранять строй в наших колоннах не оставалось никакой возможности». Лейтенант Жак Мартен, офицер французской пехоты, так описывал этот беспорядок:

Французская погоня превратилась в борьбу со стихией и грязью. Основная часть пехоты шла полями, предоставив мощную дорогу пушкам. Все старались проложить собственную колею, чтобы не наступать в грязь, взбитую теми, кто шел впереди. В результате войска разбрелись так широко, что до утра не могли собрать своих подразделений. А дождь все шел. Затем, к вечеру, передовые части французской конницы взобрались на возвышенность и внезапно были встречены пушечным огнем. Стояли сумерки, от низких туч небо неестественно потемнело, хлестал дождь. И оттуда, из сумрака, показались внезапные вспышки орудийных выстрелов, и над долиной полетели бомбы, оставляя за собой тонкий след дыма от горящих запалов, а пламя из орудийных жерл осветило весь гребень к северу. Бомбы взорвались, не причинив особого вреда, а некоторые и не взорвались, потому что их запалы потухли, проглоченные жидкой грязью. Пушечный огонь прекратился так же внезапно, как и начался.

До сих пор британские пушки стреляли только от дороги, но теперь передовые конные отряды французов увидели вспышки выстрелов вдоль всего гребня, скрытого дымом и занавешенного проливным дождем. Они знали, что означает этот дым, – противник убрал пушки с дороги и расставил вдоль гребня, который теперь собирается защищать. Британцы решили остановиться, и погоня закончилась. Перед французами стоял герцог Веллингтон и его армия.

Им было предложено сразиться в месте под названием Мон-Сен-Жан.

Четыреста лет назад возле деревни под названием Азенкур английская армия ожидала сражения с французами. Той октябрьской ночью дождь лил и лил и небо содрогалось от раскатов грома. Дождь промочил все насквозь, а утром, когда он закончился, поле, где англичане ожидали битвы, превратилось в жидкую грязь. Именно грязь определила победу над французами, которые с грузом доспехов по 20–30 килограммов на каждом брели по колено в грязи, чтобы добраться до врага. Вязкая грязь обессиливала, так что, когда они добрались до линии Генриха V, их просто безжалостно изрубили.

И в воскресенье, 18 июня 1815 года, долина к югу от Ватерлоо оказалась покрыта грязью. То было знамение.

Либо император не знал историю, либо решил, что дождь за день до битвы знамением можно не считать. За предыдущие два дня он уже наделал ошибок, но пока не растерял самоуверенности. Генерал Фуа позже вспоминал предсказание Наполеона:

Какая разница с *On a perdu la France!*, хотя эта гневная фраза была брошена в ярости, когда Наполеон увидел, какую возможность упустил Ней. Однако, несмотря на упущение, Наполеон оставался очень самонадеян, поскольку знал, что пруссаки отступают на восток и их преследует маршал Груши, в то время как Веллингтон легкомысленно предлагает сразиться.

Со стороны Наполеона было весьма недостойно делать такие высокомерные утверждения. Его тактика в воскресенье 18 июня была отнюдь не такой простой, как он предсказывал, но и она служит признаком самонадеянности. Французы располагали превосходным разведывательным ресурсом среди франкоговорящего населения Бельгии, и Наполеону наверняка доложили, что армия Веллингтона была хрупкой коалицией, в то время как армия императора держалась на испытанных в боях ветеранах. Той ночью Наполеон боялся, что Веллингтон ускользнет в потемках и французы останутся без великой победы. «Дождь лил ручьями», – отмечал Наполеон в мемуарах.

Штаб Наполеона находился на ферме Кайю, чуть к югу от широкой долины, где его ожидали враги. Император провел беспокойную ночь, что и неудивительно, а рано утром, в воскресенье, 18 июня, он получил от Груши депешу, которая должна была его насторожить. В послании говорилось о том, что пруссаки вместо отступления на восток направились на север, в Вавр, а это означало, что войска Блюхера находятся в нескольких часах ходу от размокшей под дождем долины под гребнем Мон-Сен-Жан. Однако император не обеспокоился и не отвечал Груши почти все утро. В конце концов он откомандировал значительную часть своей армии, для того чтобы пруссакам было чем заняться. Эти 33 000 человек были отправлены специально, чтобы не позволить Блюхеру соединиться с Веллингтоном, и император пребывал в уверенности, что соединения не произойдет. Его беспокоили только те войска, что находились перед ним, – британо-голландская армия. И, поскольку Наполеону никогда прежде не доводилось готовиться к генеральному сражению с британскими войсками, он спросил мнения своих генералов. Это произошло за завтраком в Кайю. Маршал Султ сказал Наполеону: «Сир, в открытом бою английские пехотинцы дерутся как черти». Такое мнение рассердило Наполеона, как и унылый комментарий генерала Рея, назвавшего британскую пехоту непоколебимой. Наполеон парировал знаменитым высказыванием:

Наполеон блефовал. Нелепым было и утверждение, будто Веллингтон – всего лишь «сипайский [\[16\]](#) генерал». Однако, как справедливо указывает Эндрю Робертс в книге «Наполеон и Веллингтон», что же еще должен был сказать император утром перед боем? Его задача – поднять дух бойцов, а не превозносить силу врага. Он знал о репутации Веллингтона, знал, что генералы обожают герцога, поэтому унизил противника насмешкой. И почти наверняка он считал себя полководцем лучшим, нежели герцог. «Наши шансы – девять из десяти», – сообщил он генералам. Однажды император сказал так: «Нельзя начинать битву, если не оцениваешь шансы победить хотя бы в семьдесят процентов».

Была ли причиной самоуверенности Наполеона болезнь? Такой вопрос может показаться странным,

но есть предположение, что Наполеон страдал акромегалией – редким гормональным расстройством, которое, помимо прочего, проявляется в чрезмерном оптимизме. Имеются также предположения, что Наполеон страдал от геморроя, запоров, цистита или эпилепсии. Все это предлагается в качестве объяснения его апатичного поведения в том июне. Он, безусловно, был утомлен, но это можно сказать почти о любом старшем офицере, воевавшем в ту кампанию. По утверждению сэра Джона Кигана^[17], за три дня перед битвой при Ватерлоо Веллингтон проспал не больше девяти с половиной часов, наверняка не больше, чем император.

Большинство утверждений о диагнозах Наполеона напоминают скорее оправдания, хотя никто не сомневается, что он был уже не так энергичен, как в молодости. Полковник Огюст-Луи Петие служил в штабе маршала Сульта, у него было достаточно возможности наблюдать за Наполеоном.

Но, утомленный или нет, Наполеон жаждал сражения. Всю ночь он боялся, что Веллингтон уйдет, однако заря застала герцога на прежнем месте. Ночью, глядя на свет костров, отражавшийся в облачном небе, император воскликнул: *Ah! Je les tiens donc, ces anglais!* («Ага, наконец я добрался до вас, англичане!»).

Добрался, что и говорить.

Британо-голландская штаб-квартира находилась в городке Ватерлоо. Квартирмейстеры мелом писали имена на дверях, чтобы знать, кого куда поселили. На парадной двери уютного дома на главной улице было написано: «Его Светлость герцог Веллингтон». Теперь там музей. В этом доме герцог провел большую часть ночи за написанием писем. На сон оставалось около трех часов. Дождь продолжался.

Герцог писал британскому послу в Нидерландах, сэру Чарльзу Стюарту, который находился в Генте: «Если можете, пожалуйста, успокойте наших соотечественников. Пусть они будут готовы уехать, но не спешат и не пугаются – все еще может обойтись». Еще он написал леди Фрэнсис Уэбстер, своей 22-летней подруге, с которой встречался в парке Брюсселя. Письмо начиналось так: «Ватерлоо, воскресенье, 3 часа утра, 18 июня 1815»:

Герцог разумно советовал не впадать в панику, но она уже началась. Слухи распространяются быстро, и они гласили, что британо-голландская армия разбита, пруссаки бегут, а Наполеон неудержимо движется на Брюссель. Таппер Кэри служил помощником начальника военно-торговой службы и был отправлен в Брюссель на поиски обоза.

В Брюсселе дела обстояли не лучше. Множились слухи о поражении Веллингтона, и приезжие англичане отчаянно искали, на чем можно уехать из города. Англичанин Джон Бут, штатский, находился ночью в городе и оставил записи об этой суматохе:

Антверпен находится к северу от Брюсселя, дороги к порту были хорошими, как и система каналов. Удачливые путешественники могли раздобыть местечко на барже, где им подавали прекрасную еду в роскошной каюте, пока кони-тяжеловозы плавно тащили суденышки к северу. К 17 июня все баржи либо ушли из Брюсселя, либо находились в распоряжении британской армии и служили плавучими лазаретами для перевозки раненых на причалы Антверпена. Слухи о грандиозном поражении британцев при Катр-Бра дошли до Антверпена вместе с беженцами и вызвали еще большую панику. Подобные слухи поразили французов на исходе дня битвы при Катр-Бра, когда «в общем смятении, все бежали и кричали: “Враг идет!”», как писал пехотинец Нед Кастелло. «Любопытно наблюдать, что в тылу воюющей армии всех охватили переполох и смятение, в то время как на передовых царят дисциплина и порядок. У многих людей сложилось превратное впечатление о положении дел».

Герцог олицетворял собой дисциплину и порядок. Той ночью в какой-то момент он получил известие,

что утром прусская армия двинется к нему на подмогу. Именно этой новости он и ждал. Той ночью его беспокоило, что Наполеон развернет свой правый фланг, отрезая ему пути к отступлению в Остенде, и, чтобы предотвратить такой маневр, Веллингтон отправил 17 000 человек к деревне Аль. Эти войска так и не приняли участия в сражении, потому что Наполеон не пытался выманить Веллингтона с занятых позиций. Он просто атаковал в лоб. Однако той дождливой ночью Веллингтон не мог знать, что задумал император. Помощник главнокомандующего, герцог Аксбридж, спросил Веллингтона о планах на утро и получил расплывчатый ответ.

– Кто завтра атакует первым, – спросил герцог, – я или Бонапарт?

– Бонапарт, – ответил Аксбридж.

– Ну вот, Бонапарт не известил меня о своих планах, а мои планы зависят от него. Как же вы хотите, чтобы я поведал вам о моих планах?

Веллингтон не хотел, чтобы Аксбридж был помощником главнокомандующего и командиром британской кавалерии. Многие считают, дело было в том, что Аксбридж увел жену у младшего брата Веллингтона, Генри. Был страшный скандал. Веллингтон предпочел бы видеть командующим кавалерией лорда Комбермера. Сэр Стэплтон Коттон, как Комбермера называли в 1812 году, возглавлял британскую кавалерию в битве при Саламанке и сыграл ключевую роль в том победоносном сражении, но Аксбридж пользовался королевским покровительством, а оно оказалось превыше пожеланий герцога. Когда объявили о назначении лорда Аксбриджа, друг герцога едко заметил: «Про лорда Аксбриджа ходит слава, что он готов сбежать, с кем только может».

«Я очень постараюсь, чтобы со мной он не сбежал». Веллингтон за словом в карман не лез. А в эту ночь накануне сражения герцог почувствовал, что слишком резок со своим помощником, спрашивающим о его планах. Он похлопал Аксбриджа по плечу и добавил: «Только одно можно сказать наверняка, Аксбридж. Что бы ни случилось, мы с вами выполним долг».

По правде сказать, Аксбридж был отличным кавалеристом, но, оказавшись вторым после Веллингтона в командовании, сильно растерялся. Герцог не передавал своих полномочий. У него не было начальника штаба, как у Блюхера и императора. Он был сам себе начальник штаба и не верил, что кто-нибудь может выполнить эту работу хотя бы вполовину так же хорошо, как он это сделает сам. Вопрос Аксбриджа о планах на утро был совершенно оправдан и требовал обстоятельного ответа, но Веллингтон не желал обсуждений и определенно не желал советов Аксбриджа. Герцога назначили главнокомандующим, и он им был.

Стиль писем, написанных в ту ночь, и бесцеремонность, с которой он обошелся с Аксбриджем, выдают, что герцог не был так уверен в себе, как Наполеон. Ему и не следовало быть самоуверенным. Лишь на половину своей армии он мог положиться в бою, и армия была обречена на разгром, если не сможет подойти Блюхер. Хоть русский царь и назвал Веллингтона покорителем покорителя мира, это звание еще следовало заслужить, и этой дождливой ночью герцога терзали сомнения. Ему предстояло встретиться с тем, кого весь мир признал лучшим полководцем эпохи, с тем, с кем еще не доводилось сражаться, с тем, кого часто называли гением.

И все же Веллингтон знал, что показывать волнение нельзя. Утром, когда кончился дождь, с ним встретился его друг Алава, посол Испании в Нидерландах, который только из преданности герцогу оставался в Ватерлоо. Алава переживал, что герцог не слишком в себе уверен, но герцог успокоил Алаву, кивком показав на долину, где французы готовились к бою. «Вон тот малый, – сказал он про Наполеона, – и не представляет, в какую лужу он сейчас сядет!»

Наполеон мог сесть в лужу, только если подойдет прусская армия. Наверное, это самое важное, что нужно знать, чтобы разобраться в сражении при Ватерлоо. В спорах о том, кто «победил» в этом сражении, сторонники британцев и пруссаков оспаривают эту честь, но правда состоит в том, что Веллингтон ни за что не остался бы на гребне Мон-Сен-Жан, если бы не верил, что пруссаки придут на помощь, а Блюхер ни за что не рискнул бы выступить, если бы не был уверен, что Веллингтону не выдержать французской атаки.

Гнейзенау, мудрый начальник штаба Блюхера, выдвигал доводы за то, чтобы бросить Веллингтона. Гнейзенау подвергался сильной критике, особенно со стороны британцев, за предложение спешно уйти на восток. Впрочем, его предложение совершенно разумно. Он указал на все опасности своему вспыльчивому, необузданному командиру. Правда, Гнейзенау был невысокого мнения о британской армии и считал Веллингтона человеком ненадежным. Это несомненно придавало его взгляду на ситуацию определенный оттенок, но он обратил внимание Блюхера на то, что Веллингтон может только сделать вид, что закрепился на гребне, а сам отступить, подставив прусскую армию под удар. Тогда Наполеон направит все силы на солдат Блюхера, а Веллингтон тем временем уведет своих. Верил ли сам Гнейзенау в это? Может, и нет, но был прав, рассказывая Блюхеру о возможности такого развития событий. Старый маршал принимал решение и должен был знать, чем он рискует, если решит помочь Веллингтону. Пока израненный Блюхер лежал в Меллери, Гнейзенау временно исполнял роль главнокомандующего и сделал все, чтобы отступающая армия направлялась на север. Он расставил на перекрестках штабных офицеров, которые указывали войскам дорогу, ведущую в Вавр. Волю своего командира он выполнил.

Каким бы ни было личное мнение Гнейзенау о британо-голландских союзниках, он его не навязывал. Когда Блюхер принял решение идти на помощь Веллингтону, Гнейзенау привел приказ в исполнение. Позже молодой штаб-офицер из армии Блюхера писал:

Этим молодым штаб-офицером был майор Карл фон Клаузевиц, ставший впоследствии одним из самых известных хронистов той войны. Он изображает отступление к Вавру ужасным, опасным путешествием в темноте под проливным дождем. В письме к жене он описывает, как войска преодолевали раскисшую дорогу, пребывая в постоянном страхе перед французской погоней. «Я думал, что поседею за эту ночь».

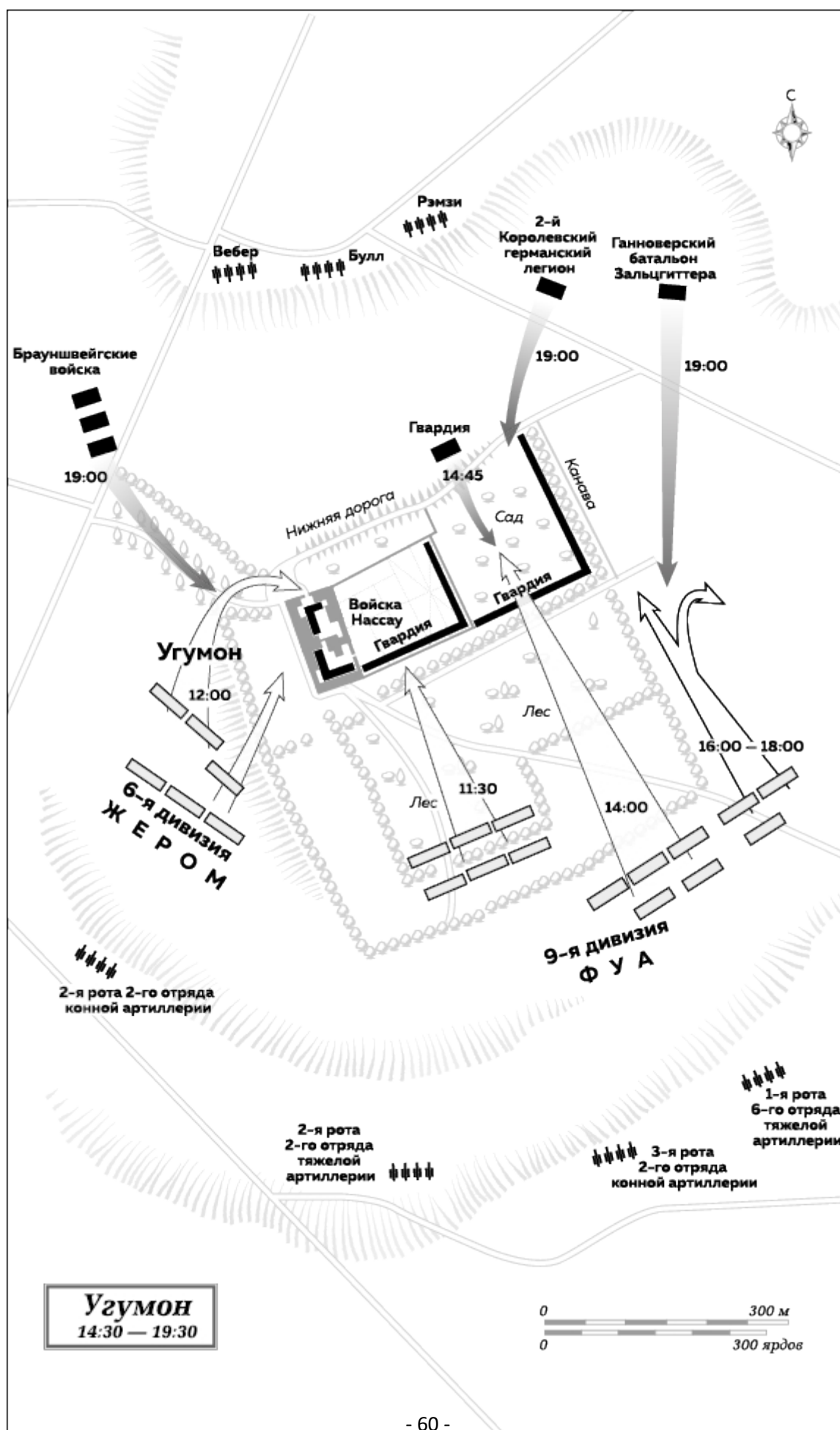
Однако французской погони не было. У Груши было 33 000 человек и 96 пушек, чтобы догнать пруссаков, но он не знал, куда бежать. И на заре 18 июня французы были столь индифферентны, что Блюхер решил – преследования и вовсе не будет. И вот, несмотря на погоду, несмотря на темноту и поражение при Линьи, прусская армия теперь стояла в 20 километрах от Веллингтона. То были трудные километры, пролежавшие через ручьи, по обрывистым холмам, но, если Блюхер пообещал Веллингтону, что придет, значит, придет. «Я снова поведу вас на врага, – объявил он войскам, – и мы разобьем их, потому что должны это сделать!»

При Линьи император поставил для Блюхера ловушку, надеясь, что Ней или д'Эрлон обрушатся как гром на прусский правый фланг. Ловушка не сработала.

Блюхер понадеялся, что Веллингтон придет в Линьи и нападет на левый фланг французов, но эта ловушка тоже не сработала.

Теперь же поставлена новая ловушка. Веллингтон в ней служил приманкой, Наполеон – предполагаемой жертвой, а Блюхер – охотником.

Наступил рассвет воскресенья 18 июня 1815 года.

6. «Бог весть откуда прилетело ядро и отняло голову человеку справа»

У генералов была крыша над головой, а вот для большинства солдат канун дня битвы обернулся кошмаром из дождя, грязи и нужды. Мало кому повезло с укрытием. Уильям Гибни служил хирургом в британской кавалерии. Ему посчастливилось больше многих других, для него хотя бы нашлись еда и питье.

Он жалуется, что спать пришлось вертеться как юла, но даже так отдохнуть смогли немногие. Другой кавалерийский хирург, Джон Гордон Смит, вспоминал, как его драгуны остались без еды, питья и огня.

Стульям, разумеется, надлежало спасти от грязи филейные части офицеров. Герцог Веллингтон строго запрещал разорять мирное население и наказывал тех, кто попадался на воровстве. Его мотивом кроме поддержания дисциплины было нежелание увеличивать число врагов. Своим разбойным поведением в Испании британская армия вызвала ненависть почти у всех испанцев. В результате с партизанами пришлось сражаться не меньше, чем с наполеоновской армией. В 1814 году, когда Веллингтон вторгся в Южную Францию, он установил в своей армии жесткий контроль, чтобы не допустить грабежа мирного населения. Однако тут перед сражением солдатам разрешили мародерствовать. Разрешение было получено не у Веллингтона, а у генерала, сэра Фредерика Эдама. Подпоручик Ричард Кокс Эйр, стрелковый батальон которого «потешился» с французскими уланами около Монса два дня тому назад, писал, что к вечеру 17 июня его люди превратились в «крыс, полуутопленных и полудохлых от голода». Затем они получили «от генерала Эдама, командовавшего бригадой, разрешение разграбить три фермы»:

Подпоручику Эйру повезло, а кому-то не досталось не только пиршества, но даже огня. Рядовой гвардеец Мэтью Клэй провел эту ночь на краю канавы, его едва укрывали густые ветки живой изгороди. Другие спали под открытым небом, положив голову на ранец как на подушку. И для всех сон был недолгим. Внезапно темноту расколола молния, прогремел гром. Кони, ночевавшие в промокшем поле, сорвали путы и в панике понеслись прямо через стоявшие лагерем войска. Одна из привязанных лошадей принадлежала капитану по имени Джонни Кинкейд из 95-го стрелкового. Он привязал поводья лошади к рукояти штык-тесака одного из его солдат (стрелки имели в вооружении штык с рукоятью и клинком около 60 сантиметров длиной), клинок штык-тесака воткнул в землю, а сам отправился спать. Проснувшись, он обнаружил, что лошадь убежала, и уже отчаялся ее найти, но спустя час та отыскалась среди коней артиллеристов, а штык еще болтался, привязанный к поводьям. И всю ночь шел дождь, обрушиваясь на землю, превращая ее в грязь, уничтожая урожай, заполняя водой канавы. Капитан Мерсе ютился вповалку с другими офицерами:

Французам пришлось хуже. Солдаты Веллингтона хотя бы дошли до гребня Мон-Сен-Жан при свете дня, и у них было время пограбить и наломать мебели для костров, а вот войска Наполеона прибывали к

месту сражения всю первую половину ночи. Британцы, находясь почти за полтора километра, слышали, как громяхают по Брюссельской дороге повозки, пушки и лафеты. Стемнело, а значит, французы вряд ли могли добыть еды или топлива. Некоторые кавалеристы спали в седле или пытались поспать, а на британо-голландские костры, полыхавшие в ночи под непрерывным дождем, только могли глядеть с завистью.

150 000 человек пришли в долину, и 150 000 человек пытались уснуть в набрякшей от дождя темноте, зная, что наутро начнется сражение. Точные цифры можно привести только для артиллерии, но армия Наполеона составляла примерно 77 500 человек и 246 пушек. Со стороны Веллингтона их поджидали 73 200 человек и 157 пушек. У Блюхера, примерно в 20 километрах к востоку стояли еще 100 000 человек и 240 пушек. В этот момент Блюхер не мог принять участие в сражении, однако обещал отправить к гребню Мон-Сен-Жан половину своих людей и 134 пушки. Значит, Наполеону требовалось разбить Веллингтона раньше, чем подойдут войска Блюхера.

Армия Наполеона превосходила числом силы Веллингтона, хотя и не слишком. Истинное преимущество императора состояло в том, что его войска были в целом лучше. Веллингтону полностью доверяли в его британских частях и в Королевском германском легионе, но остальные – а это добрая половина армии – отличались сомнительной выучкой и ненадежностью. Второе преимущество Наполеона состояло в численности и качестве артиллерии. Сам Наполеон учился на артиллериста. Пушки были его «прекрасными доченьками», но эффективность наполеоновских дочерей на сей раз была поглощена грязью.

Как французские рыцари увязли в грязи Азенкура, так и грязь Ватерлоо помогла солдатам Веллингтона. Наполеон любил разнести вражеские позиции из пушек, ослабить их с большого расстояния, как он разнес на куски беззащитную прусскую пехоту при Линьи. Батальон, стоящий в линии, каре или колонне был прекрасной целью, но с большого расстояния артиллеристы предпочитали пускать тяжелые ядра настилом. Это примерно как пускать «блинчики» камнем по воде, с той разницей, что тяжелое ядро, падая, поражает цели на короткой дистанции один, два, три, много раз, пока не долетит до конечной цели. Как ни странно, это более точный метод стрельбы, чем прямым попаданием. Если артиллерист метит прямо в цель, без настила, то любое малейшее отклонение в количестве пороха или весе самого ядра меняет траекторию полета, и ядро может пролететь мимо, не причинив вреда. При выстреле настилом ядро летит низко и почти всегда попадает в цель, но грязь замедляет ядра, пущенные настилом, и может вовсе их остановить. И бомбы тоже вязнут в грязи. Ядро цельное, а бомба – полый железный шар с начинкой из пороха. Почва при Ватерлоо стала такой мягкой, что бомбы, прежде чем взорваться, зарывались в землю, а мокрая грязь гасила запалы. Мортиры – орудия, которые стреляют по высокой дуге, позволяя забросить снаряд через препятствие или на скрытую сторону холма, где Веллингтон любил размещать войска. Мортирные снаряды при приземлении особенно сильно вязли в грязи.

У Наполеона было около 53 000 человек пехоты, почти как и у Веллингтона, хотя и тут войска Веллингтона сильно разнились по качеству. Артиллерия могла размотить противника, кавалерия – вывести из строя незащищенные части, но побеждала в сражениях пехота. Только атака пехоты позволяла взять поле и удержать его. Конница способна была проникнуть далеко вглубь вражеских позиций, но, как обнаружил Келлерман при Катр-Бра, тогда она становится и очень уязвимой для мушкетного и пушечного огня. Чтобы одолеть чужую пехоту, полководец должен иметь собственную, и здесь у Наполеона никакого преимущества не было. Для того чтобы разбить Веллингтона, императорской пехоте предстояло пройти метров восемьсот по открытому пространству под огнем британо-голландских пушек, а их противник мог залечь до самого последнего момента. И вот в этот последний момент на очень близкой дистанции свежая британская пехота схватывалась с французской, уже побитой пушечным огнем. Как обсуждалось ранее, держать линию при перемещении по сельской местности невозможно. Французам пришлось наступать колонной, а встречать их приготовились линией. Конечно, французы, встретившись с врагом, могли бы

перестроиться в линию, но долину им приходилось переходить колонной, а колонна – отличная цель для пушкаря.

В это мокрое воскресенье, когда рассвело, французы смогли разглядеть врагов, ожидающих на дальнем гребне, хотя многие британо-голландские части были укрыты на обратном склоне. Тем не менее поле боя обозначилось, и было оно маленьким. Ватерлоо – одно из самых стесненных сражений в истории, три армии бились там на пространстве в пять квадратных километров.

На центр французской позиции приходилась таверна *La Belle Alliance*, построенная там, где дорога пересекала южный гребень. Ее постояльцам открывался вид на север, вдоль дороги. Справа и слева расстилалась долина. Гребни, ограничивающие долину, не параллельны, оба закруглены. Северный гребень образует почти ровный полукруг, а южный почти зеркально его повторяет, поэтому вся долина представляет собой арену в форме человеческого глаза. Восточный край этой арены отмечен россыпью каменных домов и рощицами, за которыми начинается пересеченная сельская местность. Эти холмики, разделенные ручьями и главным потоком – рекой Лан, – легко защищать и трудно атаковать, так что восточный край поля боя определен рельефом. По этому краю рассыпаны крупные фермы и усадьбы: Паплот, Ла-Э (не путать с Ла-Э-Сент), Смоэн, Фришермон – каждая из них могла служить надежной каменной крепостью, поэтому фланг – британо-голландский левый фланг – не оставлял возможности обойти позицию Веллингтона. Позади французских линий, но все еще справа от них, находилась крупная деревня под названием «Плансенуа». Большинство французов не слишком задумывались об этой деревне. Она находилась позади и вряд ли могла играть какую-нибудь роль в сражении против Веллингтона, но к исходу дня ей предстояло стать местом побоища.

Наполеон большую часть дня провел возле *La Belle Alliance*. Веллингтон вел себя гораздо активнее императора, но если у него не находилось дел в ином месте, то стоял под вязом, у перекрестка, по центру северного гребня. Расстояние от *La Belle Alliance* до вяза составляет 1400 метров, а от перекрестка на восток, до Паплота, – еще 1400 метров. Вдоль вершины северного гребня проходила небольшая дорога. Французам были видны кусты вдоль этой дороги, а между дорогой и французами – широкая долина с высокими колосьями ржи, ячменя и пшеницы. От *La Belle Alliance* этот участок открытой местности между вязом и Паплотом представляется долгим, пологим склоном, ведущим к низкой вершине гребня, где находились позиции Веллингтона. Атаковать через это открытое пространство представлялось вполне возможным.

Атака прямо по дороге в направлении к вязу представлялась более трудной, потому что на середине пути по пологому склону прочно обосновались каменные постройки фермы Ла-Э-Сент и было заметно, что в ней размещен британский гарнизон. Любая атака на центр позиции Веллингтона сперва споткнется о ферму Ла-Э-Сент и одетых в зеленые мундиры стрелков, засевших в яме с песком, через дорогу от особняка. Ферма и стрелки находились всего в 200 метрах от вершины гребня.

Слева от Ла-Э-Сент вновь тянулась открытая местность шириной около 2 километров – еще один участок, где предполагаемая атака не встречала особых помех, хотя атакующим пришлось бы идти в коридоре между гарнизоном Ла-Э-Сент и защитниками большого поместья Угумон.

Угумон был богатым хозяйством, находящимся перед гребнем Веллингтона, размером гораздо больше, чем Ла-Э-Сент. Хозяйство включало в себя внушительный особняк (шато), амбары, часовню, конюшни и другие хозяйственные постройки. Все это окружала высокая каменная стена. Там же находился окруженный стеной огород и фруктовый сад за живой изгородью. Это был еще один серьезно укрепленный пункт, и как раз в этом месте два гребня сходились ближе всего друг к другу, хотя и склоны в этом месте самые пологие. Угумон был крепким орешком, но между Угумоном и Ла-Э-Сент хватало места наступления основной части пехоты.

К западу за Угумоном местность была более открытой. Здесь Наполеону было бы трудно развернуть левый британо-голландский фланг, пересеченная местность за Паплотом тоже хорошо подходила для обороны, однако правый фланг Веллингтона за Угумоном выглядел соблазнительно. Если император атакует за Угумоном, к западу, он может вынудить Веллингтона оставить гребень и развернуть свою армию лицом к новой угрозе. Веллингтон опасался подобного маневра и большую часть резервов разместил в деревне Брен-л'Аллё, позади своего правого фланга. Эти войска могли отразить атаку с фланга, а на случай, если дела пойдут совсем плохо и Веллингтону придется отступить, в деревне Аль, в 16 километрах к западу от Ватерлоо, герцог разместил еще 17 000 человек в качестве арьергарда, чтобы дать возможность армии отойти к морю. Эти 17 000 участия в сражении так и не приняли.

Наполеон также отправил часть своей армии – 33 000 человек и 96 пушек под командованием Груши – преследовать пруссаков. В их задачу входило найти прусскую армию и задать ей трепку, чтобы Блюхер не смог прийти на помощь Веллингтону.

Итак, на заре воскресенья 18 июня все три армии ожидали сражения. Дождь наконец закончился, но время от времени в течение всего дня еще поливало. Несмотря на летнее время, стоял страшный холод. Стрелок Джонни Кинкейд, замерзавший возле шоссе, чуть севернее вяза, вскипятил котел воды, закинул туда чай, сахар и молоко, «так, что все важные чины норовили случайно оказаться поблизости», как он писал. «Думаю, каждый из них требовал по чашечке, начиная с самого герцога».

Французам пришлось не легче. 18-летний пехотинец Луи Канле в эту ночь продрог под дождем до костей, но хоть позавтракал с утра. Его рота зарезала овцу и сварила ее, загустив бульон мукой. Однако соли у них не нашлось, и один из солдат бросил в котел горсть пороха. Как вспоминал Канле, «баранина на вкус отдавала тухлятиной».

Рядовой гвардеец Мэтью Клей, который провел злосчастную ночь у канавы, возле сада Угумона, испытал нечто подобное. Он писал так:

Зарезали свинью и разделали тушу. Клею досталась часть головы, но хоть он и наковырял мяса, оно показалось ему несъедобным. Затем занялся чисткой мушкета. Мушкет был заряжен, поскольку гарнизон Угумона боялся ночной атаки, которая так и не состоялась. Пришлось стрелять прямо в раскисший берег. Порох мог отсыреть, а кому нужен нерабочий мушкет, когда придет враг! Вот они и стреляли, чтобы избавиться от заряда, пробывшего в мушкете всю ночь. Клей проверил патроны, подтянул винтовой зажим, державший кремль в курке, смазал спусковой механизм и мощную пружину. От сырости у некоторых мушкетов разбухли деревянные части и затрудняли работу пружины.

Как и все гвардейцы, Клей носил мушкет Brown Bess, хотя на самом деле оружия с таким названием не было. Были «пехотная» модель мушкетов, «индийская» модель и «новая» модель – все они носили прозвище Brown Bess. Базовая модель мушкета была разработана еще в начале XVIII века, за 100 лет до Ватерлоо, и солдат армии Мальборо [\[18\]](#) без особых затруднений мог бы использовать «новую» модель мушкета, изготовленную в начале XIX века. Мушкеты были тяжелыми, чуть более четырех с половиной килограммов, громоздкими, с длиной ствола 99 или 107 сантиметров, они стреляли пулями диаметром 76 миллиметров. За минуту можно было выстрелить 5 раз, но это в самом лучшем случае. Нормальная скорость стрельбы составляла 2–3 выстрела в минуту, но даже так получалось не всегда. Запальные отверстия забивались пороховым нагаром, стволы засорялись, кремль стирался и требовал замены. Тем не менее британский батальон из 500 человек должен был вести огонь интенсивностью от тысячи до полутора тысяч выстрелов в минуту. Если стрелять слишком далеко, скажем, дальше чем на 100 метров, то большая часть пуль пропадет зря, потому что гладкоствольный мушкет славился своей неточностью. В значительной степени эта неточность возникала из-за зазора между пулей и стенкой канала ствола. Обычно она составляла 1,27 миллиметра, чтобы пуля легче (а значит, быстрее) заряжалась, но эти пули

буквально забивались в ствол, и последний удар определял направление полета. Проводились различные испытания точности мушкетов. Одно из них, имевшее место в прусской армии, показало, что солдаты батальона, стреляющие в мишень 30,5 метра шириной и 1,83 метра высотой с расстояния в 68,5 метра попадают в цель в 60 % случаев, со 137 метров – в 40 %, а с 206 метров – в 25 %. Опытный снайпер полковник Джордж Хэнгер писал в книге «Всем охотникам» (To All Sportsmen), изданной в 1814 году:

Во время Наполеоновских войн тоже оценивалась эффективность мушкетной стрельбы. Считается, что в битве при Талавере 1300 французов были убиты или ранены за полчаса, но на это потребовалось 30 000 мушкетных пуль! При Витории армия Веллингтона выпустила 3 675 000 пуль, жертвами которых стали 8000 человек, то есть одно попадание на 459 выстрелов! На близкой дистанции результат выходил намного лучше, и британцев специально обучали ждать, пока враг подойдет близко, и только затем открывать огонь.

Французы тоже чистили свои мушкеты. Их оружие – шарлевильский мушкет – было примерно на 450 граммов легче, чем Brown Bess, и столь же неточным. Этот мушкет отличался меньшим калибром, значит, французская пехота не могла пускать в ход английские патроны, собранные с убитых и раненых врагов, а британцы имели такую возможность, так что использовали трофейные боеприпасы. Французский порох сильно проигрывал британскому в качестве, от него быстрее засорялись ствол и запальное отверстие. Обычным способом борьбы с пороховым нагаром считалось полоскание в горячей воде, но моча подходила для этой цели почти так же хорошо.

Заря застала солдат обеих армий замерзшими, промокшими и оковевшими. «Если я выгляжу вполтину так же плохо, как ты, – сказал капитан Уильям Вернер из 7-го гусарского своему товарищу-офицеру, – то вид у меня очень жалкий». Сержант Дункан Робертсон из 92-го батальона вспоминал: «Никогда в своей жизни я так не замерзал». Однако он немного оживился, когда батальону выдали джин. Помощник хирурга Хэдди из 1-го лейб-гвардейского рассказывал:

А вот что вспоминал помощник хирурга Уильям Гилби из 15-го гусарского:

Герцог Веллингтон покинул свой штаб в шесть утра и направился поближе к гребню Мон-Сен-Жан, задержавшись по пути, чтоб разжиться кружечкой чая у стрелка Кинкейда. Добравшись до гребня, он поскакал вдоль него, проверяя позиции. Веллингтон приказал пробить больше бойниц в мощной внешней стене Угумона. Мюффлинга, прусского связного офицера, обеспокоило, что герцог разместил так мало людей в большом шато, с его просторным садом, парком и хозяйственными постройками. «Ах, вы просто не знаете Макдонелла, – ответил герцог. – Я бросил туда Макдонелла». 34-летний подполковник Джеймс Макдонелл был шотландцем, переведенным в Колдстримский гвардейский полк в 1811 году. В воскресенье ему предстояло защищать Угумон вместе с 1500 гвардейцев и 600 германо-голландскими союзниками.

И вдоль по всему гребню люди пытались высушить форму и снаряжение. Солдаты перекусывали тем немногим, что удалось достать. Некоторым счастливицам повезло найти картофельные грядки и раскопать их. Люди чистили мушкеты, люди ждали.

И ждали.

А французской атаки все не было.

Наполеон принял решение. Его артиллеристы заявили, что поле слишком мокрое для пушек. Большая пушка после каждого выстрела с отдачи закапывается в грязь. Потом приходится прилагать изрядные усилия, чтобы вытащить пушку из трясины и заново навести на цель. По этой причине император решил подождать 2–3 часа, чтобы дать полю подсохнуть. На уничтожение армии Веллингтона времени хватало.

Маршал Сульт, начальник штаба императора, полагал, что лучше атаковать сразу, пока не подошли пруссаки, но Наполеон эту идею не принял. Пруссакки уже разбиты, разве не так? Они не успеют собраться, чтобы вовремя прийти на выручку Веллингтону, и потом, разве маршал Груши ими не занимается?

Пока сохла земля, император не терял времени зря. Он понимал психологию людей и умышленно держал в страхе армию, ждущую его на севере. Лучше всего об этом поведал один из людей Веллингтона, капрал Королевских шотландцев Грея. Джон Диксон стоял в карауле на вершине гребня, сразу за огороженной кустами дорогой, проходившей вдоль гребня, в нескольких метрах от полка, стоявшего на обратном склоне. Капрал любовался прекрасным построением французов.

Французы пытались запугать британо-голландскую армию. До некоторой степени это удалось. Очевидцы отмечают, что молодые солдаты бледнели и тряслись, глядя на сомкнутые ряды славной французской армии, которая шла как на парад под вспыхивающим и блекнущим светом солнца. Однако другие, ветераны Пиренейской войны, выглядели как обычно.

И ожидание продолжалось. Девять часов, десять часов. Обе армии стояли в полном вооружении, играли оркестры, никто не двигался. Наполеон еще ждал, пока высохнет земля, хотя и позаботился отослать новые приказы маршалу Груши. Эти приказы были составлены маршалом Султом, они сводились к тому, чтобы удостовериться, что у Блюхера не осталось ни шанса вмешаться в сегодняшнее великое сражение. Этот документ был помечен: «Перед фермой Кайю, 18 июня, 10 часов утра». Похоже, Груши все еще не знал точно, где находится прусская армия, потому что Султ был вынужден ему сказать, что поступили донесения о выдвижении по крайней мере части армии Блюхера по направлению к Вавру.

Приводим приказ обширной цитатой, чтобы проиллюстрировать, до какой степени он бессодержателен. Груши не стал просить разъяснений, а просто отдал короткий приказ идти в Вавр. Видимо, Наполеон хотел, чтобы Груши расположил свою армию между Блюхером и полем Ватерлоо. При таком раскладе Груши оказался бы поблизости от Наполеона, и фраза «перед той частью прусской армии, которая следует в данном направлении» теряет смысл, поскольку тогда Груши пригнал бы эту часть прусской армии как раз к Веллингтону. Если Блюхер выдвинулся к Вавру, то преследовать его колонну с правого фланга нет никакого смысла, потому что Груши окажется тогда с востока от них, между Блюхером и Наполеоном. Однако при этом Груши приказали как можно скорее идти в Вавр. Если идти прямо на Вавр (а именно это Груши и сделал), прусские войска окажутся не с правого фланга, а впереди, а потом все левее. Между Вавром и Мон-Сен-Жаном лежал обрывистый овраг, по которому текла речка Лан. У этой преграды 33 000 человек Груши и 96 его пушек могли на долгие часы задержать армию, в десять раз большую, но, скорее всего, французы не знали про этот овраг, раз не попросили Груши занять его оборону. Вместо этого пожелали, чтобы он напрямик шел в Вавр, куда нужно попасть как можно скорее, да еще и гнать перед собою врагов, держа врага по правому флангу, при этом находясь поблизости от Наполеона. Ну и как все это выполнить одновременно? Груши, который находился уже в нескольких километрах к востоку от Наполеона, решил, что его задача – идти прямо на север, в Вавр. Так он и сделал, а значит, сельские дороги и глубокая долина реки Лан между Вавром и Мон-Сен-Жаном остались незащищенными.

Но на что это повлияло? Наполеон был уверен, что пруссаки не смогут соединиться с Веллингтоном еще по меньшей мере два дня, он считал, что у него девять шансов из десяти выиграть сражение. И наконец, к 11 часам, земля была признана достаточно высохшей, чтобы вести артиллерийский огонь.

С него все и началось. Можно подумать, что, располагая в мемуарах такой массой свидетельств очевидцев того ужасного дня, мы можем с точностью сказать, где и как началась битва, но это не так. Некоторые считают, что первой выстрелила британская пушка, другие говорят, что французская, но нет единого мнения, в какое время чьи пушки начали стрелять. Наиболее признанной считается версия, что около двадцати минут двенадцатого открыли огонь пушки на левом фланге французов. Ну а там и

остальные прекрасные дочери императора стали палить, окутывая густым пороховым дымом *La Belle Alliance* до самой крыши. Джонни Кинкейд и его стрелки несли дозор в песочной яме через дорогу от Ла-Э-Сент, где находились войска доблестного Королевского германского легиона. Позиция стрелка далеко перед линией обороны британо-голландских войск позволяла ему прекрасно видеть первые маневры сражения. Он рассмотрел массу французской пехоты в голубых мундирах, наступающей через рошу по направлению к Угумону. Затем началась пушечная пальба. «Бог весть откуда прилетело ядро и отняло голову человеку справа», – писал он. Теперь он увидел перед собой «бесчисленные точки», которые оказались артиллерийскими орудиями. Эти точки исчезали в выпущенном ими дыму, а потом над головой ухали ядра, бившие в вершину гребня.

Блюхер решил в первую очередь отправить на помощь Веллингтону 4-й корпус. То было здоровое решение, потому что эта часть его армии не пострадала в сражении при Линьи. Корпус был готовым к сражению, небитым, но, к несчастью, самым удаленным от Мон-Сен-Жана. Он выступил на заре и почти сразу столкнулся с проблемами, потому что булочник в Вавре, разжигая печь, умудрился спалить свой дом и булочную. Единственная улица города, достаточно широкая, чтобы по ней могли пройти обоз и артиллерия, пролегла мимо горящего дома. На сцену выкатили две городские пожарные повозки, ручные насосы, а прусские солдаты помогали тушить пламя, но пожар задержал их на два часа, потому что огненная стихия не позволяла безопасно пройти повозкам.

Задержка означала, что 2-й корпус армии Блюхера также должен был выступить с задержкой, дожидаясь, пока отбудет генерал 4-го корпуса, генерал фон Бюлов. Тем временем Блюхер отправил сообщение барону фон Мюффлингу, связному офицеру, приближенному к Веллингтону: «Я прошу вашу милость сообщить герцогу Веллингтону от моего имени, что как бы ни был болен, намереваюсь сам идти во главе моих войск». Блюхер все еще страдал от последствий падения с коня при Линьи, но, как он писал позже: «Скорее я привязал бы себя к лошади, чем пропустил битву». Начальник его штаба, фон Гнейзенау, человек гораздо более осторожный, добавил к этой депеше собственное письмо с вопросом к фон Мюффлингу: как он полагает, Веллингтон в самом деле намерен драться или герцог просто развернет Наполеона против прибывших прусских частей и использует их как прикрытие, а сам отступит?

В то время дороги из Вавра в Мон-Сен-Жан были ужасны – скорее проселки, петлявшие меж холмов. Путь указывали местные пастухи, но все равно добираться приходилось долго и трудно. Подполковник фон Райхе, штаб-офицер, вспоминал:

Впереди ждала отчаянно сложная и обрывистая долина реки Лан – место, в котором небольшой французский отряд мог бы остановить целую армию. Однако конные разъезды Блюхера уже пересекли долину и обнаружили, что она не охраняется. Путь на Ватерлоо был открыт.

А поздним утром, как только сам Блюхер выехал из Вавра на запад, в холмах раздалась канонада.

В 13 километрах к югу от Вавра маршал Груши заканчивал поздний завтрак, когда услышал грохот пушек. Он отложил блюдо с земляникой и вместе со штабными офицерами вышел в сад, прислушиваясь к далеким звукам. Кто-то предположил, что это гром. Кто-то встал на четвереньки и приложил ухо к земле. Теперь канонада была слышна отчетливо и доносилась с запада. Генерал Жерар принялся убеждать маршала скорее возвращаться и идти на звук, но маршал это предложение отверг. «Скорее всего, это работает арьергард», – ответил он, предположив, что Веллингтон отступает с Мон-Сен-Жана, как это было в Катр-Бра днем ранее. Жерар, опытный и искусный воин, стал настаивать, что следует идти на звук пальбы, но Груши отказался наотрез. Жерару в этой войне не везло. Он командовал 4-м корпусом армии Наполеона, и по его рекомендации командиром бригады в этом корпусе был назначен генерал Луи-Огюст-Виктор Бурмон. Роялист Бурмон дезертировал, как только французы перешли границу. Он сдался пруссакам и рассказал им все, что знал о планах Наполеона. И теперь Груши не послушал мудрого совета

В 20 километрах к западу началось побоище.

7. «Большие ботинки не выносят грубости!»

Многих удивляет, почему же герцог Веллингтон не усилил занимаемый им низкий гребень земляными укреплениями, особенно бастиянами, которые могли защитить его артиллерию от императорской, сильно превосходящей по количеству пушек? Было бы трудно построить бастияны во время проливного дождя, хлеставшего в ту ночь, но все же осуществимо. Возможно, укреплений не было выстроено потому, что герцог не хотел вынудить Наполеона обойти британские позиции с фланга. Герцог хотел, чтобы его атаковали в лоб. В случае прямой схватки пехота против пехоты Веллингтон был полностью уверен как в своих «красных мундирах», так и в батальонах Королевского германского легиона. «Этих, – как он позже сказал кому-то, – у меня более чем достаточно». Однако среди пехотинцев было и слишком много необстрелянных, неопытных, и заставлять их покинуть комфортный обратный склон и маневрировать на открытой местности под пушечным обстрелом перед ветеранами Наполеона значило обречь их на панику и разгром. Герцог опасался открытого правого фланга за Угумоном, поэтому не предпринял ничего, чтобы сделать гребень неприступным. Он хотел атаки вдоль дороги и лобового столкновения.

Наполеон же хотел уничтожить армию Веллингтона и вполне доходчиво описывал предполагаемую тактику:

Император лицемерил. На самом деле он планировал ослабить линию Веллингтона, прежде чем обрушиться на него с массивной, всепокрушающей атакой, которая пробьет центр герцогской армии. Это значит, он собирался сделать ровно то, чего Веллингтон от него и хотел. Император пообещал, что к полудню все закончится, но ему пришлось ждать, пока подсохнет земля, значит, теперь все должно закончиться часам к пяти.

Но как ослабить центр британо-голландской армии? Прежде всего пушками. Великими пушками, которые могут рвать батальоны в клочья, как они разнесли беззащитную прусскую пехоту на склонах возле Линьи. Веллингтон расположил большую часть своей пехоты за гребнем, что снижало эффективность бомбардировки, но император запланировал также отвлекающую атаку, дотаточно внушительную, чтобы заставить Веллингтона укрепить правый фланг за счет центра. То есть атаку на Угумон – комплекс строений с правого фланга Веллингтона, крепость, которая, как опасался фон Мюффлинг, была недостаточно укомплектована людьми. Наполеон решил, что если он пригрозит взятием Угумона, то Веллингтону не останется ничего другого, как спустить с гребня часть солдат, чтобы укрепить Угумон. Это «укрепление» оставит гребень открытым для настоящей атаки, ошеломляющей атаки, которая прокатится через долину и окончится взятием Мон-Сен-Жана.

В итоге битва началась возле Угумона, столкнув подполковника Джеймса Макдонелла, Колдстримского гвардейца, и Его Величество Жерома I, милостию Божией короля Вестфалии, принца Франции, князя Монфортского, а если бы всех этих титулов не было, он все равно оставался бы братом Наполеона. Он был младшим в семействе, но, как и все братья Наполеона, поднялся до немыслимых высот благодаря покровительству императора. Жозеф, старший из братьев, стал королем Испании, Люсьен сделался князем Канино и Музиньяно, Элиза – великой герцогиней Тосканской, Луи – королем Голландии, Полина – принцессой Боргезе, Каролина – королевой Неаполя, а Жером, проще говоря, король Вестфалии, теперь был генералом дивизии в армии своего брата. Отношения между братьями часто бывали натянутыми, потому что Жером отличался расточительством и мотовством. В 1815 году ему был 31 год, но сложности в отношениях с братом у него начались гораздо раньше, в 19. Тогда он повстречал американку, Элизабет Паттерсон из Балтимора, и женился на ней. Этот брак привел Наполеона в бешенство. Он хотел для своих родных династических браков, а не чего-то тривиального вроде любви, поэтому настоял, чтобы брат бросил Элизабет, вернулся во Францию и развелся. Элизабет или, как ее называли, Бетси, уехала в Лондон, где в Камберуэлле родился ее сын, Жером Наполеон Бонапарт II. Конечно, британцы были рады приютить Бетси и воспользоваться этой историей, чтобы поставить императора в неловкое положение. «У тебя много амбиций, – писал Наполеон Жерому в 1809 году, – немного ума и очень мало хороших качеств, но ты испорчен тупостью, огромным самомнением и ничего толком не знаешь. Боже мой, тебе едва хватает соображения, чтобы говорить и писать как следует».

Четыре года спустя, вернувшись из провального похода в Россию, где Жером потерпел жестокое поражение, император дал волю более строгим суждениям:

Но приверженность семье была превыше всего, поэтому Жером теперь командовал самой крупной пехотной дивизией в армии брата – 6-й пехотной дивизией численностью 8000 человек, хотя 1000 она уже потеряла при Катр-Бра. Теперь Жером мог доказать брату, что он не подлый, не трусливый, не тупой, посему он приказал атаковать Угумон, намереваясь захватить его.

Ничего неверного в этом не было, не считая того, что Наполеон не собирался брать Угумон. Он собирался его осадить. Осада должна быть достаточно яростной и продолжаться достаточно долго, чтобы Веллингтон снял войска с гребня и бросил их на подкрепление Угумона. Только когда осада достигла бы своей цели, ослабив линию Веллингтона, Угумон можно было брать. Жером решил иначе. Он возьмет Угумон! Непосредственный начальник Жерома генерал Рей, опытный воин, поднявшийся из рядовых, отвечал за большую часть левого крыла армии Наполеона – тот самый Рей, который навлек гнев императора предположением, что хваленая британская пехота практически негибима. Теперь Рей должен был атаковать эту пехоту, и начал он с приказа Жерому занять долину к югу от Угумонского леса и выставить среди деревьев сильную линию стрелков.

Лес пролегал к югу от стен Угумона и состоял преимущественно из старых дубовых деревьев. Под ними разрослись дикая малина и яркие незабудки. Уровень земли круто поднимался, так что атаковать в любом случае приходилось в гору, против мушкетов и карабинов засевших в лесу 600 стрелков из Ганновера и германо-голландского полка Нассау. Кроме того, лес и крутой склон перед ним находились в зоне обстрела британо-голландской артиллерии, расположенной на возвышенности, над шато.

Было уже позднее утро. Первоначально Наполеон хотел начать сражение в девять утра, но дожидался, пока подсохнет земля, и вот, после одиннадцати солдаты Жерома двинулись, чтобы занять лес. Приказ Рея звучал довольно необычно: «Угрожать Угумону». Ни Наполеон, ни Рей не хотели побоища, которое поглотило бы огромное количество французских войск. Основная атака французов должна прийти на левый фланг и центр позиции Веллингтона, а не на правый, но Жером хотел одержать свою победу, и, когда первые подоспевшие французы обнаружили, что немецкие стрелки – серьезный

противник, Жером бросил туда еще людей. Генерал Фуа, который под началом Рея командовал другой дивизией, назвал этот лес смертельной ловушкой. Чтобы добраться до него, французам нужно было перейти открытое пространство под пушечным огнем, а в лесу их встречали мушкеты и карабины. У защитников леса было преимущество – они стреляли сверху, им не требовалось показываться, кроме как во время выстрела. Французы карабкались в гору, их сбрасывали вниз, и вскоре потребовалось нести раненых назад, через долину. Капитан де Ватри, один из штаб-офицеров Жерома, слышал жалобы солдат на то, что у них больше нет медицинской помощи:

Маршал Ней, которому докладывали обо всех атаках, отправил штабного офицера, чтобы тот разобрался, что происходит при Угумоне, однако это привело к новому недоразумению. Посыльный пришел в ужас, увидав, что французские солдаты прячутся за деревьями и просят о помощи, поэтому упрямил Жерома отправить туда дивизию целиком, более 7000 человек. Жерому очень нужно было самоутвердиться. Он отправил все свои войска и попросил у Рея еще. Битва за Угумон вовсе не истощила резервы армии Веллингтона, а, напротив, поглотила неисчислимое количество французской пехоты. И вот тысячи французов в голубых мундирах прошли между искалеченных пулями деревьев и неизбежно выбили защитников из леса. Бой длился около часа, но теперь солдаты Жерома оказались перед настоящей крепостью, Угумоном.

Комплекс строений Угумона лучше всего представить себе как три прямоугольника, наложенные один на другой. Самый большой прямоугольник – яблоневый сад, огороженный канавой и кустарником. Французы, атаковавшие с юга, могли попасть в сад, но тут перед ними оказывался второй, более грозный прямоугольник – обнесенный стеной регулярный парк. Вероятно, когда-то этот парк был гордостью Угумона – прекрасным местечком с цветочными клумбами и дорожками под сенью грабов и вишневых деревьев. Однако для полковника Макдонелла было важнее, что регулярный парк с запада защищали здания, а с юга и востока – кирпичная стена свыше двух метров высотой. Он соорудил у стены площадки, чтобы солдаты могли стрелять через верх, а в самой стене устроил бойницы. Третий прямоугольник – здания к западу от сада, по-настоящему грозная твердыня. Здания стояли бок о бок, так что представляли собой сплошную каменную стену. С южной стороны на атакующих французов смотрели дом садовника и кладовая, а между ними – большие ворота с аркой, запертые и забаррикадированные. В стенах этих зданий также проделали бойницы, как и в зданиях, смотревших на запад, из которых главным был большой амбар. С противоположной стороны прямоугольника находились коровник и конюшня, упиравшиеся в регулярный парк. А в центре прямоугольника располагался сам шато – внушительный, благоустроенный дом с высокими окнами, из которых простреливались крыши остальных строений. Возле дома стояла небольшая часовня. Главный двор находился между амбаром и коровником, а главный вход в комплекс располагался с северной стороны этого двора. Это – те самые северные ворота, с которыми связан один из самых знаменитых моментов этого сражения.

Вдоль большого амбара проходила дорога, отделяя здания за стеной от маленького огорода, защищенного забором и кустарником. По словам подполковника Александра Вудфорда из Колдстримского полка, весь этот комплекс садов, парков, оград, кирпичных стен и каменных зданий прекрасно подходил для оборонительных действий.

Когда французы выбрались из дубового леса, перед ними возник внушительный ряд строений и стен. Сразу перед собой они увидели дом садовника, окна которого плюнули мушкетным огнем, а справа виднелось 200 метров кирпичной стены регулярного парка. От края леса до стены было около 27 метров, и именно на этом пространстве гибли и получали ранения солдаты Жерома. Одним из первых пал генерал Бодюэн, командующий 1-й бригадой Жерома. Множество германских солдат, защищавших лес, теперь присоединилось к гарнизону в стенах Угумона, и один из них, рядовой Йоханн Леонхард, сражался у бойницы в садовой стене:

Германо-голландские войска, защищавшие лес, были вынуждены отойти в комплекс зданий. Поскольку со стороны леса попасть внутрь они не могли, им приходилось бежать вокруг стены. Их необъяснимая спешка послужила поводом для обвинения в панике и бегстве. Некоторые британские офицеры с презрением писали, что голландцы сбежали, но свидетели указывают, что они присоединились к гвардейцам в регулярном парке и находились в осаде, пока французы отчаянно штурмовали стену. Солдаты Жерома много раз шли в атаку и много раз их отбрасывали мушкетным огнем из бойниц в стене и с верхних этажей зданий. Один из немецких солдат, оказавшихся в этой осаде, писал, что огонь был убийственным, а на коротком расстоянии мушкеты били точно. Густой пороховой дым окутал здания и верхушки деревьев. Французы, отчаянно пытаясь захватить укрепление, бросили на нее еще одну пехотную бригаду. Это было непростительно. Артиллерии, чтобы разбить стены, у французов не было, не взяли они и лестниц, чтобы залезть на стены, но все-таки продолжали атаковать. Один французский пехотинец вспоминает, что «мертвые, умирающие и раненные складывались в горы». Подполковник Фрэнсис Хоум из 3-го гвардейского Королевского шотландского полка назвал безмерной бойню перед стеной. Он рассказывал, что раненые, лежавшие в этих кучах, постоянно просили его «приказать... стрелять в них, чтобы прекратить их мучения». Также в верхнюю часть леса была батарея из шести британских мортир, разнося в щепки дубы шрапнелью и осколками бомб, что увеличивало масштаб побоища.

Теперь более 9000 французских пехотинцев старались выбить с фермы людей Макдонелла. Не в силах перебраться через стену парка, французы попытались окружить здания, отправив людей справа и слева. Шато оказался в тяжелом положении, но с гребня подоспело подкрепление. Не с центра позиции Веллингтона, как надеялся Наполеон, но от гвардейских батальонов, расположенных сразу за шато. Часть этого подкрепления Веллингтон отправил лично со словами: «Туда, парни, ловите момент, и чтобы я вас больше не видел». Две роты колдстримцев бросились вниз с холма с примкнутыми штыками, смели французов с левого фланга и присоединились к защитникам в стенах фермы. Позже подоспели новые роты, пока, по словам подполковника Хоума, «в Угумоне и вокруг него не собрался целый 3-й полк и еще 8 рот колдстримцев. Количество солдат единовременно собравшихся в Угумоне, не превышало 1200 человек, включая и уцелевших стрелков из Нассау. И эти 1200 человек задерживали по меньшей мере 9000 французов».

Рядовой гвардеец Мэтью Клей, несъедобным завтраком которого стал обгорелый кусок свиной головы, был одним из защитников маленького, обсаженного кустарником огорода, находившегося через дорогу от большого амбара. Огород служил неважной оборонительной позицией против огромного числа французов, которые теперь штурмовали Угумон, так что защитникам приказали вернуться за стены, но Клей и еще один гвардеец, «очень стойкий и неустрашимый старый солдат», умудрились отстать от роты во время этого короткого отступления. Им пришлось остаться за стенами, где они перестреливались с врагом.

Через несколько минут Клей заметил, что ворота во двор фермы открыты, и оба гвардейца поспешили скрыться за ними, но смогли это сделать, лишь перебравшись через нескольких убитых французов:

Всего один или два раза французам удавалось войти в ворота. Большинство отчетов о битве упоминают лишь одну атаку французов, в результате которой удалось проникнуть за стены. Однако Клей писал о двух случаях, и его свидетельство подтверждают мемуары защитников-германцев. Борьба за Угумон была яростной и беспощадной и продолжалась большую часть дня, но сейчас мы вынуждены оставить осаждающих и осажденных, потому что открыли огонь большие пушки в центре позиции Наполеона, возвещая первую главную атаку на гребень, занимаемый Веллингтоном. Угумон по-прежнему оставался неприступным, французам надо было еще притащить пушки, чтобы взять его стены, переломный момент настанет после полудня, однако небо над людьми Макдонелла уже огласилось канонадой.

Это заговорили большие пушки в центре императорской линии – они отпрыгивали, изрыгали в долину густой дым и обрушивали на гребень Веллингтона ядра и бомбы. А ветераны Пиренейской войны на гребне распознавали за канонадой и другой звук – *pas de charge*, ритм, который барабанщики отбивают во время наступления. Этот звук означал, что величайшая пехотная атака всех Наполеоновских войн начинается.

Грохот наполеоновских пушек сотрясал воздух над полями возле Мон-Сен-Жана, и от этого же звука дрожали окна в Париже. Единственная пушка стреляла от Дома инвалидов, военного госпиталя, построенного Людовиком XIV, служившего также домом призрения для инвалидов войны. Пушка стреляла не ядрами и не бомбами. Это был салют, напустивший густого порохового дыма на площадь для парадов. «Стреляет пушка Дома инвалидов!» – вспоминал Эмиль Лабретоньер, студент-математик. «Ты слышишь?» – спросил он друга, с которым делил комнату в Париже.

В начале июня Эмиль видел, как армия выходила из Парижа, это его очень впечатлило. Он назвал уходившие войска «превосходными» и решил, что они «полны такого задора», что непобедимы. Он ликовал от новостей про Линьи, а тем временем роялисты Парижа шептались и разносили слухи, стараясь очернить достижения императора. Однако в то воскресное утро пушка у Дома инвалидов спорила с роялистским унынием. Она заявляла о победе, и Эмиль, как и большинство парижан не мог дождаться вестей о триумфе императора. «Наконец-то, – писал он, – мы снова сражаемся!»

И он был прав.

Наполеон и Веллингтон по-разному использовали артиллерию. Поначалу при Ватерлоо у императора было гораздо больше пушек – 246 против 157 у Веллингтона, и все эти пушки были тяжелее. Французская и прусская армии использовали 12-фунтовую пушку, а у британцев самыми тяжелыми были 9-фунтовые. Император учился на артиллериста и в свои пушки верил крепко. Он любил собирать их в «гран-батарею» и использовать как наступательное оружие против оборонительного. В 1809 году при Ваграме Наполеон вырвал сердце австрийской армии при помощи «гран-батареи» из 112 пушек. Теперь, при Ватерлоо, он собрал новую «гран-батарею» из 80 пушек.

Конечно, французские пушки годились и для обороны, но Наполеон знал, что вражескую позицию нужно «подразмять», прежде чем брать атакой. В том и была задача «гран-батареи» – развалить строй врага, прежде чем его атакует пехота или кавалерия. Атакующие войска будут подходить под огнем вражеских пушек, поэтому второй задачей наполеоновской артиллерии был контрбатарейный огонь, чтобы уничтожить или обезвредить батарею врага.

Веллингтон решил не собирать свои пушки в «гран-батарею», а вместо этого разбросать их по всей позиции, так, чтобы они могли обстрелять атакующего врага в любом месте. В основном британо-голландские пушки использовались для обороны, применять их для контрбатарейного огня было строго запрещено. Если отдельная пушка начинала артиллерийскую дуэль с вражеской батареей, она с высокой вероятностью навлекала на себя огонь других пушек, неизбежно оказывалась со сломанными колесами или разбитым лафетом, становилась непригодной и требовала ремонта. Капитан Мерсе выяснил это, когда послушался приказа и открыл огонь по вражеской батарее. Открытие удивило его:

Мерсе повезло, что герцог не видел его попытки вести контрбатарейный огонь. В этот день, чуть позже, Веллингтон заметил, как одна из его батарей пыталась проделать то же самое. Он приказал арестовать командира батареи. А в самом начале этого дня, когда французы вывели свои войска и ждали, пока подсохнет земля, другой командир британской батареи увидел, как Наполеон делает смотр своей армии на дальнем гребне. Поблизости оказался Веллингтон, и командир попросил разрешения выстрелить

и попытаться убить императора. Герцог раздраженно ответил, что у главнокомандующих хватает других дел, кроме как стрелять друг в друга. Разрешения не последовало. Британо-голландские пушки служили для защиты гребня, а не для нападения на вражеские позиции, пусть даже ради убийства императоров.

Наполеон, напротив, применил свои орудия для нападения и около часу дня приказал «гран-батарею» начать бомбардировку позиций Веллингтона. Половину батареи составляли большие 12-фунтовые пушки, остальную часть – 8- и 6-дюймовые мортиры. Мерсе утверждал, что его обстреляли 4-фунтовки, но у французов таких не было, так что его обидчиками были 6-фунтовые, самый малый калибр среди французских пушек у Ватерлоо, либо 5,5-дюймовые мортиры. Мортиры в тот день работали вовсю, потому что могли вести огонь через препятствие, в данном случае через гребень, за которым укрылась большая часть войска Веллингтона.

«Гран-батарея» находилась на правом фланге наполеоновской позиции, пушки выдавались на склоне далеко вперед, навстречу британо-голландской армии. Их целью была левая часть гребня, от Ла-Э-Сент до маленького укрепления Паплот. Их задачей было измотать защитников ядрами и бомбами. От письма к письму, от дневника к дневнику солдаты той эпохи рассказывают об ужасах бомбардировок. Когда огромные снаряды врезаются в строй, когда взрываются бомбы, им остается только погибнуть. Однако именно поэтому Веллингтон всегда старался располагать своих солдат под прикрытием обратного склона. Это защищало не полностью, но заметно снижало воздействие «гран-батареи».

Расстояние невелико, 600–800 метров, а пушки велики. 12-фунтовая пушка весит почти 2 тонны и требует 15 человек obsługi, чтобы перенацеливать этого монстра после мощной отдачи от каждого выстрела. Хорошо обученный расчет может производить два выстрела в минуту, но это редкий результат, а в такой грязи, как при Ватерлоо, – почти недостижимый. Марк Эдкин в своей знаменитой книге «Кавалер Ватерлоо» (The Waterloo Companion) заключает, что «гран-батарея» в направлении восточной части гребня Веллингтона выпускала в минуту 4000 ядер и бомб на протяжении получаса, перед атакой пехоты. В металле это выходит очень значительный вес, но цели распределялись в ширину, глубину, да и большая их часть была скрыта от канониров. Обратные склоны защищали британо-голландскую пехоту, хотя, разумеется, полной защиты обеспечить не могли. Подполковник Фрэнсис Хоум, перед тем как отправиться в подкрепление гарнизону Угумона, как раз находился на гребне, над шато, и эту часть позиции Веллингтона обстреливали другие французские пушки. Однако тут они не наносили большого урона. «На таком расстоянии попаданий не было, – писал Хоум. – Стреляли выше, поверх нас». Однако со временем французские артиллеристы подкрутили подъемные винты орудий, и снаряды начали падать среди «красных мундиров», которым приказали залечь. Одно из ядер «жестоко растерзало» лейтенанта Симпсона. «При этом он оставался в полном сознании и понимал свое положение. Он просил только, чтобы его избавили от боли, но все-таки прожил до вечера».

Если бы Веллингтон не укрыл свои войска, как Блюхер при Лigny, если бы их видели французские канониры, бойня вышла бы куда страшнее, но французские артиллеристы могли только догадываться, где прячется пехота, и снимала сливки с гребня, надеясь, что ядро приземлится посреди врагов. Артиллеристы стояли в ряд (как вспоминал «гран-батарею» французский офицер) и «закладывали заряды, забивали их в ствол и раскручивали фитили, чтобы те лучше разгорались»:

Прицеливаться точно не получалось. Стволы не были нарезными, зазор менялся с каждым выстрелом, также мешал дым. В тот день ветер почти стих, дым застаивался в вязком воздухе, и после первого же выстрела французским артиллеристом стало очень непросто разглядеть цели, но расстояние было известно, и капитаны корректировали угол подъема ствола после каждого выстрела. В 1835 году британцы тестировали артиллерию времен Наполеоновских войн и выяснили, что при стрельбе с 548 метров цели достигают 9 снарядов из 10, хотя с увеличением дистанции точность значительно падает.

Мишенями служили барьеры, имитирующие пехоту в линии. Отличный тест, потому что установить точность попадания в меньшую цель, например в одиночное орудие, сложно. Однако, если ядро находило цель, ущерб мог быть катастрофическим. При Ватерлоо одно французское ядро весом 5,5 килограмма диаметром 12 сантиметров одним ударом убило и ранило 26 человек. К счастью для британо-голландской армии, большая часть канонады «гран-батареи» гремела даром, благодаря уловке Веллингтона с обратным склоном.

В зоне обстрела «гран-батареи» находилось около 15 000 германо-британо-голландских солдат, но почти все они были укрыты за вершиной гребня. Французы знали, что они там, хоть и не видели их. Они могли видеть некоторых офицеров и стрелков перед батальонами, многие в армии Наполеона знали про привычку Веллингтона прятать свои войска. Разрозненные орудия на видимом склоне были плохой мишенью. Артиллеристы Наполеона хотели ослабить позиции защитников гребня, но для пушек это было невозможно. Мортиры, перебрасывавшие снаряды за гребень, были опаснее.

Шум стоял страшный. 80 пушек, стреляя даже один раз в минуту, наполняют воздух ударным буханьем, а к этой какофонии добавлялись еще и другие орудия. Дым сгущался перед воронеными дулами, выстрелы веером раскладывали рожь перед каждой пушкой. Один солдат описал звук ядра, летящего над головой: как будто этажом выше катят по деревянному полу тяжелую бочку эля. На самом деле шум был таким оглушительным, что некоторые решили – над бельгийскими полями разразилась еще одна гроза.

Бомбардировка была чудовищной, как писал офицер 92-го полка, но жертв оказалось немного. Пехота лежала или сидела, да и грязь сделала свое доброе дело. Мортирные бомбы зарывались в глину, которая гасила энергию взрыва. Один ганноверский офицер заметил, что «жертв было бы намного больше, если бы дождь не намочил землю, так что ядра теряли в ней свою убойную силу, которую сохранили бы, ударившись о твердую землю». И все-таки некоторые выстрелы попадали в цель. Капитан Фридрих Вайц записал, как жестоко пострадала артиллерия союзников:

Ветераны союзных войск видели и слышали такую канонаду прежде, хотя редко настолько мощную, а вот на новичков шум, дым, крики раненых людей и лошадей оказывали сильное впечатление. Одна бригада, похоже, пострадала особенно сильно – голландская бригада Биландта и бельгийские батальоны. Большинство историков, изучающих Ватерлоо, отмечают, что те по ошибке вышли на передний склон и понесли такие потери, что почти бежали, хотя на самом деле всего лишь отступили за гребень. Перед ними проходила дорога вдоль гребня, по бокам ее рос густой кустарник. Лейтенант Айзек Хоуп, офицер, описывавший ужасы канонады, рассказал, что эти кусты «хоть и не защищали солдат от вражеского огня, но хотя бы не позволяли врагам их увидеть».

Перед дорогой, на переднем склоне, французские пушки были полностью открыты для французской артиллерии. Там располагались 34 пушки, их обслуживало около 1000 людей. Казалось бы, 1000 – это много, но кроме расчетов, которые заряжали, целились и стреляли, требовались еще и люди, которые подносят заряды из ящиков, находящихся позади. Эти люди, находясь под обстрелом врага, сами продолжали стрелять, наводя орудия не на окутанную дымом «гран-батарею», но дальше, туда, где корпус д'Эрлона строился для атаки. На дальнем гребне собрались 18 000 французских пехотинцев, и британо-голландские пушки целились в их тесные ряды.

Самыми тяжелыми у британцев были 9-фунтовки, но их дополняли 6-фунтовки и-mortиры. Британцы старались использовать свои-mortиры как пушки, стреляя по весьма пологой траектории, а французы часто поднимали орудийный ствол на целых 30°. При Ватерлоо у британцев не было нужды в стрельбе навесом через препятствие, потому что французы не воспользовались приемом Веллингтона, не спрятались за обратный склон, и-mortиры могли палить прямо по вражеской пехоте сквозь клубящиеся облака дыма.

Британские пушки стреляли попеременно бомбами, ядрами и «тайным» британским оружием – шарообразными картечными ядрами.

Французы знали все о сферическом картечном ядре, но им никак не удавалось скопировать его. Картечь изобрел Генри Шрэпнел, королевский артиллерийский офицер. Это была бомба, которая взрывается над противником, поливая его ливнем мушкетных пуль. Когда бомба была исправной, то все шло хорошо, но неисправная сеяла смерть сразу же. В 1813 году на Пиренейской войне одно шрапнельное ядро убило всех людей и лошадей французской оружейной команды. Иногда трение между порохом и пулями внутри ядра приводит к тому, что ядро взрывается прямо в канале ствола. Эту проблему не могли решить полстолетия, но, к счастью для артиллеристов, такое случалось редко, и шрапнельное ядро считалось относительно надежным. Однако толк от него был, только если пушкарь отрезал шнур запала до нужной длины, то же искусство требовалось и для обращения с бомбами. А бомба представляла собой просто железный шар с порохом и запальным фитилем. Фитиль продевался в отверстие в шаре и загорался при выстреле. Если обрезать фитиль слишком коротко, бомба взорвется на полпути и никому не причинит вреда. Если шнур слишком длинный, то бомба приземлится с горящим, искрящимся фитилем и храбрый человек может потушить его. Правильная длина фитиля зависит от расстояния до цели. Осколки от бомбы разлетаются на 18 метров. Все артиллеристы при Ватерлоо были экспертами в обрезании фитиля, но от обеих воюющих сторон имеется множество свидетельств о низкой эффективности бомб из-за грязи. Майор Жан-Батист Лемонье-Делафос, штаб-офицер, находился на левом фланге, вдали от «гран-батареи», стрелявшей по британскому гребню. Он следил за сражением за Угумон, а сразу за ним находилась бригада карабинеров – тяжелая кавалерия, подобно кирасирам, носившая нагрудники и высокие кавалерийские ботинки с голенищами. Холм, где расположился Лемонье-Делафос, находился под обстрелом британо-голландских пушек, расположенных над Угумоном. Многие их снаряды падали посреди кавалеристов. Лемонье-Делафос вспоминал:

Канонада над Угумоном свидетельствует, что битва при Ватерлоо – не ряд отдельных событий, не акты в пьесе. Ватерлоо часто описывают таким образом: акт первый – атака на Угумон; акт второй – атака корпуса д'Эрлона. Однако эти два события конечно же происходили в одно и то же время. Пока корпус д'Эрлона угрожал левому флангу Веллингтона, на правом тоже царили дым, стрельба и смерть. Всего этого герцогу досталось изрядно. Из-за дыма он был лишен четкого обзора, почти ничего из происходящего при Угумоне видно не было, потому что возвышенность закрывала шато от командного пункта на гребне. Французские ядра и бомбы летели мимо него, а в ушах звучали не пушечные залпы и взрывы, а крики раненых, барабаны на дальнем гребне и звуки игравших с обеих сторон полковых оркестров. Один офицер рассказывал, что воздух дрожал от летящих ядер и бомб и раскалялся от выстрелов больших пушек. Ощущалось это, как если бы вы решили войти в нагретую печь. Герцог обладал великим талантом оставаться спокойным в подобном сумбуре, концентрироваться на важном и отметать несущественное. Он знал, что главная атака придется на левый фланг, поэтому проехал вдоль этой части гребня, чтобы проинспектировать войска, которым придется выдерживать атаку, но разбираться с угрозой доверил командовавшему здесь генералу Пиктону. Он знал Пиктона и доверял ему, так же как доверял Макдонеллу в Угумоне. Он разглядывал дальний гребень в подзорную трубу, пытаясь понять, что замышляет Наполеон, однако он наводил окуляр и на восток.

Тем же занимался и Наполеон, потому что оба они ждали подкрепления. Веллингтон знал, что ему нужны войска Блюхера, он никогда бы не остался на этом низком гребне Мон-Сен-Жан, если бы ему не пообещали помощь прусской армии. Наполеон ждал корпус Груши, его 33 000 человек и 96 пушек дали бы ему перевес в численности и позволили победить человека, незаслуженно носившего титул покорителя покорителя мира.

И вот далеко на востоке, откуда обоими ожидалась помощь, показались войска.

Эти войска находились в 10 километрах, а день выдался облачный, временами дождливый. Герцог Веллингтон вспоминал, что ему 50 раз за день пришлось снимать и надевать плащ, поскольку дождь прокатывался над полем битвы. Даже в ясный день на таком расстоянии трудно разглядеть штандарты, а дожди и завеса дыма делали это вовсе невозможным. Видно было только выезжавших из леса всадников в темной униформе. Однако Наполеон уже знал, кто это.

То были пруссаки, авангард корпуса фон Бюлова, а Наполеон это знал, потому что его конные разъезды захватили прусского офицера, везущего письмо Веллингтону. Посыльного привели к Наполеону, и тот поведал императору, что прусская армия провела спокойную ночь в Вавре, где никаких французских войск не обнаружили. «Мы решили, что они отправились в Плансенуа», – сказал посыльный, имея в виду, что пруссаки решили, будто Груши не стал их преследовать, а вернулся обратно к Наполеону. Плансенуа был деревней позади правого крыла Наполеона.

Наполеон уже понимал, что Груши ничего подобного не сделал. В то утро спозаранку Груши отправил письмо, и письмо это было почти таким же путаным, как и приказ Наполеона самому Груши:

Другими словами, Груши понятия не имел, где находятся пруссаки и что они делают, и он собрался на север, воображая, что из Вавра пруссаки двинутся в Брюссель. Определенно, он был не в той диспозиции, чтобы остановить Блюхера на пути к Мон-Сен-Жану. Все это Наполеон уже должен был понимать. Пруссаки подошли на помощь Веллингтону, их уже видно, а Груши все еще ползет в Вавр, но ответ Груши, который Наполеон продиктовал маршалу Сульту, поражает благодушием:

И снова смысл послания, мягко говоря, ускользает. Император одобряет то, что Груши все свои войска отправил на север, в Вавр, в то же время предлагает маневрировать на запад, чтобы не допустить соединения войск Блюхера с армией Веллингтона. Прежде чем отправить депешу, маршал Сульт добавил спешный и более осмысленный постскриптум:

«Не теряйте ни минуты, отправляйтесь к нам». Это совершенно ясное указание Груши спешить на запад, на императорскую битву, и атаковать пруссаков, потому что они подходят к правому флангу Наполеона. Эта депеша дошла до Груши только в середине дня, к тому времени он уже сражался с арьергардом, который Блюхер оставил в Вавре. 33 000 человек и 96 пушек под командованием Груши одерживали победу, но это ничего не значило, потому что настоящая битва – решающая битва – происходила на западе.

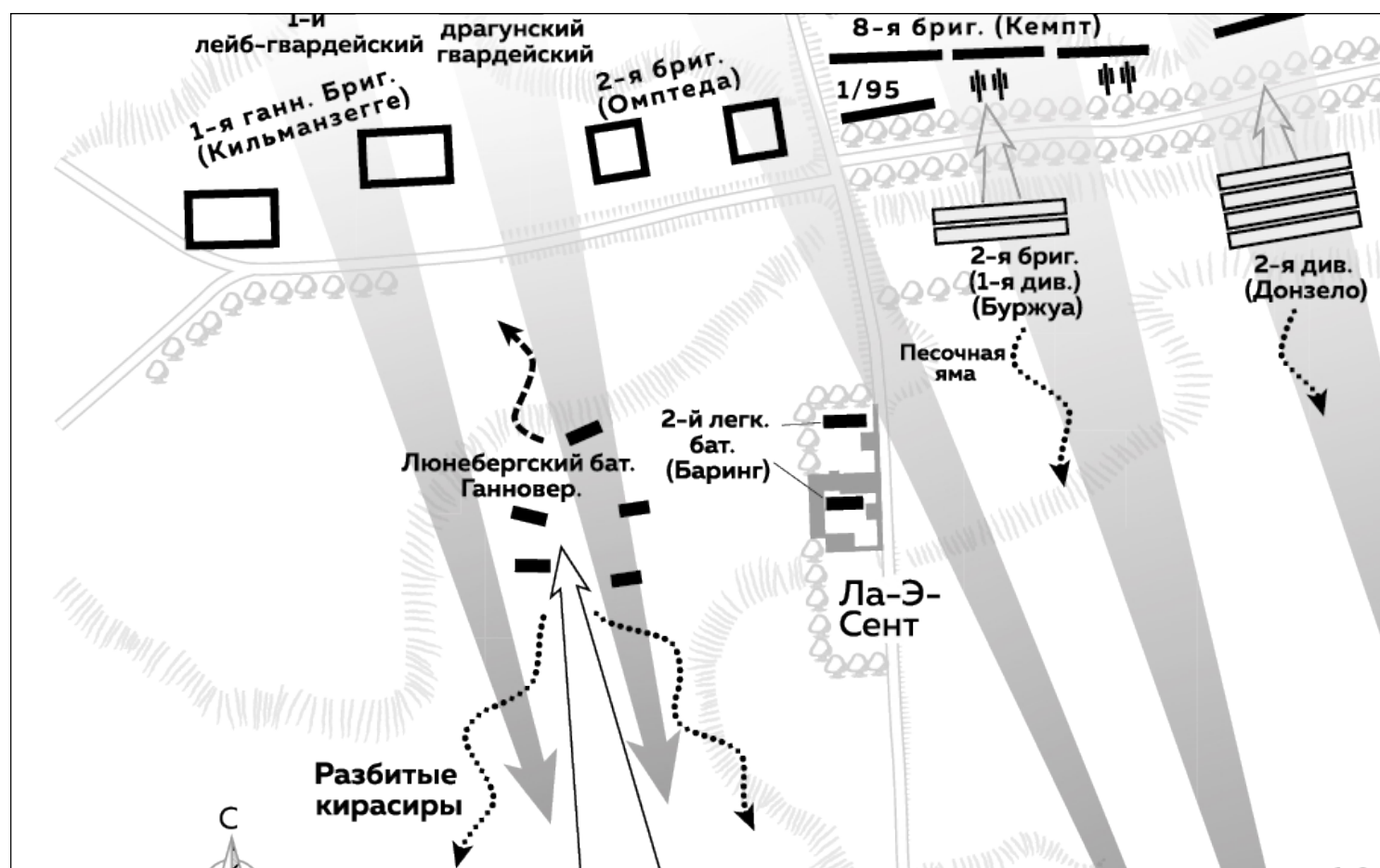
Груши не пришел на помощь Наполеону. Неясно, когда император осознал, что 33 000 человек не придут к нему на подмогу, но около часу дня это стало очевидным. Пруссаки показались, Груши – нет. Наполеону следовало сделать выбор. Перед ним была армия Веллингтона, притом он знал, мощные силы пруссаков подходят справа. Император сильно проигрывал в численности войска и все-таки настаивал на том, что у него хорошие шансы выиграть битву. «Этим утром у нас было девяносто шансов из ста, – сказал император Сульту. – Теперь остается шестьдесят». Более предусмотрительный полководец, возможно, подумал бы о том, чтобы поменять тактику и отступить к югу, а затем искать новой возможности разделить союзников, но Наполеон верил, что держит победу за хвост. Все, что ему требуется, – разбить линию Веллингтона, отправить британо-голландские войска в паническое бегство, а затем развернуться к новому врагу. Войска Блюхера были еще далеко, авангарду оставалось около 10 километров пути, и остальным колоннам пруссаков также требовалось время, чтобы пробраться узкими сельскими дорогами. Чтобы прусские колонны дошли до Мон-Сен-Жана, требовалось много времени, еще больше – чтобы привести подошедшие войска в боевую готовность. Император считал, что времени у него достаточно, и все-таки отправил 3500 кавалеристов, 7000 пехотинцев и 28 пушек, чтобы с восточной стороны создать новую линию, которая защитила бы его правый фланг от любой прусской атаки. Битва едва началась, Наполеон

собирался атаковать британцев в лоб, но уже потерял 9000 человек, занятых при Угумоне, а теперь отправлял людей на противоположный фланг. Император надеялся заставить Веллингтона выслать подкрепление на Угумон и тем ослабить центр линии британцев, но вместо того французы тратили резервы, отправляя их на собственные фланги.

Но даже и теперь, в середине дня, Наполеон считал, что может уничтожить армию Веллингтона до подхода прусских войск. Инструментом уничтожения должны были послужить четыре атакующие колонны корпуса д'Эрлона.

Пушки «гран-батареи» стрелять больше не могли, потому что на линии огня маршировали 18 000 пехотинцев. Теперь батарея не откроет огонь, пока пехота не спустится в долину. Тогда можно вести безопасный огонь поверх их голов. Однако это требует времени, потому что батальоны обходят пушки, а потом строятся в атакующие колонны. Кричат сержанты, офицеры проверяют строй, а британо-голландское ядро влетает в ряды солдат, и рвутся бомбы в пятнах пламени, со страшным визгом разлетается шрапнель.

Наконец все готовы. Вновь гремят барабаны, отбивая *pas de charge*, орлы блестя над трехцветными флагами, орудия «гран-батареи» готовы открыть огонь, и четыре могучие колонны идут в атаку.

8. «Что за ужасные серые кони, как они дерутся!»

Генералу Жан-Батисту Друэ, графу д'Эрлону, требовалось отличиться. Его эскапада от 16 июня, когда он сводил свой 1-й корпус от одного поля боя до другого и ни на одном не сразился с врагом, привела Наполеона в ярость. Однако если д'Эрлону удастся сломить линию обороны Веллингтона, все будет прощено и забыто. И по счастью, эта грандиозная атака проводилась против более слабого крыла герцога.

В своем правом фланге Веллингтон был настолько заинтересован, что сделал его почти вдвое сильнее восточного, левого. Самые сильные соединения и большая часть пушек располагались на западе, у дороги на Брюссель, а корпус д'Эрлона атаковал восточное крыло. В атаку шли 18 000 пехотинцев в четырех колоннах, и тут снова стоит вспомнить, что слово «колонна» может сбить с толку. Можно вообразить себе удлиненное формирование, узкая часть которого нацелена на врага, подобно копью. На самом же деле колонна по форме больше напоминала кирпич, обращенный к противнику боком, атака д'Эрлона состояла из четырех таких кирпичей, в каждом – по французской пехотной дивизии. Вперед они продвигались не вместе, а эшелонами. Слева ведущей была 1-я дивизия генерала Кио. Солдаты Кио двигались поблизости от дороги, а некоторые даже шли по ней. Этим людям предстояло атаковать германский гарнизон Ла-Э-Сент и гребень за ним. Пехоту 1-й дивизии на левом фланге защищала тяжелая кавалерия, 800 кирасиров. Дивизии Кио требовалось ударить в линию обороны Веллингтона первой, за ней вскоре следовали 2, 3 и 4-я дивизии, одна за другой. 2-я дивизия шла непосредственно справа от Кио и так далее, до 4-й, которая атаковала восточный край гребня, а часть ее атаки приходилась на укрепленную ферму Паплот. Таким образом, штурм осуществлялся на всей восточной части линии обороны Веллингтона, от Ла-Э-Сент до Паплота. Также с внешнего фланга 4-й дивизии двигалась часть конницы.

Всего через долину маршировали 33 французских батальона, их ожидали 17 батальонов союзников: 5 от голландской армии, 4 ганноверских и, что самое важное, 8 испытанных британских батальонов. Эта статистика вводит в заблуждение, поскольку французский батальон обыкновенно был меньше британского, примерно 550 человек против 650, но все же численное преимущество оставалось на стороне французов. Из всех атакующих батальонов четыре были вовлечены в отдельные бои на флангах, за Ла-Э-Сент и Паплот, но основная часть корпуса д'Эрлона направилась на голую вершину, протянувшуюся на 1200 метров между этими импровизированными крепостями.

Но эта вершина лишь казалась голой. На самом деле на переднем склоне расположились орудия союзных войск. Однако за этими пушками атакующая пехота могла разглядеть только кусты, ограничивающие дорогу, идущую по верху гребня. Кусты – невеликая помеха. Капитан фон Реттбург от артиллерии Королевского германского легиона записал, что кусты частично вырубил для прохода пушек и солдат. Между рядами кустов проходила узкая, раскисшая дорога, а за ней – пологий обратный склон, где

ждала основная масса защитников, лежа или сидя, чтобы не получить ядром из-за гребня.

Обычно французский батальон в колонне стоял по две роты в ширину и девять рядов в глубину, значит, в каждом ряду находилось около 60 человек. Однако для этой атаки д'Эрлон построил свои четыре дивизии в необычном порядке. Каждый батальон стоял в линию. Обычную французскую линию, в три ряда. Затем батальоны составили один за другим в гигантский прямоугольник. Таким образом, 3-я дивизия генерала Марконье стояла линией в 8 батальонов, образуя 24 шеренги, по три для каждого батальона. Эта дивизия шла в бой, имея в составе 4000 человек, так что каждая шеренга состояла приблизительно из 160 солдат. В действительности шеренги были немного короче, потому что 8 батальонов отправили вперед своих застрельщиков, чтобы те разведывали путь перед колонной, но, когда дело дойдет до схватки на вершине, эти легкие отряды должны были вернуться в строй. 24 шеренги по 150–160 человек образовывали мощную колонну – построение необычное, но не новое. Почему же д'Эрлон его выбрал? Как и многие другие французские офицеры при Ватерлоо, он сталкивался с британской пехотой на Пиренейской войне и знал, что двухрядная британская линия позволяет «красным мундирам» растягиваться широко и использовать каждый мушкет, расстреливая голову колонны противника, которая едва может ответить, потому что большинство ее солдат находятся в глубине колонны и вести огонь не могут.

Но как же колонна может одолеть такую линию? Один из ответов: надеяться на артиллерию и застрельщиков, ослабляющих линию обороны. Однако обратный склон сводит на нет все усилия артиллерии, а французским застрельщикам противостоят британо-голландские застрельщики, поэтому д'Эрлон понимал, что его солдатам придется встретиться со смертоносными британскими линиями. Чтобы решить подобную проблему, можно скомбинировать колонну и линию. Ведущий батальон колонны уже находится в линии – во французской трехрядной линии, в которой каждый солдат может использовать мушкет. Остальные батальоны могут отойти в стороны, словно раздвижные дверцы, раскладывая линию влево и вправо. Французская военная школа учила, что колонна всегда должна перестраиваться в линию в момент атаки, но само перестроение часто оказывалось слабым местом, особенно перед лицом обученного противника, стоящего широкой линией, способной стрелять в центр с флангов. Таким образом, решение предлагалось в виде необычного построения. Кроме того, ведущий батальон в перестраивании не нуждался, но мог вести беглый огонь, прикрывая последующие батальоны, пока они расходятся в стороны.

Но, прежде чем эти выкладки проверять на практике, нужно дойти до вершины британского гребня, а до того пересечь широкую долину под огнем союзной артиллерии. Британским и голландским пушкам, расположенным на передних склонах, предлагалась мишень, не попасть в которую невозможно. И их тяжелые ядра врезались во французский строй, над головами солдат начала рваться шрапнель. Чем дальше продвигались французы, тем чаще по ним били картечью.

Картечь была самым эффективным в наполеоновское время оружием против живой силы. Она проста и отвратительна, вроде консервной банки, наполненной мушкетными пулями. Существовало два типа картечи – легкая и тяжелая. Различались они весом пуль. Когда стреляли картечью, банка стартовала из жерла пушки, а пули разлетались в разные стороны, превращая пушку в гигантский пулемет. Канониры часто били двойным зарядом, закладывая картечь вместе с ядром. Картечь годилась для ближнего боя, а на расстоянии более 550 метров была бесполезна. Британские генералы приказывали поберечь ее, пока расстояние до противника не сократится до 320 метров. На таком расстоянии конус разлета пули составляет более 30 метров в ширину. Конечно, некоторые пули уходили мимо цели – в воздух ли, в землю, но на малом расстоянии против массового скопления противника картечь была страшным оружием. Корпусу д'Эрлона еще повезло, что против них стояли всего 36 пушек союзников, и часть из них успела выйти из строя, но и оставшихся хватило, чтоб нанести французам колоссальный ущерб. Капитан фон Реттбург от артиллерии Королевского германского легиона наблюдал, как его 9-фунтовки

проделывают в ближайшей французской колонне огромные дыры. Колонна противника находилась справа, так что он мог вести огонь по диагонали и видел, как французы ломают строй, подкошенные ядром или картечью. Пушки сеяли смерть с сумасшедшей эффективностью, но им не хватило сил, чтобы остановить наступление больших колонн. Грубая оценка показывает, что союзники могли успеть выпустить по наступающим французам около 600 снарядов – снарядов, бомб или картечных.

Капитан Пьер-Шарль Дютильт служил в 45-м полку. Ему досталась сомнительное счастье быть офицером в ведущем батальоне колонны генерала Марконье, третьей по счету. Он писал:

Молодой очевидец тех событий Луи Канле, завтрак которого приправили порохом, находился в 28-м полку, в линии 1-й дивизии, ближайшей к шоссе. Он видел самого д'Эрлона посреди колонн и слышал крик генерала: «Сегодня мы должны победить или умереть!»

Лекуантр продолжал бить в барабан уцелевшей левой рукой, пока не обессилел от потери крови, однако пережил эту битву. Как все французские барабанщики, он отбивал *pas de charge*, ритм, которым у французов всегда сопровождалась атака. Молодой британский офицер запомнил этот ритм так: «И-рам-дам, и-рам-дам, и-рамадам-дамадам, дам, дам!» Затем следовала пауза, во время которой многие кричали: *Vive l'Empereur!* И над всем этим грохотали большие пушки – какофония битвы. Как если бы они надеялись, по выражению Кинкейда, «выцарапать нас из-под земли» одной лишь силой звука.

Луи Канле вспоминал, что французские офицеры все время кричали: «Сомкнуть строй!»

Канле писал, что колонне потребовалось 20 минут, чтобы пересечь мокрое, засаженное рожью поле, которое он полагал возможным пройти пешком за 5–6 минут, да еще передвижение нарочно замедляли. Капитан Дютильт решил, что французы слишком спешат, рискуя сгоряча разрушить боевой порядок:

Чтобы пересечь долину, потребовалось 15–20 минут, и все это время колонны прореживались ядрами, бомбами и картечью, но продолжали идти, теперь уже вверх, хоть и по пологому склону. В головной части колонн уже начался бой, там сражались стрелки обеих сторон, но, когда огромные колонны подошли к вершине, французские стрелки откатились назад, чтобы вернуться к своим батальонам. Они отбросили вражеских застрельщиков, но не переходили гребень и не стреляли в солдат на другом склоне. Эту работу они оставили большим колоннам.

Канониры союзников дали последний залп картечи, пробив кровавые дыры в рядах наступающих, затем оставили свои пушки и бросились под защиту пехоты, за гребень. Один британский канонир в панике заклепал запальное отверстие железным гвоздем, боясь, что враг захватит и использует орудие. Теперь пушки союзников молчали, прекратила огонь и французская артиллерия, опасаясь попасть в свою же пехоту, находившуюся почти на вершине гребня. На левом фланге французские войска преуспели, выбив стрелков Королевского германского легиона из сада Ла-Э-Сент. Те попрятались в постройках фермы, и локальное сражение продолжилось, как в Угумоне. Ла-Э-Сент окружала высокая каменная стена, но бойниц в ней проделали мало. Тем не менее ее германский гарнизон удерживал значительно большее количество неприятельских сил. Тощий Билли, принц Оранский, видя угрозу ферме, отправляет туда на помощь ганноверский батальон и точно так же, как при Катр-Бра, настаивает, чтобы батальон построился в линию. Батальон наступает справа от главной дороги, с противоположной стороны от места, где колонны приближаются к вершине холма, но этот фланг у французов прикрывают 800 кирасиров. Ганноверцы увидели кавалерию слишком поздно и были разбиты, знамя их оказалось захвачено.

Но битва при Ла-Э-Сент – не основное сражение. Германцы сидят в осаде, а французы, хоть и окружили ферму, не могут ни одолеть стены, ни взять приступом прочные ворота. В амбаре ворот не было, но легионеры забаррикадировали вход и держали оборону. На другом фланге из Паплота выбили защитников, задавив их числом, но и это было не столь важно. Победить можно, только если удастся взять

гребень и пробить линию обороны герцога.

Пушки «гран-батареи» прекратили пальбу, и тяжелые клубы порохового дыма медленно уплыли на восток, открывая вид на долину. И французы увидели победу. Они видели, как масса людей в голубых мундирах поднялась на гребень. Позади них лежали огромные валки окровавленной ржи и бесчисленные тела – и мертвые, и изувеченные, и раненные, ползущие назад, к молчащим пушкам. Однако французские орлы высоко реяли над британским гребнем. Офицер французского штаба взглянул на Наполеона, чтобы узнать, какие чувства он испытывает. «На его лице читалось удовлетворение, все шло как надо, и, несомненно, в тот момент он был уверен, что выиграл сражение». Маршал Сульт считал так же. Глядя на постепенно разворачивающиеся на поле боя события, он даже нашел время, чтобы черкнуть письмо другу, в Париж, написав, что битва идет превосходно и подает все надежды оказаться победоносной.

А ведь Сульт ранее уже сражался с Веллингтоном и должен был лучше знать герцога.

Молодой Луи Канле пережил переход через долину. Он видел вокруг убитых и изувеченных, но сам остался невредим. Подъем на гребень был труден, потому что земля до такой степени промокла, а ржаные стебли настолько переплелись, что, когда Канле добрался до кустов на вершине гребня, штрипка на его правой брючине порвалась. Штрипки помогали обуви держаться на ногах, и теперь нога выскользнула из ботинка. Он нагнулся, чтобы вытащить ботинок из грязи, и в этот момент мушкетная пуля пробила его кивер насквозь, проделав дыру в металлической пластине с номером полка. Пуля только задела скальп. Если бы не застрявший в грязи ботинок, Канле был бы убит.

Вероятно, эту пулю выпустил солдат из бригады Биландта, голландского соединения, занимавшего позицию позади живой изгороди. Или, может быть, палил кто-то из британо-голландских застрельщиков, отступавших поверху, там, где кусты росли по бокам размокшей дороги. Французы остановились мгновенно, но не потому, что боялись того, что ждало их за кустами, а потому что пришло время перестраиваться в линию. Колонна сделала свое дело, переправив массу людей через долину, теперь все решала огневая мощь, а это требовало построения в линию.

«Перестроение из колонны в линию» – звучит как отработанный маневр, было оно на самом деле форменным безумием. Французы наконец осознали, что за гребнем их ждут войска. И войска эти сейчас вставали с земли. Голландские батальоны, расположенные вдоль кустов, открыли мушкетный огонь. Ведущие французские батальоны тоже ответили огнем. Капитан Дютильт, находившийся на 300 ярдов восточнее молодого Канле, рассказывал, что они бросились на врага. «Мы догоняли их штыком, – так описывал он события. – Перебравшись через кусты, мы вышли на плато и кричали о победе».

Крики оказались преждевременными, хотя французская атака выбила большую часть бригады Биландта. Голландские части оказались размещены ближе всех к врагу, они располагались вдоль живой изгороди и больше всего пострадали от артиллерийского обстрела. Какое-то время они обменивались с французами беглым огнем, затем сломали строй и бросились бежать, сопровождаемые насмешками «красных мундиров». Один из голландских батальонов остался сражаться, а многие бежали в тыл и на поле боя вернулись, лишь когда бой закончился. Эта бригада в основном состояла из неопытных солдат. Они храбро сражались при Катр-Бра, но долгий обстрел и атака огромных французских колонн сломили их. Таково одно из воздействий, оказываемое колонной на противника. Огневая мощь колонны ограничена, но ее внушительный размер действует на неопытных солдат устрашающе.

Но и за гребнем нашлись очень опытные солдаты, которые прежде сражались с французскими колоннами. Этих людей в красных мундирах вел вспыльчивый валлиец, генерал Пиктон. Капитан Мерсе встретил Пиктона накануне вечером, но не узнал его.

Пиктон сменил допотопную круглую шляпу на высокую. Он был верхом и наблюдал за французами, которые преодолели кустарник и перешли дорогу. И только тогда отдал «красным мундирам» приказ к наступлению. Его войска в линии, разумеется, отбросили и смяли французские колонны. Лейтенант Джеймс Керр-Росс из 92-го полка хайлендеров Гордона так описывал штурм гребня:

Это классический стиль британской пехоты – не расходовать издалека зарядов неточных мушкетов, а подойти близко, встать крепко и открыть смертоносный залповый огонь. Пиктон увидел, что французы запаниковали, и использовал свой шанс. «В атаку! – крикнул он. – В атаку! Ура!» И тут же был убит мушкетной пулей в лоб. Его предсказание о могиле в Уэльсе, к сожалению, сбылось.

То был его прощальный поклон. «Красные мундиры» пошли вперед с примкнутыми штыками, а французы были остановлены, правда, только после рукопашной схватки. Одним из британских батальонов был 32-й, из Корнуолла. Он оказался ближайшим к перекрестку, с севера от Ла-Э-Сент. И к этому батальону подступили французы. Один из знаменосцев в звании лейтенанта внезапно столкнулся с французским офицером, который «схватился за древко»:

Сержанты-знаменщики именно этим и должны были заниматься – защищать знамена. Они носили оружие, которое вполне современно смотрелось бы при Азенкуре, – эспонтон, копье длиной 2,75 метра, снабженное крестовиной, чтобы наконечник не проникал в тело врага слишком глубоко. Немилосердно, зато практично. Один британский офицер наблюдал при Ватерлоо, как вражеский улан пытался вытащить свою пику из тела убитого им британского драгуна. Чтобы вытащить наконечник, улану потребовалось несколько сильных рывков, во время которых он не мог защищаться. Крестовина же эспонтона не позволяла наконечнику застрять в теле.

Лейтенант Шельтенс служил в голландско-бельгийском батальоне, который не сбежал вместе с остальной бригадой Биландта. «Наш батальон открыл огонь сразу же, как только в него вернулись застрельщики». И произошло это в опасной близости от вершины гребня, потому что «капитан Анри л'Оливье, командир роты гренадеров, получил в руку мушкетную пулю, от которой в рукаве его куртки задымилась набивка».

Теперь бой шел по всему хребту гребня. Некоторые батальоны «красных мундиров», как и люди лейтенанта Шельтенса, били залпами с убийственно близкого расстояния. Залповый огонь волнами перекачивался по батальонам. Рота стреляла, затем перезаряжала мушкеты и ждала своей очереди. Французы не успели развернуться как следует. Предполагалось, что они растянутся в линию, которая одолеет противника. Однако по ним ударили залпами с флангов и обратили солдат в бегство. Другие «красные мундиры» пустили в ход штыки, загоняя сорокасантиметровые лезвия во французских нарушителей воинской дисциплины. Люди кричали, вопили, барабаны били, горны трубили, мушкеты стреляли. Тысячи людей сражались за вершину гребня. «Красные мундиры» в мгновение ока получили преимущество, и капитан Дютильт решил, что причиной тому – воодушевление людей, которые «заставили смешать ряды»:

Дютильту повстречался 92-й полк хайлендеров, который отжимал французов штыками, а в это время справа от них капитану Джонни Кинкейду пришлось вылезти из его песочной ямы и отступить к перекрестку, где его стрелки палили по ближайшей колонне. Вместо Пиктона командование взял на себя сэр Джеймс Кемпт, он орал на Кинкейда, требуя от того заверений, что никогда не покинет свою позицию. Кинкейд дал слово генералу и тут же пожалел об этом:

Французская кавалерия надвигалась, французская пехота сражалась на вершине гребня, а у маршала Сульта хватало оснований для уверенности, что победа неминуема. Солдаты Дютильта разбежались, но позади них стояли и другие батальоны, и даже обычное численное превосходство французов выдавливало «красные мундиры» назад. Эти «красные мундиры» стояли в линии, а пехота в линии – убойное мясо для

кавалериста, что кирасиры уже доказали на примере ганноверцев, чьи порубленные тела лежали возле Ла-Э-Сент. Построение в каре защитило бы британские батальоны от кавалерии, но тогда они станут чрезвычайно удобной мишенью для залпов французской пехоты. «Камень-ножницы-бумага».

И тут пошла в атаку кавалерия.

Вот только это была британская кавалерия.

Барон Симон Бернар служил адъютантом императора. Человек умный, тридцати с лишним лет, он был инженером по образованию и солдатом по призванию. Он отличился в битве за Лейпциг, но после первого отречения Наполеона присягнул королю Людовику XVIII и был повышен в звании до генерала. После возвращения Наполеона с Эльбы Бернар вновь сменил верноподданство и теперь снова служил адъютантом императора.

Теперь, когда грохот битвы поднялся до крещендо, Бернар ехал на восток с полком легкой кавалерии. Дневной ветерок дул с запада, так что звуки канонады и треск мушкетной стрельбы (некоторые говорят, что этот звук подобен треску тернового хвороста под котлом)[\[21\]](#) доносились до всадников, пробиравшихся запутанными сельскими дорогами на восток от поля сражения.

Наконец генерал Бернар спешил. Кавалерия укрылась в лесочке, а он пошел дальше пешком. В число многочисленных талантов Бернара входило знание картографии, поэтому он умел читать местность и держался низин, кустов и деревьев. Через некоторое время он вышел на край долины реки Лан и припал к земле. Река разбухла от дождя, но его больше интересовали солдаты, которые толпились на дальнем берегу долины. Он достал подзорную трубу.

Он надеялся увидеть синюю униформу, и он ее увидел. Генерал знал, что по этой сложной местности движется прусская армия, но все еще надеялся встретить на дальнем берегу солдат Груши. Вместо них у реки оказалась прусская пехота в синих мундирах более темного тона. А еще солдаты носили скатку, перекинутую через левое плечо. Больше ни в одной армии мира, кроме прусской, так не делали. Из хороших новостей было то, что края долины были обрывистыми, а почва мокрой и скользкой. Для прусской артиллерии удобной дороги не оказалось, и подобная преграда – кошмар для вражеских инженеров. Значит, в запасе еще оставалось время, хотя и не так уж много.

Генерал вернулся к лошадям и поскакал к Наполеону с этим известием.

Этот день генерал Бернар пережил невредимым, но его измена Людовику XVIII в пользу Наполеона означала гонения во Франции, поэтому со временем он эмигрировал в Соединенные Штаты, где образование инженера сослужило ему добрую службу. Он построил форт Монро в Вирджинии и участвовал в проектировании канала Чесапик-Огайо.

Но сейчас он должен был сказать императору, что пруссаки подошли отчаянно близко к правому флангу французских позиций, а значит, что британо-голландцев нужно сломить, иначе произойдет битва трех армий.

На вершине британского гребня высоко реяли французские орлы.

Из всех полотен на тему Ватерлоо, наверное, самая знаменитая вещь – картина леди Батлер, на которой изображена атака «шотландских серых». Картина называется «Шотландия навеки!», сейчас она висит в Художественной галерее Лидса. Однако хоть это и прекрасная картина, она полностью недостоверна. Написана она через 66 лет после событий, и леди Батлер использовала армейские связи своего мужа, заставляя полк наступать по направлению к ней, пока сидела за мольбертом. Большие серые

кони на полном скаку, их ведет в бой офицер, потрясающий клинком, и вся масса нападающих несется прямо на зрителя. Это вид со стороны врага, и он приводит в ужас.

Такова и была настоящая атака, но там, где у леди Батлер кони скачут по ровной земле, британской кавалерии пришлось перебраться через топкую грязь на дороге, живые изгороди и «красных мундиров», которые еще не подошли к врагу. В атаку направлялись четыре полка. Никто не знает наверняка, по чьему приказу тяжелая кавалерия была брошена в контратаку. Был ли это Веллингтон или скорее лорд Аксбридж, но время для атаки выбрали идеально. Дворцовая бригада атаковала вдоль главной дороги, затем, с запада на восток: королевские, драгуны Иннискиллинга и королевские «шотландские серые» на левом фланге. Англичане, ирландцы и шотландцы. Всё это тяжелые кавалеристы верхом на больших конях, с мощными кавалерийскими палашами – колюще-рубящим оружием с прямым клинком. Легкая кавалерия носила сабли – режущее оружие, но тяжелая кавалерия – ударные войска, на поле боя они берут врага силой, весом, размахом. И в бой вышли 1300 таких всадников. Они вылетели из-за «красных мундиров» двумя линиями. Пехоте пришлось срочно разбегаться в стороны, чтобы пропустить конницу. Некоторых пехотинцев затоптали, некоторые ухватились за стремяна и отправились вперед вместе с атакующими, которые неслись по всей ширине гребня: от дороги на западе до вершины над Паплотом. Удивление, потрясение было всеобщим.

Джон Диксон, который вспоминал парад наполеоновской армии в утренних лучах солнца, служил капралом в королевских «шотландских серых». Его полк, весь на белых (то есть серых) конях, стоял позади 92-го, тех шотландцев, которые жестоко бились при Катр-Бра. Диксон слышал, как командующий бригадой сэр Дэнис Пэк обратился к 92-му: «Вы должны наступать! Перед вами все разбежались!» Он имел в виду батальоны бригады Биландта, которые бежали. Так что горцы примкнули штыки и пошли мимо буков, через заросли остролиста, пересекли дорогу и дали по французам залп с двадцати шагов. И только тогда Диксон услышал приказ: «А теперь, “серые шотландцы”, в атаку!»

Королевские «шотландские серые» атаковали на восточном краю гребня. Французы наступали эшелонами из огромных колонн с запада, поэтому дивизия, которую атаковал Диксон со своими товарищами, еще не добралась до вершины гребня – и уже не доберется никогда, потому что огромные кони пробили кровавые бреши в рядах французов и обратили противника в бегство. Молодой Луи Канле шел в колонне, ближайшей к дороге на Брюссель, проводившей эшелонированную атаку. Когда его батальон проходил через долину, Канле пострадал от обстрела вражескими бомбами и видел барабанщика, продолжавшего бить в барабан, несмотря на потерю правой руки. Его колонна все-таки дошла до вершины гребня, и люди уже думали, что этого достаточно для победы, но лишь пока не достигли затопленной дороги, где были атакованы «королевскими серыми» – английским полком тяжелой кавалерии. Канле отмечал, что времени построиться в каре не оставалось, поэтому его подразделение было разбито.

И тут сказался огромный недостаток построения, которое выбрали французы. Колонна из батальонов в линии, идущих друг за другом, выглядит величественно, и, если повезет, сможет раздвинуться во внушительную линию и открыть сокрушительный огонь залпами, но батальону в трехрядной линии требуется масса времени, чтобы перестроиться в каре, и во время перестроения батальоны, идущие впереди и позади, будут мешать друг другу. Для построения в каре не было ни времени, ни места. Майор Фредерик Кларк, наступавший с «шотландскими серыми», вспоминал, что враг пытался построиться в каре, но «первое и ближайшее каре не успело завершить построения, как “серые” прошли его насквозь». Так британская тяжелая кавалерия влетела в паникующие колонны, и Канле вспоминал:

Канле находился в тылу колонны, но кавалеристы проложили путь и туда и разбили батальоны на части. Канле вдруг обнаружил, что остался один и крайне постыдно сдается. За кавалерией подоспели

пехотинцы, они забрали его оружие и ранец, а с ним и все его имущество. Французские ранцы очень ценились в качестве трофея. Они были удобнее и лучше британских.

Дальше, на востоке, где капрал Диксон летел на врага на своей Погремушке, капитан Дютильт пытался справиться со своими людьми, которые, как он считал, утратили дисциплину из-за боевого пыла:

4-й линейный полк Дютильта был разбит королевскими «шотландскими серыми», в котором служил сержант Чарльз Юарт, необыкновенно сильный мужчина. Он очень красочно описал, как именно захватил орла. Должно быть, это случилось ближе к концу боя между 45-м и «шотландскими серыми», потому что он упоминает о присутствии улана. Вероятно, Юарт помчался вниз по склону и настиг знаменную группу французского полка, когда та пыталась уйти назад, через долину, а к ней тем временем уже спешила кавалерия, пытаясь спасти.

Юарт получил вознаграждение, и в Эдинбурге, на Королевской Миле, по сей день существует ресторан его имени. Говорят, Наполеон, глядя с дальнего гребня, сказал: «Что за ужасные серые кони, как они дерутся!»

«Королевские» тоже захватили орла у 105-го полка, который шел перед батальоном Канле. Капитан Кеннеди Кларк так описывает этот случай. Его эскадрон «продвинулся на 200 или 300 метров за вторую изгородь, и первая линия французской пехоты уже была сломлена»:

Капрал Френсис Стайлз, следовавший за Кеннеди Кларком, успел подхватить орла и уехать с ним.

Не все кавалеристы были столь же хороши, как Юарт или Стайлз. Рядовой Хэскер был чулочником, попавшим в кавалерию. Он принадлежал к методистам и во время атаки на кирасиров скрестил клинки с врагом, но ни он, ни француз не хотели биться насмерть, так что просто разъехались. Француз произвел впечатление на Хэскера, выкрикнув: *Vive l'Empereur!* Хэскер подумал, что ему тоже надо бы издать боевой клич, но в голове крутилось только: «Меч Господа и Гедеона!»^[23] Он это и выкрикнул, и тут же его лошадь споткнулась и упала.

Бедолага Хэскер провел остаток этого дня и всю последующую ночь там, где свалился. По счастью, его спасли и сумели пристроить на повозку, которая довезла его до Брюсселя, где наконец ему обработали раны.

Но атака британской тяжелой кавалерии совершенно расстроила великую атаку д'Эрлона. Его огромная колонна развалилась, и всадники разъезжали среди солдат, полосуюя их клинками, а тем временем британская пехота спускалась со склона, чтобы поживиться трофеями и взять пленных. Лейтенант Шельтенс, бельгийский офицер, у капитана которого задымился рукав от мушкетного выстрела, принимал участие во взятии пленных:

На вершине гребня французы до обидного близко подошли к победе. Массивная колонна была остановлена огнем пехоты, но численное превосходство все равно сыграло бы в их пользу, если бы не британская кавалерия, которая вылетела из-за гребня и глубоко врезалась во французский строй, сея панику. В считанные минуты от начала атаки наступил хаос. Всадники еще атаковали отдельных французов, пока другие французские пехотинцы отступали со всей возможной скоростью. Никто об этом не вспоминает, но они ведь могли построиться в каре и защититься, а затем продолжить прежний путь. «Сотни пехотинцев бросались на землю, когда кавалерия к ним приближалась, и предпочитали быть убитыми, – вспоминал Кинкейд. – Никогда в жизни не видел подобного!» Кирасиров, угрожавших Кинкейду, отбросила Дворцовая кавалерия, начавшая атаку в то же время, что и «шотландские серые», иннискиллингцы и «королевские». «Атаку» – слишком сильно сказано, потому что они пробирались через дорогу, живые изгороди, канавы и, как писал капитан Уильям Клейтон, «земля представляла собой сплошную грязь... которая вскоре сделалась настолько глубокой, что преодолевая ее, лошади в атаке едва

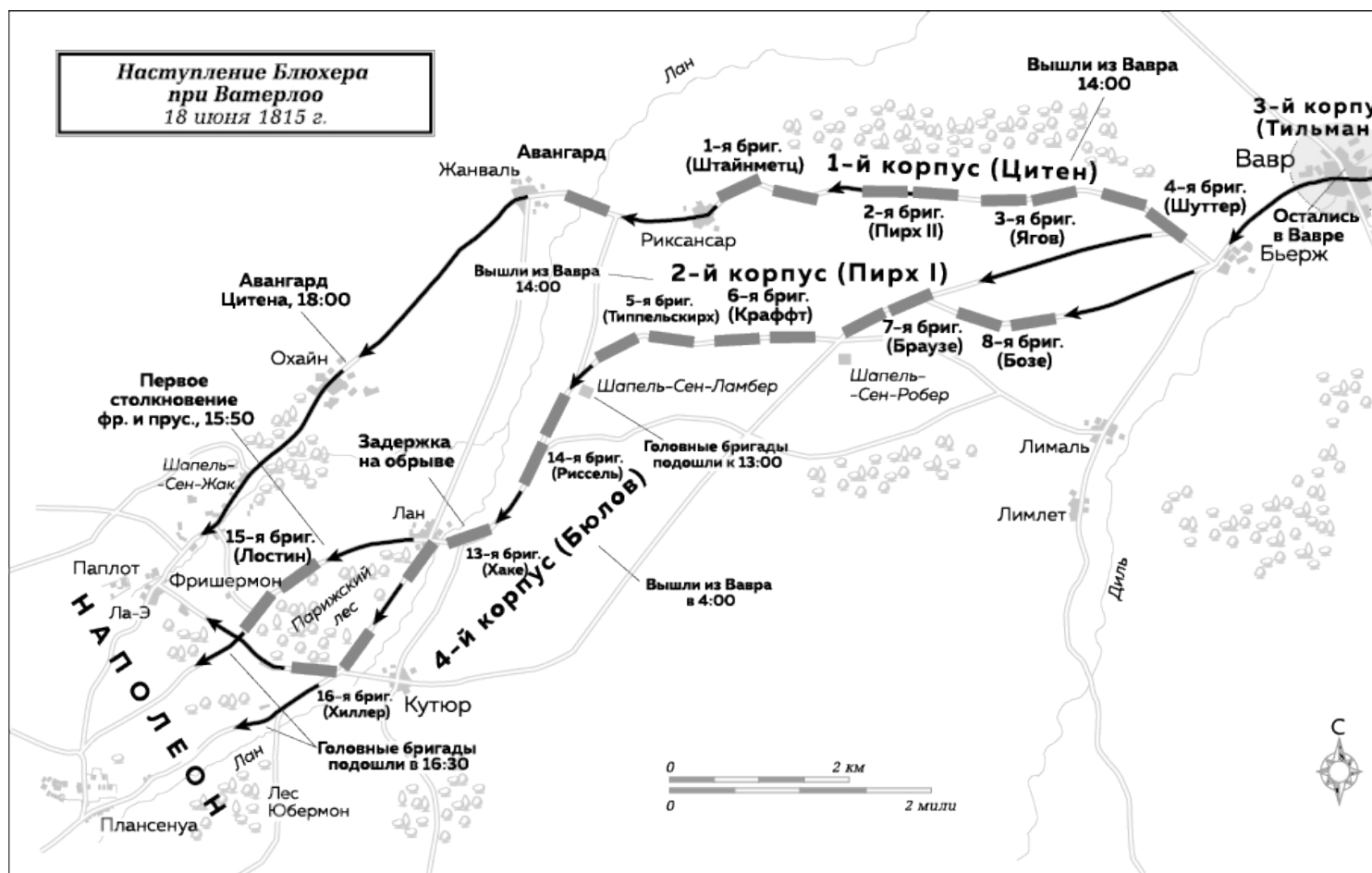
смогли перейти на рысь».

Тем не менее около 800 тяжелых всадников из полка Дворцовой кавалерии напали на примерно такое же число кирасиров. У французов было преимущество в виде нагрудников и клинки на 15 сантиметров длиннее британских, а у британцев был небольшой численный перевес, разбег по склону и внезапность. Офицер вспоминал, что сражение тяжелой кавалерии против тяжелой кавалерии по звуку напоминало о жестянщиках за работой. Французов оттеснили, и некоторым не повезло оказаться в ловушке на размокшей дороге возле Ла-Э-Сент, где они обнаружили, что путь к отступлению перекрывает засека – грубая, но практичная баррикада из тяжелых веток. Кавалеристы сбились в кучу, не смогли выбраться и были грубо перебиты. Бойня продолжалась, пока часть французской пехоты, застрявшая в саду Ла-Э-Сент, не обстреляла британскую кавалерию. Французские пехотинцы вскоре отступили, оставив Королевский германский легион полновластным хозяином этой уединенной фермы.

Теперь британо-голландская пехота сгоняла около 3000 пленных в тыл, попутно избавляя их от оружия и имущества. На правом фланге французского наступления самая восточная колонна штурмовала ферму Паплот, но когда другие колонны отступили, то ушла и она. Великая атака на центр и левый фланг Веллингтона сперва почти удалась, но теперь совсем расстроилась, а выжившие солдаты корпуса д'Эрлона брели, ковыляли или ползли назад, через долину.

В это время в другой части правого фланга, возле Угумона, назрел кризис.

А британская кавалерия, ликующая от своей победы, решила выиграть все сражение целиком собственными силами.

9. «Мы... отомстили. Какая была резня!»

Фамилия его была Легро, а прозвище – Проныра. Он служил младшим лейтенантом в одном из пехотных батальонов, осаждавших Угумон. Человеком он был крупным, некоторые называли его «исполином». Он вышел из рядовых и готов был вписать свое имя в историю.

Северные ворота Угумона обращены в сторону британского гребня. К этим воротам подходила дорога, подходит она и сейчас, хотя стены по обе стороны от ворот теперь ниже, чем были в 1815 году. Ворота открывались внутрь и большую часть времени держались незапертыми, как самый удобный путь для доставки боеприпасов и подкрепления измученному гарнизону, который к середине дня находился под обстрелом с трех сторон.

И в эту самую середину дня, в какой-то момент исполинский Проныра привел группу в 30 или 40 пехотинцев и вскрыл северные ворота. Он принес саперный топор. Саперы служили работниками в инженерных армейских отрядах, у них были большие топоры, чтобы валить деревья, но в руках таких людей, как Легро, топор служил еще и оружием для добивания раненых. Точно неизвестно, были ворота открыты или Проныра взломал их. Некоторые источники заявляют, что он прорубил створку ворот, но кажется более правдоподобным, что французская атака выгнала нескольких британских стрелков из их окопов к восточной части шато. Стрелки убегали за забор и не успели запереть за собой ворота. Младший лейтенант Легро вломился во двор, а за ним его люди и мальчик-барабанщик.

Складывалась отчаянная для Макдонелла ситуация. Яростная атака Легро позволила ему завладеть большим двором, и, если бы больше французских солдат вошли в ворота, защитников просто вытряхнули бы из зданий. И какое-то французское подкрепление уже подходило.

Макдонелл решил, что сейчас самая важная задача – не убить Легро и его товарищей, а закрыть ворота. Он отправил маленькую группу солдат, чтобы те обошли непрошенных гостей и совместными усилиями закрыли большие ворота. Им пришлось перебороть сопротивление наступающих, навалившихся на ворота снаружи, пришлось отстреливаться через медленно сужающуюся щель между створок и не обращать внимания на людей Легро, сражающихся у них за спиной. Остальные защитники Угумона поддерживали их мушкетным огнем из окон и дверных проемов. В конце концов ворота удалось закрыть и запереть. Теперь Макдонелл и его люди занялись отрядом Легро. Все французы, кроме мальчика-барабанщика, были перебиты.

Герцог Веллингтон говорил, что писать историю сражения – то же, что писать историю танца. Слишком много происходит внезапно в вихре цветов, звуков и круговерти. Немногие битвы изучались настолько

пристально, разбирались настолько подробно, описывались настолько часто – и все же осталось множество загадок. Совпала ли вылазка Легро с наступлением корпуса д'Эрлона? Или произошла позже? На самом ли деле гвардейцы Колдстримского полка находились в Угумоне во время первой атаки французов? Капитан Мориц Бюзген служил офицером в одном из нассауских батальонов голландской армии, в его описании сражения за Угумон упоминается, что Макдонеллу приказали покинуть здания перед тем, как начался штурм, и именно солдаты Бюзгена заняли оставленные позиции. «Было заметно, что эти позиции до нас кто-то занимал, они были подготовлены к обороне», – писал Бюзген. Один из историков предположил, что Тощий Билли приказал гвардейцам Макдонелла уйти из Угумона, потому что решил, что удерживать его дальше глупо, но Макдонелл счел невыполнимым выполнять такой приказ, зная, какое доверие оказал ему герцог, отправляя на это задание. Бюзген также упоминал вторжение французов около половины четвертого – на сей раз через боковые ворота, – о котором больше не пишет никто. Когда молодой гвардеец Мэтью Клей, оставшийся за стенами Угумона, сумел добраться до ворот, он обнаружил «подполковника Макдонелла, державшего в руках большое бревно или ствол дерева»:

Вероятней всего, Клей не смотрел на часы, потому не может поведать, в котором часу Макдонелл запер ворота бревном, зато свидетельствует о том, что французы позже смогли еще раз попасть на территорию фермы. Это второе вторжение, скорее всего, и связано с отрядом Легро, потому что Клей упоминал, что выжил только барабанщик. Именно Клей спас мальчика и укрыл его в пристройке. Он вспоминал, что ворота штурмовали при помощи артиллерии, но больше никто об этом не пишет, хотя в какой-то момент французы притащили пушки и использовали их в схватке за ферму.

Возможно, вторжения в Угумон произошло два, оба были отражены, вполне вероятно, что гарнизон Угумона состоял из британских и голландских частей, хотя если почитать воспоминания очевидцев, то можно совсем запутаться. Проблема тут в патриотизме. Британские источники напевают на достижения британских воинов, и мало кто из офицеров отдает должное союзникам, кроме Королевского германского легиона. Зато очевидцы из Голландии, Ганновера, Нассау точно так же пишут о заслугах соотечественников. Один из источников сведений о битве за Угумон – неопубликованные мемуары рядового Иоганна Леонхарда из Нассау. Как и Бюзген, он утверждал, что именно войска из Нассау расположились на ферме, и вообще не упоминал об участии британской гвардии в отражении атаки из леса:

Написано ясно: отряд из Нассау отбил все французские атаки. Капитан Бюзген говорил примерно то же самое, только допускал, что несколько колдстримцев отправили в поддержку батальона, под его командование, а это наводит на мысль, что Бюзген командовал гарнизоном. Однако против этого говорят мемуары Джорджа Ивлина, британского гвардейского офицера, который вспоминал: «Французы атаковали сильно превосходящими силами, а голландцы неожиданно уступили и бежали». Подполковник Фрэнсис Хоум, второй в командовании после Макдонелла, писал, что британцы заняли шато вечером 17-го и не получали подкрепления от нассаусцев до 11 часов утра в день битвы. «Поначалу это были каких-то 600 человек, – писал он пренебрежительно, – но четыре часа спустя никого из них уже не осталось. Они исчезли... и далее уже не появлялись, кроме нескольких дезертиров». Кто прав? Есть подозрение, что истина лежит где-то посередине. Определенно Макдонелл командовал гарнизоном, но так же определенно, что с отрядом Легро сражались голландские солдаты, потому что один из них, лейтенант из Нассау, был зарублен топором, вероятно, тем самым, которым орудовал Проньера. Невысказано, чтобы британские гвардейцы оставили Угумон утром 18-го, что бы там Тощий Билли ни приказывал. Об этом не говорит ни один из мемуаров, а в распоряжении историков их много. Так почему же Бюзген настаивает, что, когда он пришел в Угумон, тот был оставлен? Возможно, он привел своих людей в само здание усадьбы, которое, не будучи на периметре фермы, стояло пустым. Однако это лишь предположение. А что касается бегства голландцев – есть масса свидетельств, что они остались. Рядовой Леонхард рассказывал, что грабы в живописном регулярном парке сровняли с землей, а стены шато рушились «от тяжелой

бомбардировки или от страшной грозы». Однако больше никто из очевидцев не упоминает ни о какой грозе во время битвы. Леонхард же писал:

Пожалуй, это хорошее описание того, что чувствовал человек там, во время сражения. Под Угумоном погибали тысячи человек, и мы должны простить выжившим, что их описания не совпадают в подробностях.

Битва за Угумон продолжалась. Веллингтон как-то заметил, что закрытие ворот было решающим событием того сражения. Некий эксцентричный священник решил учредить пенсию для «самого храброго героя Ватерлоо», и, когда он попросил герцога сделать сей непростой выбор, герцог выбрал Макдонелла. В свою очередь, Макдонелл настаивал, что должен разделить эту пенсию с сержантом Джеймсом Грэмом, ирландцем, который в тот отчаянный момент был вместе с ним. Эти двое получали пенсию в течение двух лет, но затем священник-благотворитель разорился. Важно, что Веллингтон предлагал на пенсию Макдонелла вместе с Грэмом. После того как помог запереть ворота, Грэм спас жизнь 35-летнему капитану Генри Уиндхему. Француз забрался на высокую стену у ворот и нацелил мушкет на Уиндхема, но Грэм выстрелил первым. Уиндхем дожил до 1860 года, а женщины из его семьи постоянно жаловались на холод и сквозняки в доме, утверждая, что с тех пор, как помог закрыть ворота Угумона, ни одну дверь он больше не закрывал.

Ворота Угумона действительно закрыли, но до завершения осады было далеко, теперь французы начали артиллерийский обстрел фермы, а в это время на западе, где дорога пересекала надвое поле боя, дико неслась британская кавалерия.

Герцог Веллингтон никогда в достаточной степени не полагался на британскую кавалерию. Когда закончилась война, он писал:

Герцог ценил умение держать строй превыше прочих воинских искусств. Строй позволял солдатам устоять под огнем, выдержать жестокий артиллерийский обстрел, сохранить людей в ближнем бою и при залповом огне. Печально известное замечание «У меня не армия, а комок земли» сделано им, когда развалился строй. Произошло это после великой победы при Виттории, когда британские солдаты захватили неприятельский обоз, перевозивший все, что награбили французы в Испании. Дисциплина мигом улетучилась, и началось торжество мародерства, грабежей и убийств. Сохраняя порядок, можно добиться чего угодно, однако известно: британская кавалерия порядком не отличалась. В Испании Веллингтон доверял кавалерии Королевского германского легиона, но собственной всегда опасался. Правда, тяжелая кавалерия в 1812 году осуществила решающую победоносную атаку при Саламанке, но тогда ими командовал генерал-майор Джон Ле Маршан, пожалуй, лучший полководец-кавалерист периода Наполеоновских войн. Он был убит в том бою.

Дворцовая бригада, иннискиллингцы, королевские драгуны и королевские «шотландские серые» великолепно выполнили свою работу, расколов атаку д'Эрлона. Французские колонны, разбитые на куски и перепуганные, стремительно отступали, потеряв 3000 человек пленными и примерно столько же убитыми и ранеными. Всадники с окровавленными клинками в руках рассыпались по длинному склону. Горнисты играли сбор, но почти никто не обращал внимания на призыв. «Наши люди отбились от рук», – заметил один штаб-офицер. На другом конце долины им была видна «гран-батарея» – огромная линия пушек, молотивших по британскому гребню. Теперь эти пушки молчали, чтобы не попасть в солдат д'Эрлона, которые все еще находились на британской стороне долины. «Гран-батарея» находилась не на вершине французского гребня, но далеко выдавалась вперед – британские кавалеристы не смогли удержаться. Они повернули коней и напали на орудийные расчеты. Капрал Диксон увидел, как сержант Юарт уносит в тыл трофейного орла, а затем они «пришпорили коней в поисках удачи». Он и его товарищи встретили другую

колонну на правом краю французского наступления, почти наверняка – генерала Дюрютта:

Диксон вспоминал, что из строя было выведено 15 пушек, другие кавалеристы называют большее число, но никто из них не спешил и не забивал пикой запальные отверстия, так что эти пушки, вероятно, можно было впоследствии использовать снова. Генерал Дюрютт, видевший, как разнесли его колонну, глядя на британских всадников, несущихся через долину, сказал: «Эти люди либо пьяны, либо не умеют управлять лошадьми».

Теперь уже сотни британских кавалеристов на бешеных конях были на французской стороне поля. Французы воспользовались шансом и выпустили против них уланов и застрельщиков. Французская кавалерия подошла с востока и крепко ударила на британцев. «Ни разу мне не доводилось наблюдать такого примера превосходства пики над саблями», – говорил генерал Дюрютт. Британцы пытались отстоять свою сторону долины, но французы неслись на свежих лошадях и выкашивали британцев. Полковник Бро де Комер командовал 4-м уланским полком.

Полковнику де Комеру не повезло – его ранили в руку. Однако меньше других повезло британцам, пытавшимся уйти от более легких французских конников и завязнувшим в грязи. Сэр Уильям Понсонби был бригадным командиром «королевских», «шотландских серых» и иннискиллингцев и участвовал в атаке вместе со всеми. Теперь его усталая лошадь увязла в грязи. Он дал своему адъютанту подарок на память, велел передать привет своей семье и приготовился к неизбежному. Его тело нашли с семью ранами от пики. Подполковника сэра Фредерика Понсонби, троюродного брата обреченного сэра Уильяма, ранили в обе руки, а затем так ударили саблями, что он потерял сознание и выпал из седла. Очнувшись, Понсонби увидел над собой улана. *Tu n'est pas mort, coqucin?* – спросил его улан ласково, как ребенка. – «Ты не умер, мерзавец?» Потом он ткнул своей девятифутовой пикой, чтобы пробить лежащему горло. Понсонби так и лежал, обливаясь кровью. Отступающие пехотинцы обобрали его, затем его использовали в качестве подставки под мушкет застрельщик, потом на него наехала прусская кавалерия, но каким-то образом он все-таки выжил. Умер он в 1837 году в возрасте 53 лет.

В британских войсках пика не применялась, но опыт Ватерлоо научил англичан обращению с этим оружием. Джон Диксон на своей кобыле Погремушке возвратился невредимым, но сотни других – нет, несмотря даже на то, что британская легкая кавалерия вышла, чтобы прикрыть паническое бегство. В какой-то момент долина к востоку от главной дороги обратилась в хаос, а Луи Канле еще находился далеко, на британском склоне, попавший в плен, лишившийся ранца и всего имущества.

Канле присоединился к остаткам своего батальона, став богаче, чем был, когда его покинул. Постепенно хаос развеялся. Выжившие британские кавалеристы вернулись на свой гребень, и примерно к трем часам дня долина снова опустела, если не считать мертвых, умирающих и раненых. Канониры обеих армий вернулись к своим пушкам и продолжили пальбу. Великая атака д'Эрлона была близка к успеху, но в итоге ее остановили залповым огнем, штыками и британской тяжелой кавалерией, которая, разгромив большие колонны пехоты, в итоге была сама так глупо разгромлена. Кавалерия потеряла около половины личного состава, участвовавшего в атаке – убитыми, ранеными или захваченными в плен. Оставшиеся в строю вновь собрались за безопасной чертой. Некоторое время в долине почти ничего не происходило, но затишье было недолгим. У императора не оставалось времени.

«Великие битвы выигрывает артиллерия», – сказал однажды Наполеон, хотя он говорил так много разного, что теперь трудно понять, что из этого произносилось всерьез. Он склонен был к категоричным заявлениям, содержащим зерно истины, – и делал их в основном, чтобы спровоцировать спор, который мог выиграть. Однако свою артиллерию он действительно любил, и теперь большие пушки палили по всей линии, обстреливая британский гребень бомбами и ядрами. Прочие пушки обстреливали Угумон, впрочем,

этой битвы Наполеон не видел.

Наполеон ни разу не приезжал на левый фланг, чтобы поглядеть, что происходит близ Угумона, хотя он должен был получать донесения об отчаянном положении, в котором находятся его люди, поскольку сам император приказал использовать против крепости мортиры. На протяжении почти всей битвы Наполеон находился возле главной дороги, либо на ферме Россом, которая расположена к югу от *La Belle Alliance*, либо у самой *La Belle Alliance*. Император был одет в серую шинель, и многие видели, как он ходил вверх-вниз на холме, с которого наблюдал за подернутым дымом полем боя. Из трактира принесли продавленное кресло и столик, он подолгу за ним сидел – некоторые считают, что без сил, – и разглядывал карту, расстеленную на столе. Ковырялся в зубах соломиной, всматривался в дым через подзорную трубу. Впоследствии его брат Жером утверждал, что Наполеон ненадолго покидал поле сражения, чтобы поставить пивяки на свой геморрой. Достоверно известно, что император прибегал к такому лечению, но нет никаких подтверждений тому, что именно в этот судьбоносный день.

Годы спустя поле сражения Ватерлоо стало магнитом для туристов. Одним из множества экскурсоводов был человек, называвший себя Декостером. Он утверждал, что в день битвы, с утра, его захватили в плен и заставили рассказывать Наполеону про эту местность. Вероятно, кого-то из местных жителей действительно расспрашивали о том, что находится за гребнем и где проходят дороги, но истории Декостера явно содержали немало вымысла. Император разглядывал сквозь дым сражение, насколько это было возможно, но не садился на коня, чтобы навестить войска, сражавшиеся за него. То была работа адъютантов, кони которых сновали по гребню с новостями и депешами. На французском гребне находилась наблюдательная вышка – высокое и шаткое бревенчатое сооружение, которое, вероятно, незадолго до битвы сколотили землемеры, чтобы снять план местности. Несомненно, некоторые из французских офицеров наблюдали за боем с этой вышки, но нет ни одного упоминания, чтобы по ее лестницам лазал Наполеон.

Веллингтон же ни разу не сошел со своего коня Копенгагена. Большую часть битвы он простоял под вязом у перекрестка, но в самые опасные моменты всегда находился рядом с теми отрядами, которым грозила опасность. Он навестил Пиктона незадолго до того, как колонны д'Эрлона добрались до вершины гребня, но по ходу битвы все чаще и чаще появлялся на правом фланге. Позже он говорил, что «перст судьбы» хранил его, потому что многие рядом с ним были ранены или убиты, но ни его, ни Копенгагена ни разу не задело. Он был командующий-практик, отдающий приказы батальонам самолично, в то время как Наполеон позволял Нею сражаться за него. Императору приписывают «шестое чувство», ощущение момента, критической точки в битве, в которую он мастерским ударом может свалить противника. Однако если так, значит, «шестое чувство» изменило императору 18 июня 1815 года. Критических точек оказалось немало, но ни разу он не воспользовался слабостью британо-голландской позиции, чтобы провести решающую атаку. Веллингтон считал, что, появившись Наполеон на поле боя, и французская армия словно стала бы на 40 000 человек больше, ведь французы обожали своего императора, любили его и дрались за него с отчаянной храбростью, но присутствие Веллингтона тоже добавляло его армии воодушевления. Его не обожали, не любили, зато уважали. Когда он ехал перед строем, можно было расслышать, как командуют сержанты: «Смотреть перед собой! Тишина в строю! Носатый едет!» Они знали, что больше всего герцог ценит умение держать строй, но также ценил он и своих людей, и они это тоже знали, многие очевидцы отдавали должное присутствию герцога на поле боя. Когда битва становилась наиболее яростной, когда ядра, мушкетные пули и картечь косили британо-голландские ряды, герцог просто отходил в сторону. Один британский офицер заметил, что к полудню у герцога остался всего один адъютант, «остальные убиты или ранены». А герцог, вспоминал офицер, «был в полном порядке, хотя выглядел задумчивым и бледным». Он выглядел невозмутимым, не потому что таким и был, а потому что таким должен был казаться. Солдат заряжает мушкет и стреляет, его лицо обожжено пороховой гарью, уши

заложило от грохота, обзор поля боя ограничен несколькими метрами задымленного пространства, усеянного убитыми и умирающими товарищами. Этот солдат бросает взгляд на герцога. Если он видит, что Носатый обеспокоен, значит, пора впасть в панику, но если герцог спокоен и уверен в себе, то, возможно, все в порядке.

Он не был ни спокоен, ни уверен в себе. Он слышал ропот: «Пусть уже пруссаки придут или стемнеет!» Замечали, что он часто поглядывает на часы. Позже герцог будет говорить, насколько шатким было его положение в той битве. «Я никогда еще не был так близок к поражению». И все время он глядел на восток. И Наполеон тоже. Они смотрели на далекие холмы, ожидая подмоги. Герцог знал, что идет прусская армия, иначе он ни за что не решился бы на сражение, но его армия была уже измотана, а войска не подходили. Он отчаянно нуждался в помощи пруссаков. И Наполеон знал, что у него остается последний шанс, чтобы сломить Веллингтона, прежде чем подойдут пруссаки. Теперь это была гонка. Только для Блюхера и его войска гонка оказалась с препятствиями.

Прусская армия задержалась на восточном краю долины реки Лан. Блюхер спешил, но ему пришлось ждать, пока колонна подтянется к авангарду. Он подгонял их. «Вперед! – говорил он. – Я слышал, вы говорите, что это невозможно, но это нужно сделать! Я обещал Веллингтону, вы же не хотите, чтобы я нарушил свое обещание? Поднажмите, ребята, и мы победим!»

Это было невозможно, но только не для Блюхера. Ему 72 года, боль и недомогания от неприятностей при Линьи еще не прошли, от него еще несет шнапсом и мазью из ревения, но он полон энтузиазма и сил. Если Наполеон в тот день держался угрюмо и презрительно по отношению к врагу, которого недооценил, а Веллингтон – холодно, рассчитывая шансы в свою пользу, то Блюхер был сама страсть. Он слышал битву, которая гремела в каких-нибудь пяти или семи километрах к западу, он знал, что его войска переломят ход этого сражения, но, при всем своем нетерпении, знал он и то, что к месту битвы следует приближаться с осторожностью.

На противоположном берегу долины находились французские войска. То была легкая кавалерия, так что вряд ли она начала бы расстреливать прусскую армию, но если Блюхер станет переправлять войска понемногу, то, вполне вероятно, из густого леса выйдет французская пехота и примется уничтожать пруссаков отряд за отрядом. Нужно было переправить через речку такое количество войск, чтобы они смогли защищаться, пока переправляются остальные. По этой причине Блюхер ждал.

Долина реки Лан не выглядит серьезной преградой, но 18 июня речка разлилась из-за проливных дождей, а края долины, и так достаточно крутые, стали опасными из-за скользкой грязи. На спуске в долину положили бревна, чтобы хоть немного помочь тягловым лошадям. Теперь они помогали переправлять прусскую артиллерию, но пушки обычно намного тяжелее повозок, требуется огромное количество людей, следящих, чтобы громоздкий груз не свалился со скользкого склона. Кавалерии пришлось вести своих коней напрямик, пехота сползала по грязи и барахталась, но постепенно армия преодолевала преграду, и психологическую, и действительную. Перейдя долину, Блюхер уже не мог отступить. Если его армия потерпит поражение, то французы прижмут ее в долине, как в ловушке, и наверняка уничтожат. Однако вряд ли Блюхер беспокоился о таком исходе. Он хотел побыстрее форсировать реку, пересечь лес и вломиться в правый фланг Наполеону. Ему предлагали просто присоединиться к силам Веллингтона, добавить прусские полки к британо-голландской линии обороны, но Гнейзенау возражал, предложив двинуться дальше к югу, вклиниться позади армии Наполеона, попытаться ее окружить и таким образом разбить французов наголову. Блюхер согласился, поэтому первой целью прусской армии стала деревня Плансенуа.

Но сперва требовалось перейти Лан. Прусская легкая кавалерия шла первой, она схлестнулась с

французскими гусарами в Парижском лесу, на западном краю долины. Полковник Марселен де Марбо командовал французской конницей.

Французы упустили свой шанс. Под командованием генерала Лобау находилось более 6000 человек пехоты, и если бы генерал разместил их на берегу Лана, то мог бы на многие часы задержать прусскую армию. Однако Наполеон дал генералу Лобау особое распоряжение. Он не должен нападать на пруссаков, пока не услышит, что с тыла их обстреливают пушки Груши. И генерал стоял на месте, прислушиваясь к звукам, которых так и не услышал, а прусская армия, отряд за отрядом, переходила реку. Она собиралась в Парижском лесу: конница впереди, пехота за ней, артиллерия на дороге. Это требовало времени – через Лан вел только один узкий мостик, – но в середине дня прусская армия перешла реку. Груши, который, как предполагалось, должен был ее атаковать, все еще наступал на Вавр, где его разведчики обнаружили прусский арьергард, оставленный для защиты города. Наполеон мог умолять Груши прибыть в Ватерлоо – но маршал собирался дать собственную битву в 20 километрах от него.

Генерал барон фон Мюффлинг был прусским офицером по связям с Веллингтоном, теперь между ним и Блюхером туда-сюда сновали курьеры. Союзники поддерживали контакт, хотя для того, чтобы прусская армия пришла на помощь и изменила расклад сил, все еще требовалось время. У фон Мюффлинга не оставалось сомнений, что помощь его соотечественников требуется немедленно. «После трех часов, – писал он в мемуарах, – положение герцога стало бы критическим, если бы вскоре не подошел сикурс от прусской армии».

Потому что как раз после трех часов французы ринулись в самую отчаянную атаку на позиции Веллингтона.

Угумон полыхал. Французские мортиры метали бомбы через высокие стены. Если людей не вывести, гарнизон сгорит заживо. Пожар побудил Веллингтона отдать один из самых знаменитых его приказов. У него хранился запас полосок из ослиной кожи (ослиная кожа достаточно мягкая, чтобы ее выскоблить дочиста и использовать повторно), на которых он писал приказы, используя луку седла в качестве секретера. Он проехал вдоль гребня, осмотрел Угумон и отдал Макдонеллу приказ, который лучше привести здесь полностью, не забывая, что писался он под обстрелом и под страшный грохот. Ясность необычайная:

Макдонелл вряд ли нуждался в подобном приказе, он выполнил бы все, чего хотел Веллингтон, и без подробных инструкций, но герцог редко пускал что-либо на самотек. Мэтью Клей, удачно вышедший из приключения за стенами шато, теперь стрелял, расположившись в одном из верхних окон, выше, как он заметил, остальных зданий, и своим огнем «тревожил вражеских стрелков».

Пожар разрушил главное здание, его так и не восстановили. Огонь добрался до часовни, где лежали многие раненые, но угас, едва добравшись до распятия, висевшего над маленьким алтарем, опалив его. Многие посчитали это чудом. Другие раненые находились в амбаре, который тоже загорелся, но спасти смогли не всех пострадавших, раздавались крики сгорающих заживо. Там же сгорели несколько лошадей, их ржание добавилось к общей какофонии дня. Однако гарнизон держался. В какой-то момент храбрый возница королевского обоза погнал коней по дороге к ферме. Капитан Гораций Сеймур, адъютант лорда Аксбриджа, попросил этого человека доставить груз боеприпасов к осажденным.

Таковы воспоминания о героях Ватерлоо. Младший лейтенант Легро и его люди, сержант Джеймс Грэм, Чарльз Юарт – их много, с обеих сторон, но и трусость тоже встречалась. Кто-то помогал раненым отойти в тыл, да так и не возвращался. Такое случалось даже в элитных войсках. Генерал сэр Эндрю Барнард командовал бригадой легкой дивизии, в которую входил и батальон его 95-го стрелкового. После битвы он писал:

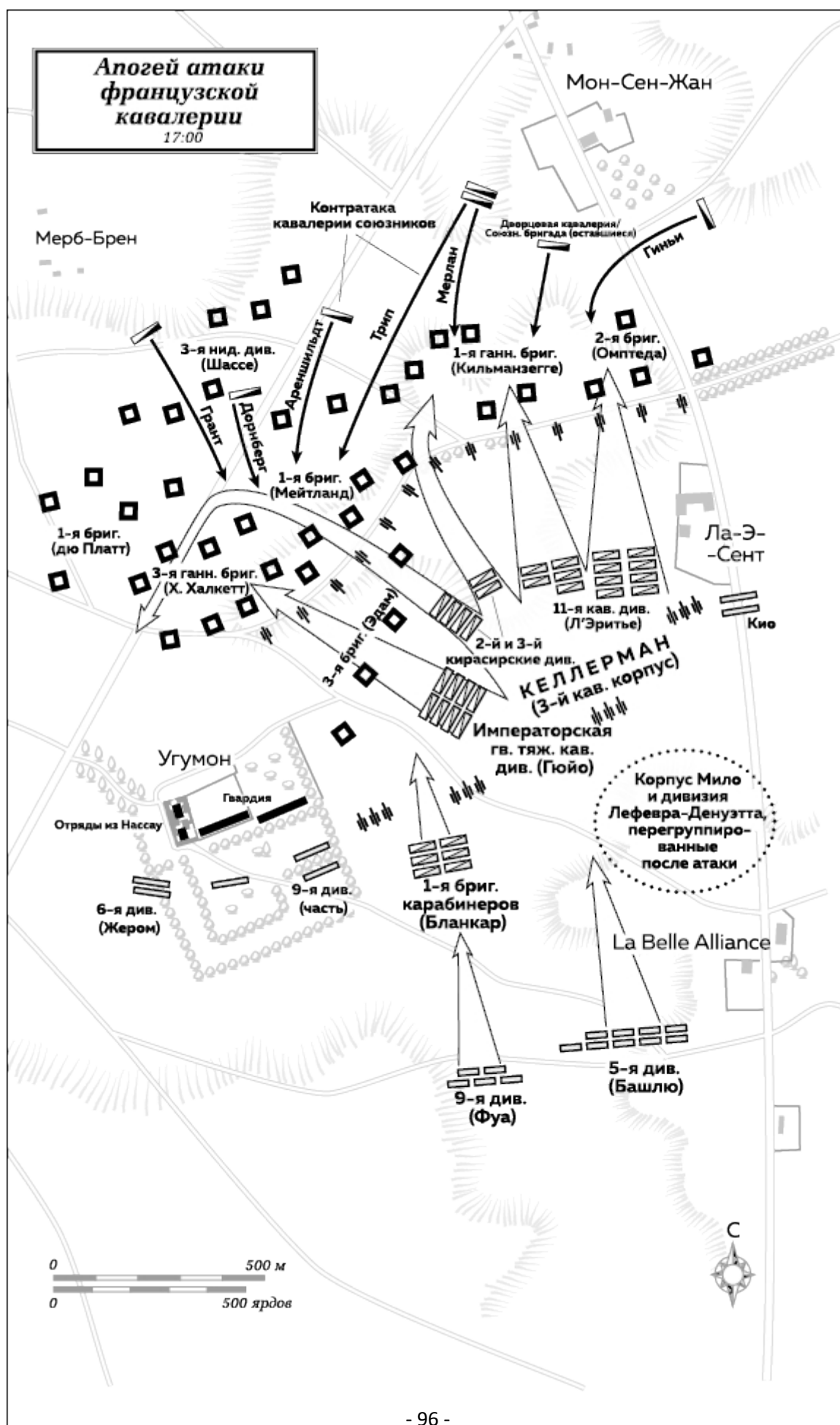
Эдвард Костелло, один из стрелков Барнарда, получил ранение при Катр-Бра. Он отступал вместе со своим отрядом, но в день битвы получил приказ отправиться в Брюссель, на перевязку. Он пошел на север через лес и заметил среди деревьев «ватагу» людей.

Но гораздо больше солдат осталось, чем сбежало. Некоторым раненым приказали идти в тыл, и они, несомненно, вздохнули с облегчением, выполняя приказ, но многие отказались уходить, предпочитая остаться с товарищами. У других нашлись законные причины оставить поле сражения. Трех едва выживших бойцов из иннискиллингских драгун отправили конвоировать массу пленных французов в Брюссель. Этим пленным повезло, потому что они остались в живых. Вильгельм Шютте был хирургом в брауншвейгском отряде. «Наши люди, – писал он родителям, – исполнились адской злобы». И привел следующий пример:

К середине дня сформировался непрерывный поток людей, уходящих на север от поля боя. У большинства имелись законные причины для ухода, они были либо ранены, либо помогали раненым добраться до врача, хотя никто из ухаживавших за больными не был медиком. Элизабет Гейл была пятилетней девочкой, дочерью стрелка из 95-го. Вместе с матерью они сопровождали батальон к Мон-Сен-Жану. Годы спустя она вспоминала, как помогала щипать корпию для перевязки раненых и даже помогала матери перевязывать некоторых из них. Элизабет прожила 95 лет и считается последним живым свидетелем битвы. Она умерла в 1904 году. Незадолго до смерти у нее брали интервью.

Она сохранила живые воспоминания о людях, умиравших в лагере. Она помнит свой испуг, когда ее мать приподняла покрывало с одного из них и она увидела мертвое лицо с открытыми глазами, пустой взгляд, устремленный на поле битвы.

Так и маршал Ней, глядя с южного гребня, видел толпы людей, уходящих на север, к Брюсселю. Многие из них были ранены, некоторые дезертировали, много было возниц, отправлявшихся за боеприпасами, да еще тысячи пленных под конвоем. И весь этот поток людей, лошадей и повозок стал прямой причиной последующей великой драмы Ватерлоо.

10. «Лучшая в мире кавалерия»

Преподобный Уильям Лик, выпускник Кэмбриджа, был штатным священником прихода Холбрук в Дербишире и автором нескольких серьезных работ, призванных усовершенствовать англиканскую церковь. Однако до того, как заняться теологией и стать священником, он был солдатом, а в 1815 году – 17-летним прапорщиком в 52-м пехотном. В мемуарах о своей военной службе он писал:

Лик держал одно из полковых знамен, хотя оба знамени, перешедшие через битвы при Вимейро, Корунне, Бусаку, Фуэнтес д’Оноро, Сьюдад-Родриго, Бадахосе, Саламанке, Витории, Нивеле, Ортезе и Тулузе, теперь превратились в клочки материи на голых шестах. 52-й был самым крупным пехотным батальоном при Ватерлоо, более 1000 человек, и половина из них – ветераны Пиренейской войны. Вскоре он получит шанс прославиться, но сейчас должен был выдержать «наиболее неприятную ситуацию, в какую только можно попасть на солдатской службе». Преподобный Лик продолжал рассказ так:

Батальон Лика стоял в каре. Они находились в резерве, но Веллингтон забросил их так далеко на правый фланг, что на них долго не нападали. Некоторые авторы пишут, что после отражения атаки д’Эрлона и затем разгрома британской кавалерии битва «успокоилась», но спокойствие это было относительным. По ушам все еще бил грохот, Угумон объяло пламя и его осадили французы, но армия Наполеона пока что не делала попыток перейти поле. Остатки корпуса д’Эрлона перегруппировались на правом фланге наполеоновских позиций и снова приготовились драться, но маршал Ней, осуществлявший оперативное командование французскими силами, находился на левом фланге, напротив 52-го. Он был верхом, что прибавляло ему роста, да еще на высокой точке французского гребня, поэтому мог в подзорную трубу оглядывать затянутые дымом британские позиции.

И то, что он видел, приводило его в восторг. Он видел спасение Франции. Видел победу.

А на самом деле он видел британо-голландские пушки, расставленные вдоль гребня, и какую-то пехоту под ними. Видел дым рвущихся французских бомб, закидываемых мортирами в пехоту. Однако внимание Нея приковала не эта бойня, а то, что происходило за ней, поскольку он находился достаточно высоко, чтобы заглянуть за линию Веллингтона. Он видел сотни, может, даже тысячи отступающих. Он видел повозки, уходящие на север, видел раненых, которых уводили их товарищи, видел пленных, бредущих под конвоем. И пришел к выводу, что Веллингтон распускает армию и пытается отступить. Проще говоря, он увидел, что британцы бегут. А еще Ней знал, что для всякого солдата последнее дело – позволять врагу уходить безнаказанным. Эту ошибку он уже совершил два дня назад, позволив Веллингтону безнаказанно ускользнуть из Катр-Бра. За тот случай Ней получил жестокий разнос у Наполеона и повторения не хотел. Он видел, как люди Веллингтона тянутся вдоль дороги, как они спешат на север, в Брюссель, а это значит, что с каждой минутой войск за гребнем становится все меньше – так вот

он, момент, чтобы отыграться и подарить Франции победу!

И Ней приказал кавалерии атаковать.

Вначале он хотел отправить в атаку одну бригаду кирасиров, поэтому отдал приказ наступать на британский гребень между Угумоном и Ла-Э-Сент почти 900 всадникам в знаменитых стальных нагрудниках, но командующий бригадой, генерал-лейтенант Делор остановил наступление. Делор возразил, что «только что получил приказ от генерала, командующего корпусом, к которому относится [его] дивизия».

Генерал Эдуард Мило был тем командиром корпуса, который должен был передать приказ Делору, но Мило и сам попался в ловушку азарта. Он приказал Делору наступать, затем пожал руку командующему Императорской гвардейской легкой кавалерией и потребовал: «Мы будем наступать! Присоединяйтесь!» Тот присоединился, еще увеличив число всадников, участвующих в атаке. Полковник Мишель Ордене, командующий 1-м кирасирским, поинтересовался, знавала ли история примеры столь же массовой конной атаки? На самом деле знаменитая французская атака через снега Эйлау в 1807 году была почти вдвое мощнее, однако Ордене (который участвовал в битве при Эйлау, но, возможно, мало что видел из-за метели) тем не менее считает, что никогда не видел кавалерийской атаки подобной численности. Первоначальные 900 участников возросли почти до 5000:

Ключевое слово тут «поначалу», потому что начался самый необычайный бой и без того необычайного дня. Поначалу Ордене решил, что Ней, вероятно, поступает правильно, потому что, когда его конь взобрался на британо-голландский гребень, он увидел «вражеские обозы и множество беженцев, спешивших по дороге на Брюссель». Увидел и брошенную артиллерию, мимо которой проскочил «молнией», но увидел и кое-что еще.

Британские каре. Британцы не убегали. Веллингтон не распускал свои силы и не пытался их увести. Да, были и люди, и повозки на дороге, но основная часть британо-голландской армии оставалась на гребне, готовая к бою. Пушки союзников на самом деле оказались брошены, но временно, потому что канониры ушли под защиту, внутрь каре. Эти пушки уже собрали свою дань с конницы, посылая ядра в их ряды, оставляя на поле изувеченных и умирающих лошадей. Затем орудия палили картечью с убийственно близкого расстояния, а затем пушкари убежали под прикрытие ближайшего пехотного каре.

Теперь всадники оказались против пехоты, а каждому кавалеристу известно то, что написал капитан Дютильт: «Даже для лучшей в мире кавалерии невероятно трудно, если вообще возможно, опрокинуть пехоту, построенную в каре». По этой причине первые кавалеристы, которые, казалось, пробили британо-голландскую линию обороны, тут же натолкнулись на самое худшее для конницы препятствие. Широкое плато на вершине гребня было плотно занято войсками, построенными в каре, которых насчитывалось по меньшей мере 12. Каре стояли в шахматном порядке, так что, если всадник проезжал мимо одного, он неизбежно сталкивался с другим спереди и двумя позади. И каждое каре блистало штыками и плевалось мушкетным огнем. И в тот момент маршалу Нею проявить бы благоразумие, осознать бы свою ошибку и увести кавалерию от опасности, но маршал Ней редко проявлял благоразумие в бою. Он верил, что усердие и отвага помогут человеку преодолеть любую трудность. Может, и так, но они не помогут коню пробить пехотное каре.

То, что произошло дальше, стало кровопролитием для обеих сторон. Джонни Кинкейд сказал про Ватерлоо, что «никогда не слышал, чтобы в битве убиты были все, но эта битва имела все шансы стать исключением». Союзников конечно же предупредили о том, что идет кавалерия, они видели коней, несущихся через долину, им хватило времени подготовиться. Вот почему батальон юного прапорщика Лика стоял в каре. Артиллеристы тоже подготовились. Сэр Огастес Фрейзер командовал конной артиллерией, и он скакал к капитану Мерсе. «В передки, и как можно быстрее! Галопом марш!» Вот как Мерсе дальше

описывал происходившее:

Британские и голландские пушки расположились на плоском участке гребня, и приближающаяся кавалерия не оставляла им шанса промахнуться. Французы пишут про атаку и молнии, но на самом деле немногие могли скакать галопом. Атаке мешали два серьезных укрепления перед линией Веллингтона: Ла-Э-Сент и Угумон. Обстрел из этих двух крепостей сгонял кавалеристов в центр, и плотность их потока выросла настолько, что некоторые лошади приподнимались над землей, сжимаемые с боков соседними. К тому же они шли по слякоти, вверх по склону, через высокие, густые колосья, еще не утопанные другими войсками. Мерсе писал, что передние всадники шли «бодрой рысью». Когда его батарею развернули, он посчитал, что до врага не больше сотни метров. И приказал заряжать картечь. «Я видел, как самый первый выстрел свалил нескольких коней и всадников». Затем подоспели с огнем остальные пять его орудий:

Интересно упоминание Мерсе о том, что его пушки «стояли чуть ниже уровня земли». Определенно, он находился на вершине гребня, но в этом месте вершина была плоской, образовывала плато, а британские каре выстроились подальше от переднего его края, оставив свободной зону поражения. Батарея Мерсе пристрелялась по всадникам. Дальше Мерсе начал цитировать французские источники, в которых, как он был уверен, говорилось про его пушки. Французский кавалерист записал:

Теперь тысячи всадников пытались атаковать каре, но арифметика складывалась не в их пользу. Предположим, что в английском батальоне 500 человек, они построены в каре с равными сторонами. Каждая сторона каре состоит из четырех шеренг, примерно по 30 человек в каждой. Значит, 480 человек стоят в четырех сторонах каре и еще 20 офицеров и сержантов посередине. 30 человек стоят на колене, уперев мушкеты в землю, оцетинившись примкнутыми штыками. Еще 30 пригнулись во втором ряду и тоже выставили штыки. За их спинами 60 человек ведут мушкетный огонь. 30 человек занимают около 15 метров пространства – вот ширина нашего воображаемого квадрата. Однако всаднику нужно гораздо больше места – около 120 сантиметров, так что атаковать сторону квадрата могут лишь 14–15 всадников. Они могут приближаться шеренгой, но первая шеренга каре выдержит гораздо больше пятнадцати противников. Против этих пятнадцати окажется 120 человек, половина из которых стреляет из мушкетов. Это в теории. Обычно каре были прямоугольными, но арифметика та же. Если кавалерия налетит на каре, ее перестреляют. Люди и кони упадут в агонии, и следующие за ними будут спотыкаться о тела. Атака превратится в хаос с одного залпа. Лейтенант Илс, стрелок, очень хорошо это описал. В кирасиров выстрелили, когда до них оставалось около 30 метров:

Таким образом, большинство врагов попадало, просто споткнувшись о пострадавших из первых рядов, но, даже если залп уйдет мимо цели (а это часто случается, когда неопытные бойцы метят слишком высоко), кавалерия все равно не сможет атаковать каре, потому что кони постараются свернуть, видя перед собой подобную преграду. Королевский германский легион сумел сломать французское каре при Гарсия-Эрнандесе, потому что залпом убило коня и всадника, суммарный вес двух их тел протаранил строй и в образовавшуюся брешь смогли влететь другие кавалеристы. Однако тогда сражались на сухой, твердой земле, а при Ватерлоо всадники вязли в грязи и переплетенных ржаных колосьях, их строй уже был нарушен ядрами и взрывами картечных снарядов. Королевский офицер инженерной службы укрылся в каре 79-го полка. По его воспоминаниям, многие солдаты стреляли в воздух, потому что от мушкетной пули против конницы все равно мало толку, но всадники все же сворачивали и неслись вдоль строя, откуда их приветствовали еще большим количеством выстрелов. А позади первой линии каре стояли новые каре – и новые штыки, и новые мушкеты. Ней привел свою кавалерию напрямик на смерть.

Конница может сломать каре. Такое может произойти случайно, как при Гарсия-Эрнандесе, но скорее всего произойдет в том случае, если пехота испугается. Кавалерийская атака – жуткое зрелище. Крупные всадники на больших конях, кавалеристы в нагрудниках и шлемах с плюмажами, грохот копыт, занесенные

для удара палаши и сабли. Необстрелянный солдат может удариться в панику. А еще каре может быть разорвано пушечными ядрами или мушкетным огнем, и коннице останется лишь завершить кровавое дело. В 1809 году в битве при Ваграме французские егеря сломали австрийское каре фланговой атакой, под углом к стороне каре, которое только что выпалило залпом по другому кавалерийскому отряду. Подвиг егерей был настолько необычен, что командующего ими полковника тут же повысили в чине.

Даже опытный солдат может оробеть при виде атакующей конницы. Сержант Том Моррис (беременная жена его командира прошла пешком от Катр-Бра до Брюсселя) стоял в каре и смотрел, как на гребень поднимаются кирасиры.

Рис Хауэлл Гронау служил прапорщиком в гвардейской пехоте. Его батальон остался в Лондоне нести почетный караул, но юный Гронау, всего три года назад закончивший Итонский колледж, отчаянно желал отправиться с армией во Фландрию. Он занял 200 фунтов, за игорным столом превратил их в 600, которых хватало на покупку лошадей, и без разрешения отплыл в Бельгию. Теперь, вместо того чтобы стоять в карауле у Сент-Джеймского дворца, он стоит на гребне Веллингтона, и ни один человек, как он скажет после, не сможет забыть «зловещего величия этой атаки».

Часть французской конницы была вооружена карабинами – короткими гладкоствольными мушкетами, из которых они стреляли в солдат каре, но Гронау писал, что пользы им от этих выстрелов было немного, а перезарядить карабин во время боя не удавалось, в то время как для «красных мундиров» перезарядка считалась одним из основных навыков. «Наши солдаты, – вспоминал Гронау, – получили приказ не стрелять, пока масса солдат противника не окажется вблизи». Даже из самого неточного мушкета не промахнешься, стреляя в кавалерийский полк с двенадцати шагов. И еще солдатам приказывали стрелять в лошадей, потому что упавшая раненая лошадь становилась помехой для других всадников. «Прискорбно наблюдать агонию несчастных лошадей!» – говорил Гронау. И мушкетный огонь делал свое дело. Размеренные, неослабные, безжалостные залпы сводили кавалерийскую атаку на нет. Гронау писал:

Стрелки в зеленых мундирах тоже стояли в каре. Штуцер короче мушкета, поэтому его штык длиннее, около 60 сантиметров стали. Стрелок Джон Льюис смотрел, как подходят кирасиры, «все закованные в броню». Это Гронау мог считать, что стрелять из карабина бесполезно, а вот Льюис с ним бы не согласился:

Гронау сравнивал наступающую кавалерию с морской волной. И как волна разбивается о берег, кавалерия налетела, рассыпалась и отступила. Как только конница ушла с вершины гребня, канониры союзных войск выбежали из каре и вновь открыли огонь. Капитан Мерсе зарядил двойной, картечь поверх ядра. Кавалерия перегруппировалась в каких-то 50 метрах и снова атаковала. Тогда капитан вновь скомандовал: «Огонь!»

И все же французы напирали, проникали в промежутки между каре, где их доставал мушкетный огонь. Во время кавалерийской атаки каре союзников находились в относительной безопасности. Дело в том, что, пока конница штурмовала каре, французская артиллерия молчала, но как только конница отступала, вражеские пушки начинали пальбу, а пехота не могла залечь, потому что вражеские всадники отступали недалеко и не уходили с вершины гребня. И тогда на каре летели ядра и бомбы. А еще французы подтащили конную артиллерию и расположили ее на переднем краю плато, так что эти пушки вскоре присоединились к обстрелу. Снова приведем свидетельство Джона Льюиса:

Сержант Том Моррис вспоминал, что вместе с конницей прибыли несколько французских канониров. Они развернули британские пушки и принялись стрелять тем, что называли шрапнелью – по сути, той же картечью.

Прапорщик Гронау был в ужасе от того, что творилось внутри каре.

Как ни странно, Ней продолжал атаковать. Ни одно каре так и не было сломано, но он упорно вел всадников вверх, под перекрестный мушкетный огонь хорошо обученной пехоты. И настаивал, чтобы участвовало как можно больше людей, пока атака не стала почти такой же масштабной, как при Эйлау. Теперь 9000 кавалерии шли против 20 000 пехоты. Ней увидел бригаду карабинеров (тоже в стальных нагрудниках), ожидавшую приказов в низинке возле Угумона. Их командира, генералу Бланшару, Келлерман приказал не участвовать в этом безумии. О том, что произошло после этого, вспоминал Келлерман:

«Лучшее, что есть во Франции», – удовлетворенно сказал генерал Фуа, глядя, как мимо него движется кавалерия навстречу своей судьбе. «Я глядел на их золотые нагрудники, – писал французский пехотный офицер о кирасирах. – Они проходили мимо меня, и больше я их никогда не увидел».

Тем временем кавалерия задержалась между союзными каре. Они подставлялись под огонь пехоты, потому что знали – лучшее время для нападения на каре сразу после залпа, пока задние ряды перезаряжают ружья, именно так было сломано каре при Ваграме. Однако британская пехота была обучена стрелять повзводно или поротно и не оставляла им шансов. Они налетали на каре, получали залп, затем их встречала британская легкая кавалерия, ожидавшая позади пехотного строя. Группа французов попыталась уйти обратно, мимо плюющихся мушкетным огнем каре, проделав круг за Угумоном и вернуться в свою часть долины. Это были кирасиры, их кони устали, многие были ранены, но всадники решили, что затопленная дорога выглядит достаточно безопасно для отступления к французским позициям. Вот только безопасной она не была. Дорогу преграждала засека, а возле нее поджидали 51-й полк, Йоркширский батальон и брауншвейгский полк. Сержант Уильям Уилер из 51-го спустя пять дней в письме к родителям рассказывал о том, что произошло:

Уилер заметил только одного выжившего, но на самом деле их было намного больше, и майор французской пехоты видел, как они вернулись на свой край долины.

А всадники все возвращались в злополучную атаку, и их снова отбрасывали. 14-й пехотный принадлежал к полку из Бедфордшира, единственный из британских батальонов при Ватерлоо, в котором не было ни одного ветерана Пиренейской кампании Веллингтона. Им командовал подполковник Тайди, Старый Фрэнк, как его называли солдаты. Его дочь записала, какой совет давал ее отец неопытным солдатам, когда те видели, как на них устрашающе несется кавалерия.

В этом и был секрет. Стоять крепко, потому что, пока каре держало строй, французская кавалерия была бессильна. Сержант Уилер восхищался «холодной, бестрепетной отвагой каре, которую являли часто под разрушительным огнем французской артиллерии».

Но и французская кавалерия была достаточно доблестна, чтобы наезжать снова и снова, через шквал артиллерийского огня на смертельную завесу огня мушкетного. Лейтенант Джо Блэк из «королевских шотландцев» почти жалел врага в письме своему отцу:

Но если умирали самые красивые всадники в мире, то умирали и «красные мундиры». Они не особенно пострадали от кавалерийской атаки, но между атаками продолжали работу французские пушки, и тогда вновь звучала команда: «Сомкнуть ряды!» Некоторые каре из квадратов ужались до треугольников. Ядра вспахивали гребень, врывались в каре. Сержант Уилер увидел Папашу, генерала Хилла, который командовал правым флангом армии Веллингтона. Генерал примчался в каре 51-го и попросил напиться, потому что у него пересохло в горле. Пока он пил из простой солдатской фляжки, возле него ядром убило четырех человек. Кавалерийская атака провалилась, по крайней мере провалилась затея маршала Нея. Когда под ним убило очередную лошадь, он был так раздосадован, что рубанул своим клинком ствол английской пушки. И все же Ней невольно проредил британо-голландские силы, потому что, пока солдаты стоят в каре, они служат прекрасной мишенью для опытных французских артиллеристов.

Во время этих атак британские и голландские пушки стояли без дела, но, как только конница отступила, их тут же включили в работу. Всадники далеко не отходили. Некоторые очевидцы говорят, что кавалерия отошла за гребень, но их шапки и шлемы оставались на виду и сигнализировали о том, что всадники перестраиваются для новой бесполезной атаки. Сколько было попыток? Никто не знает. Некоторые упоминают семь или восемь, другие говорят о двенадцати и даже больше, но вряд ли это знали сами французы. Они просто наступали до тех пор, пока потери не стали слишком велики для новой атаки. А между атаками, пока они готовились к следующему приступу, французские пушки били по британо-голландским позициям. Один батальонный офицер вспоминал:

Рассказ рядового Джона Смита из 71-го еще более живописен: «Во всех направлениях летали части тел, руки, головы, а меня ни разу не задело... Французская кавалерия – самые разудалые бойцы на свете, они атаковали нас много раз, но мы стояли как скала... Они падали на землю по 50–60 человек зараз, люди и лошади кувыркались целыми кучами». Погибло очень много лошадей. Чуть раньше, еще до начала кавалерийской атаки, капитан Мерсе видел, как в соседней батарее пушкари пытались увести раненого коня от своих пушек и лафетов, но он упирался, желая остаться с другими лошадьми. Наконец коня увели, и он сбежал к лошадям батареи капитана Мерсе. Капитан оставил такую запись:

Вместе с кавалерией прибыло несколько пеших застрельщиков, их появление оказалось большой неприятностью, потому что они с края плато стреляли в канониров, покамест конница ниже по склону перегруппировывалась для следующей атаки. Люди Мерсе хотели использовать картечь против стрелков, но он приказал им беречь заряды. Тратить картечь на засевших в укрытиях стрелков означало тратить ее попусту, да и вряд ли она бы им сильно повредила. По этой причине Мерсе решил показать пример и проехаться верхом перед своими пушками.

Около двух часов продолжались кавалерийские наскоки. То было напрасное уничтожение большей части наполеоновской кавалерии ради незначительных результатов и, что куда важнее, пустая растрата драгоценного времени. Маршал Ней продолжал использовать тактику, которая не работала, а Наполеон, глядя на это от *La Belle Alliance*, не вмешивался. Веллингтон же, наоборот, находился в самой гуще событий, двигаясь от батальона к батальону, временами укрываясь в каком-нибудь каре, а иногда погоняя коня, чтобы уйти от погони вражеской кавалерии. Его присутствие играло важную роль. Люди видели его, его спокойную уверенность – и сами преисполнялись ею. Он разговаривал с офицерами так, чтобы его могли слышать солдаты, перекрывая шум: «Вот сукин сын, это всего лишь фунтовое орудие!» Он убеждал солдат быть стойкими, обещая мирное время после победы в этом сражении. Слышал он и ворчание о том, что скорее бы пришли либо сумерки, либо пруссаки, но день был из самых длинных в году и до сумерек оставалось не менее четырех часов.

Впрочем, пока английская пехота выбивала французскую конницу, порой с востока доносился звук канонады. Вероятно, ни в британо-голландских каре, ни во французских эскадронах никто не слышал его. Он тонул в грохоте союзной артиллерии, треске мушкетной пальбы, в особом звуке, с которым мушкетные пули били по стальным нагрудникам кирасиров, «будто сильный град бьет по оконным стеклам», как заметил Гронау, и в топоте копыт. Однако это был судьбоносный звук, по крайней мере для французов, потому что то был первый выход на сцену прусских пушек. Сражение при Ватерлоо превращалось в битву трех армий.

Прусская армия выдержала долгий, изнуряющий марш по плохим дорогам, но все это время солдаты слышали, как пушки Мон-Сен-Жана бьют все громче и ближе. После опасного перехода через реку Лан они оказались в дремучем, густом парижском лесу, через который на запад вела лишь одна грязная, разбитая дорога, и усталым лошадям пришлось тащить по ней все пушки и лафеты – это сожрало порядком

времени. И на поле боя нельзя было выводить людей постепенно, батальон за батальоном, – так они становились легкой наживой для французов. Требовалось выставить сразу всю армию, готовую к бою, поэтому Блюхер строил войска в лесу.

Перед ним стоял выбор. Он мог двинуться на север и соединиться с армией Веллингтона на гребне. Либо мог дерзнуть ударить на юг и попытаться окружить французов. Он выбрал второй вариант. Корпус генерала фон Бюлова, который не сражался при Линьи, отправился атаковать деревню Плансенуа, лежавшую позади позиций Наполеона. Для первой атаки отрядили 31 000 человек, и когда те вышли из леса и построились побатальонно в колонны, то приняли за ориентир шпиль церкви в Плансенуа.

1-й корпус генерала фон Цитена, сильно пострадавший при Линьи, следовал на поле боя вслед за соединениями фон Бюлова. Они взяли севернее, потому что перед ними стояла задача соединиться с британо-голландскими силами на гребне. Весь день взад-вперед носились курьеры, но на сей раз Блюхер отправил к герцогу двух кавалерийских офицеров, чтобы объявить о появлении своей армии. Оба, в приметной прусской униформе, проскакали на виду у всего левого крыла армии Веллингтона, заваленного перебитой пехотой д'Эрлона. И по всей линии британских войск их приветствовали криками.

Только около 16:30 прусская армия торжественно явилась из леса, на этот раз тактика флангового удара, провальная при Линьи и Катр-Бра, отлично сработала. Наполеон надеялся, что д'Эрлон нанесет фланговый удар при Линьи, Блюхер те же надежды возлагал на Веллингтона. И теперь, два дня спустя, фланговая атака совершилась. Наполеон молил Груши вступить в бой, но Груши все еще находился в Вавре, где обнаружил прусский арьергард и атаковал его. Груши бился не в той битве и не в том месте, а те, с кем он должен был сражаться, теперь сражались с Наполеоном. «Наши люди были измучены, – писал Франц Либера, – но старый Блюхер не дал нам выдохнуть».

Колбергский полк Либера стоял в резерве, они смотрели, как солдаты фон Бюлова направляются через поля к далекому церковному шпилю. Кавалерия, пехота и артиллерия двигались вместе. Атака во всеоружии – как раз то, чего не смог Ней, отправив свою конницу вверх по склону, навстречу гибели. Французская артиллерия начала дуэль с тяжелыми прусскими пушками, которые приходилось каждые несколько минут перевозить, чтобы продолжать наступление. То была классическая атака: совместные действия артиллерии и пехоты при поддержке кавалерии, стрелки – впереди. Французская кавалерия непрерывно угрожала прусской линии стрелков, однако напала только однажды. Майор фон Коломб, командир прусских гусаров, отогнал ее прочь. Чуть позже фон Коломбу приказали атаковать французское каре, и он вызвал добровольцев из своего полка. «Добровольцы, из строя!» – окликнул фон Коломб, и тут же весь полк пришпорил коней и проехал несколько шагов вперед.

В открытом поле не было укрытий, не было обратного склона, чтобы спрятать людей, и канонирам с обеих сторон достались легкие цели. Полковник Огюст Петье видел, как одно из ядер «обезглавило эскадронного командира, оторвало две ноги у лошади другого всадника и убило лошадь полковника Жакино, командира 1-го гусарского и брата генерала дивизии. Одним ударом 1-й уланский лишился трех старших офицеров».

Генерала Лобау одолели числом и отбросили назад, но за ним лежала Плансенуа, крупнейшая деревня округа. И французские, и прусские солдаты получили горький опыт сражения на узких улочках Линьи и Сан-Армана, а теперь то же испытание грозило им в Плансенуа. Стены домов были каменными, как и церковное подворье, и Лобау превратил деревню в крепость. Плансенуа требовалось удержать, иначе прусская армия зайдет в тыл силам Наполеона и перережет дорогу на Брюссель. Лобау не разочаровал Наполеона, его люди превосходно организовали оборону, но прусские силы прибывали, и деревня вот-вот могла попасть в полное окружение. Лобау запросил помощи.

Генерал-лейтенант Иоганн фон Тильман тоже просил о помощи. Он командовал прусским

арьергардом, оставленным в Вавре отбивать атаки корпуса Груши. У Груши было 33 000 человек, а у Тильмана только половина этого количества, но пруссаки использовали реку Диль как линию обороны. Схватка была ожесточенной, особенно за Христов мост в Вавре, но превосходство в живой силе позволило Груши обойти Тильмана с фланга, и тот отправил Блюхеру просьбу о подкреплении.

«Ни кобыльего хвоста он не получит», – ответил Блюхер. Блюхер знал, что битва в Вавре – только отвлекающий маневр. Гнейзенау говорил: «Пусть его и побьют – что с того, если мы победим здесь».

Наступил летний вечер. Дым густо укрыл долину, и теперь он исходил от пушек при Плансенуа. Началась битва за эту деревню, а тем временем на севере линия обороны Веллингтона истончалась и истекала кровью. Французы снова атаковали.

Маршал Ней отправлял кавалерию в бесшабашную и безнадежную атаку, бросая коней и людей на непоколебимые каре.

Эти каре могла бы разрушить артиллерия, если бы Ней позаботился подвезти пушки поближе к линии. Еще их можно было разрушить с помощью пехоты. Такова она, игра «камень-ножницы-бумага», военная реальность Наполеоновской эпохи. Если заставить врага построиться в каре, то затем можно подвести к нему пехотную линию и подавить мушкетным огнем. Лишь в самом конце дня маршал Ней наконец прибегнул к этой тактике, отправив 8000 человек пехоты на штурм британских каре. Один из историков предположил, что Наполеон позволил кавалерии продолжать атаку, потому что само присутствие французской конницы заставляло союзную пехоту стоять в каре и делало ее уязвимой для артиллерийского огня, а артиллерия, несомненно, причиняла войскам Веллингтона страшные потери, но настолько ли они ослабели, чтобы последующая атака пехоты смогла прорвать линию обороны британцев?

Эти 8000 французов относились к корпусу генерала Рея, они не были втянуты в битву за Угумон. Битва еще кипела, но французы даже не приблизились к захвату шато. Мушкетные пули все так же барабанили по стенам, бомбы рвались в осыпающихся руинах главного здания, горы трупов лежали в саду и в огороде, но Угумон держался.

Защитникам шато с восточной стороны были видны французские колонны, ползущие вверх по склону. 8000 человек маршировали, их барабаны били, орлы реяли. Ватерлоо – крупное сражение с таким накалом и драматичностью, что атаку 8000 пехотинцев корпуса Рея часто упускают из виду, словно незначительную перестрелку, не заслуживающую внимания. Крупнейший бой французской пехоты в Пиренейских войнах был такого же масштаба, когда 8000 французов маршировали навстречу ужасам Альбуэры. А теперь Ней отправил дивизии генерала Башлю и генерала Фуа вверх по длинному склону. Их задачей было развернуться в линию и подавить каре союзников мушкетным огнем, но британцы стояли в каре только под угрозой кавалерии, а кавалерия выдыхалась. Она атаковала снова и снова, она проявляла необычайную храбрость, и все больше кавалеристов падали замертво на склоне холма. Когда пехота взобралась на склон, кавалеристов для атаки больше не осталось, а это значило, что пехота оказалась без поддержки конницы и британцы могут встретить ее в линии. То была четырехрядная линия с ограниченной огневой мощностью, но командиры батальонов знали, что конница может вернуться в любой момент, и четырехрядная линия служила компромиссным вариантом, позволявшим быстрее перестроиться в каре.

Французская пехота построилась в изрешеченном пулями лесу под Угумоном и двинулась в атаку. Впереди шли застрельщики, которым предстояло сражаться с британскими застрельщиками. Обе стороны использовали многочисленные человеческие и конские трупы как укрытие. А вслед за французскими тиральерами в атаку шли колонны. Полковник Трефсон, адъютант генерала Башлю, вспоминал об атаке:

«Спешно отступить» – это фигура речи. Генерал Фуа, бригада которого шла слева от дивизии Башлю,

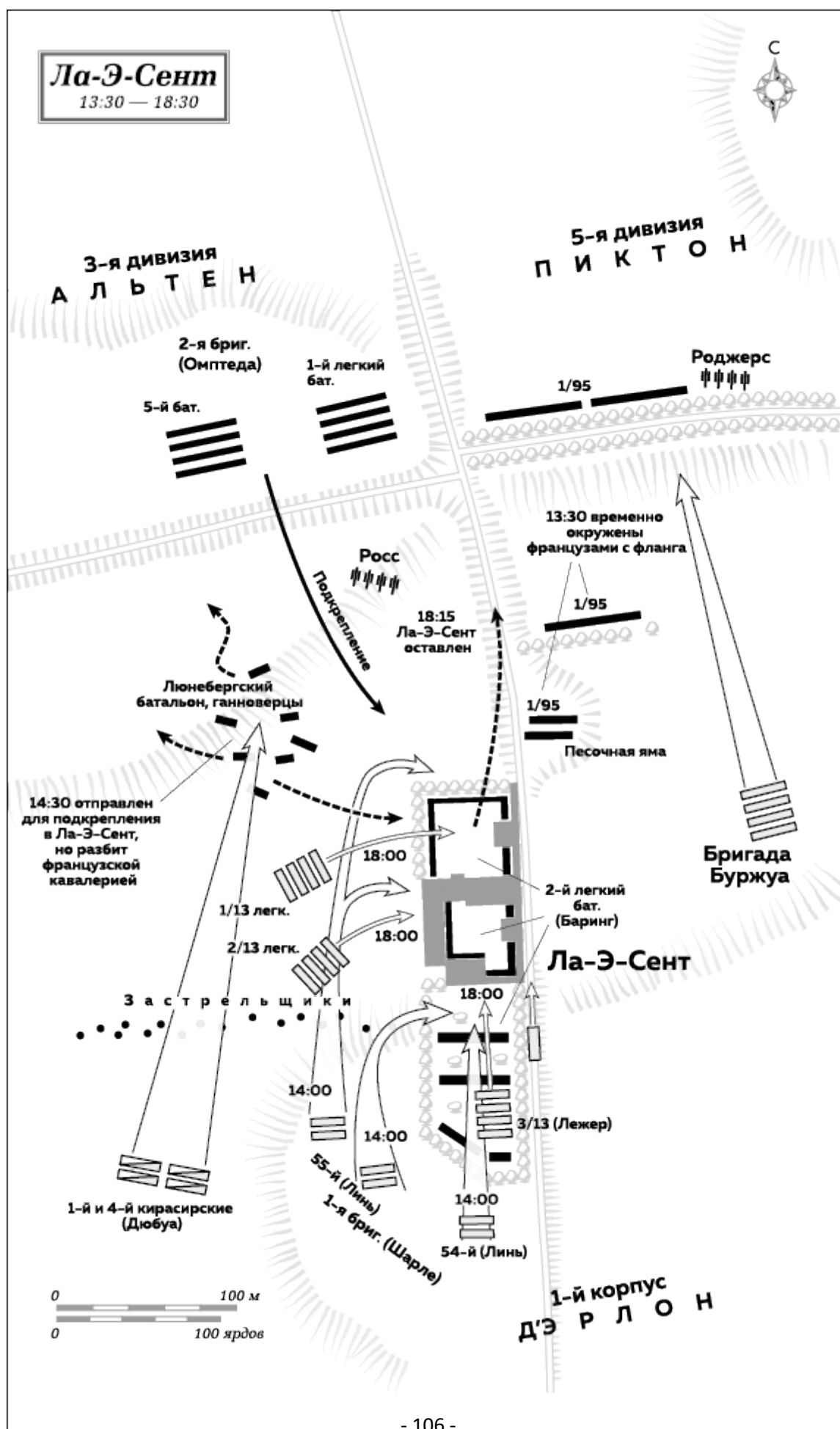
выразился проще:

Огневая мощь британской пехоты вновь доказала свою эффективность. 8000 человек были разбиты за считанные секунды и сброшены с гребня мушкетными залпами и располосованы картечью. Выжившие бежали вниз по страшному склону, уже мокрому от крови, покрытому толстым слоем мертвых и умирающих лошадей, мертвыми и ранеными людьми. Усыпанному нагрудниками, которые сорвали и выбросили спешенные кирасиры, торопливо спасавшие свою жизнь. Усеянному ножами, потому что многие французские кавалеристы торжественно побросали ножны палашей, показывая, что не вложат клинка в ножны, пока не победят.

Глупо отправлять незащищенную пехоту в атаку на британских солдат, которые, даже раненные, не сломали строя. Так же глупо отправлять в атаку кавалерию, не защищенную ни пехотой, ни адекватным артиллерийским обстрелом. Если император и вправду решил, что, принеся в жертву свою кавалерию, он уничтожит пехоту Веллингтона, то чудовищно ошибся, недооценив «вихрь смерти» и «огонь невероятной силы». Если французы собирались прорвать линию обороны Веллингтона, им следовало получше научиться играть в смертельную «камень-ножницы-бумагу», потому что для генералов Фуа и Башлю стало сюрпризом, что британские батальоны, уже разбитые, как они думали, могут ответить подавляющим мушкетным огнем.

Дальнобойная канонада продолжалась. «Красные мундиры» отошли с вершины гребня, мортирные снаряды падали на них, а ядра вспахивали площадку на вершине, но выиграть эту битву артиллерия не могла. Французам вновь требовалось атаковать британо-голландскую линию обороны, и до сих пор все попытки оканчивались неудачей. Однако французы наконец добились успеха.

Кризис назрел в центре линии Веллингтона.

11. «Защищайтесь! Защищайтесь! Они лезут отовсюду!»

«Каков обстрел, господа, – сказал герцог Веллингтон, когда французские пушки продолжили бомбардировку его позиций. – Посмотрим, кто будет стрелять дольше».

Стратегия герцога была довольно простой. Он решил драться на гребне и надеялся удержать Наполеона на расстоянии, пока не подойдет Блюхер. И вот Блюхер уже на поле боя, однако прусская армия продвигается ужасно медленно. Веллингтон сохраняет внешнее спокойствие, однако часто сверяется с часами. Позже герцог вспоминал: ему казалось, его часы отстают, их стрелки еле движутся. Прусская атака на Плансену отвлекла часть французских войск от поля между двумя гребнями, но для Веллингтона и его солдат это было неочевидно. Массовая бомбардировка продолжалась, а на французском гребне собиралась пехота для нового штурма позиций герцога.

«Прекрасные дочери» Наполеона обстреливали гребень Веллингтона, но артиллерия в одиночку не могла сдвинуть британо-голландцев. Требовался новый приступ. Тем не менее французы невольно помогли Веллингтону. Сперва задержали начало сражения, ожидая, пока подсохнет земля, а в день, когда на счету каждая минута, это стало подлинным благословением небес. Затем д'Эрлон атаковал плотным строем, из которого почти невозможно перестроиться в каре, и был разбит подошедшей конницей. Далее Ней в припадке оптимистического высокомерия бросил императорскую кавалерию под британский мушкетный огонь. Однако теперь, когда канонада загремела вокруг Плансенуа, французы все поняли правильно.

Ла-Э-Сент (название, что интересно, означает «остролист») был центральным бастионом позиций герцога, укреплением, стоявшим над гребнем, у главной дороги Брюссель-Шарлеруа. То была основательная ферма, далеко не такая большая, как Угумон, зато полностью сложенная из камня. Со стороны французов находился сад, дальше – подворье, а со стороны британского гребня и всего в паре сотен ярдов от перекрестка находился огород. С трех сторон двор окружали здания, а четвертую, протянувшуюся вдоль дороги, защищала высокая каменная стена, в которой имелись двое ворот. Большие двери амбара открывались на поле, откуда нападала французская кавалерия, но, в отчаянном поиске дров холодной дождливой ночью, гарнизон разломал и сжег обе двери. Западную сторону подворья занимали стойла и коновязь, а с северной стороны стояло главное здание с узким проходом сквозь него, ведущим в огород.

Ферма находилась в осаде на протяжении всего сражения, но, в отличие от Угумона, не была как

следует подготовлена к обороне. Прочные двери амбара пошли на топливо, предоставив французам удобный вход, а в стенах не было бойниц. Все саперы, проводившие инженерные работы на поле боя, были направлены для подготовки Угумона к осаде, а Ла-Э-Сент упустили из виду. Британский штаб-офицер этим был весьма раздосадован:

Тем не менее германские защитники выдержали все атаки французов. Французы заняли сад и огород, но их остановил каменный прямоугольник зданий и стрелки Королевского германского легиона. Когда корпус д'Эрлона был разбит и отступил, гарнизон вернул территорию огорода, но в саду оставались французские стрелки. Они пытались поджечь крышу амбара, но в небольшом прудике во дворе хватило воды, чтобы потушить пламя. Руководил защитниками майор Георг Баринг, опытный и талантливый офицер. В начале сражения в его подчинении находились 400 человек, но днем к ферме подошло подкрепление, и теперь у него было 800 человек.

Само их существование было занозой в пятке французов. Любая атака на гребень Веллингтона сопровождалась фланговым огнем стрелков КГЛ и британских застрельщиков из песочной ямы, через дорогу от фермы. Ла-Э-Сент мешал французам прямо атаковать гребень Веллингтона, заставляя делить усилия между фермой и Угумоном и между фермой и зданиями на левой стороне британо-голландской линии.

Хотя Ла-Э-Сент недооценили вначале, он оказался главной помехой на пути французских атак, и весь день французы пытались его захватить. Баринг писал, что враг «сражался с такой отвагой, какой я прежде не замечал у французов». Широкий дверной проем амбара забаррикадировали, а теперь он был отчасти завален трупами врагов, во внешних стенах наскоро прорубили бойницы, а некоторые из них пробили вражеские ядра с обеих сторон. И вот в конце дня, после неудачной попытки сломить сопротивление оставшихся британцев, маршал Ней отдал приказ убрать эту помеху. Он отрядил батальоны из корпуса д'Эрлона и повел их на север по главной дороге, на сей раз взяв с собой кавалерию и передвижную артиллерию.

Исход – хоть Ней и не знал этого – был предрешен, потому что у защитников подошли к концу боеприпасы. Баринг слал курьера за курьером, отчаянно умоляя прислать патронов, но подкрепления не было. Боеприпасы находились за гребнем, готовые к отправке, но по каким-то причинам ни одна из депеш Баринга не дошла до нужных людей, и запасы гарнизона таяли. «Представьте себе мои чувства, – сокрушался Баринг, – когда при подсчете патронов я обнаружил, что их осталось не более трех на человека!»

Итак, французы атаковали снова – под палящим солнцем, под расходящимися облаками, под густыми клубами сернистого дыма. Они окружили ферму, а дальше произошла сцена, лучше всего переданная одним из выживших, стрелком Фредериком Линдау. Он отмечен Барингом за героизм, потому что ранее, днем, был дважды ранен в голову. Его приказали отнести за гребень, чтобы оказать медицинскую помощь, но он отказался, не пожелав оставлять товарищей. Он сражался в наспех сделанной повязке, пропитанной ромом, а кровь продолжала заливать его лицо. Когда начался приступ, он находился в амбаре:

Линдау взяли в плен. Ему повезло. Его обыскали, отобрав большую часть того, что он, в свою очередь, награбил, но не убили, в отличие от многих из гарнизона, которых в пылу боя перерезали, когда те пытались сдаться в плен. Из 400 человек первоначального гарнизона только 42 ушли через узкий проход под главным зданием. Один из них – лейтенант Георг Грэме, что следует из рассказа майора Баринга.

Не все, кто пытался уйти через проход, смогли выйти в огород, потому что тесный коридор был завален мертвыми и умирающими:

Прапорщик Франк продолжал прятаться, его так и не нашли. Лейтенант Грэме также ухитрился

избежать пленения, он ускользнул через кухонное окно и добрался до гребня. Однако, пока продолжалось это сражение, принц Оранский, Тоший Билли, приказал батальону Королевского германского легиона отправиться на ферму и постараться спасти гарнизон. Командир батальона, полковник Омптеда, возразил, ответив, что французскую пехоту поддерживает кавалерия и что батальон не справится с пехотой и кавалерией разом. Правда, безусому принцу Оранскому было виднее, он настоял, чтобы Омптеда, старый опытный воин, подчинился приказу. Омптеда подчинился и погиб, его батальон был почти весь уничтожен кирасирами, захватившими еще одно знамя. Тощего Билли побили в очередной раз.

Ла-Э-Сент был потерян, потому что у гарнизона кончились боеприпасы, так что солдатам пришлось бить врага штыками, клинками и прикладами. Ответственность за эту потерю Веллингтон взял на себя. Через много лет 5-й граф Стэнхоуп вспоминал о разговоре с герцогом:

Во время штурма французы потеряли много людей, но захват фермы позволил перенести туда артиллерию. Они заняли здания, а по склону расставили застрельщиков, угрожая британо-голландской линии обороны. Теперь пушки наносили людям Веллингтона страшный урон, потому что с такого расстояния могли стрелять картечью. 16-летний прапорщик достопочтенный Георг Кеппель служил в 14-м полку, который двигался для подкрепления центра ослабевшей линии обороны Веллингтона. Из-за близости вражеской конницы батальону пришлось построиться в каре, и горнист 51-го полка, бывший на вылазке со стрелками, а теперь вернувшийся, перепутал 14-е каре со своим, но его приняли и здесь. Кеппель вспоминал, как тот сказал: «Наконец я снова в безопасности».

14-й был молодым полком, не сражавшимся на Пиренейском полуострове. Около половины солдат и офицеров были 20-летними. Теперь они жестоко страдали от французских пушек, у которых они были, по словам Кеппеля, как на ладони. Полку приказали залечь, а Кеппель вместо этого уселся на барабан и гладил морду полковничьей лошади.

По 14-му били бомбы, ядра и картечь. «Если бы мы долго находились в столь открытой позиции, вряд ли я дожился до того, чтобы поведать вам эту историю», – писал Кеппель, однако его полку все же приказали отойти с гребня, ставшего слишком опасным.

Ней видел это отступление, видел он и то, что центр линии Веллингтона критически обезлюдел. Войска в центре очень сильно пострадали от артиллерийского огня, а принц Оранский умудрился погубить целый батальон Королевского германского легиона. Однако и французы ослабели. Отряд, захвативший Ла-Э-Сент, понес огромные потери, его сил не хватало для новой атаки на гребень, и Ней отправил Наполеону срочную депешу с просьбой о подкреплении. Подкрепление могло пройти прямо по главной дороге, при поддержке пушек из Ла-Э-Сент, и французская конница, уже захватившая одно знамя Королевского германского легиона, тогда проложила бы себе дорогу через центр британо-голландской позиции. Отличный шанс, и Ней его распознал. Всего лишь нужны были еще войска.

Наполеон отказался дать их. «Интересно, откуда я возьму ему еще войск? – спросил он с сарказмом. – Или он полагает, что я их произвожу?»

А войска у него были – императорский резерв, Императорская гвардия, нетронутая и невредимая, но существенную ее часть Наполеон отправил в тыл. Некоторое количество гвардейцев направилось к Плансенуа, где напирала пруссаки, так напирала, что ядра прусских пушек теперь долетали до дороги Брюссель – Шарлеруа, за императорским штабом. Однако большая часть гвардии – «Бессмертные» – оставалась в резерве и могла прийти на выручку Нею. Однако император ждал.

Теперь с наступлением вечера на британском гребне настало трудное время. Французы будто почуяли слабость противника и удвоили мощность пушечного огня. Часть орудий теперь размещалась между Ла-Э-Сент и вязом у перекрестка. Прапорщик Эдвард Макриди из 30-го пехотного вспоминал:

Ответ Веллингтона прозвучал мрачно. Выполнить просьбу генерала Халкетта, как сказал герцог, невозможно. «Каждый англичанин должен умереть на том месте, где стоит». Можно представить, какое зловещее впечатление вызвал приказ забрать знамена 30-го полка в тыл. «Такие меры предприняли многие, – писал Макриди, – но просто невероятно, с каким легким сердцем я был готов смотреть в глаза опасности, зная, что наша драгоценная ветошь надежно укрыта».

Знамена уносились в тыл только в крайнем, критическом случае, чтобы после поражения они хотя бы не достались врагу. Другие батальоны тоже подумывали над тем, чтобы убрать в тыл знамена. Прапорщик Джеймс Говард был приставлен к знамени 33-го, старого герцогского полка, а на 18 июня как раз выпал день рождения Говарда. Он написал своему брату: «Кровавая была работенка. Никогда не забуду это побоище». После падения Ла-Э-Сент Говард огляделся:

Веллингтон самолично привел подкрепление, и то был последний его резерв. На тот момент все, что он мог сделать, – оставить людей на гребне и укрыть их от вражеских пушек, насколько возможно. Однако, когда батальоны уходили на обратный склон, прячась от ядер и бомб, они оставляли вершину вражеским стрелкам, французы отправили тысячи человек врассыпную, чтобы измотать британо-голландские соединения. Падение Ла-Э-Сент позволило французам занять большую часть переднего склона британского гребня, и вольтижеров там было достаточно, а за ними в густом пороховом дыму скрывалась кавалерия. Прапорщик Лик из 52-го писал:

Бомбы перемахивали гребень и причиняли большой ущерб, хотя один 17-летний рядовой из 32-го подобрал упавшую бомбу. Ее фитиль горел, искрясь и дымя, огонь подбирался к центральному заряду. Рядовой размахнулся и бросил ее, как бросают мяч. Она взорвалась, никого не задев. Ядро менее опасно, поскольку летит по более прямой траектории. Те, кто укрылся на обратном склоне, лучше защищены от него, но очень многие солдаты пригибались, когда ядро пролетало низко над головой. Сэр Джон Колборн, обаятельный офицер, командовавший 52-м, убеждал солдат перестать пригибаться, а то подумают, что они – второй батальон. Обычно полк состоял из двух батальонов. Первый отправлялся на действительную службу, а второй оставался дома, тренировать новобранцев. Шутка сработала, и солдаты встали прямо. 52-й находился в сравнительной безопасности от артиллерийского обстрела, зато сильно страдал от французских стрелков на вершине гребня. Капитан Патрик Кемпбелл, отлучавшийся по делам, вернувшись, заметил, что огонь все такой же плотный, как и в то время, когда он уезжал к герцогу.

За 52-м стоял 1-й пехотный гвардейский, и тоже в каре, опасаясь нового появления вражеской конницы на вершине гребня. В каре солдаты представляли собой легкую цель для застрельщиков, усеявших вершину гребня, но герцог, видя, что происходит, взял командование батальоном на себя. Он приказал батальону построиться в четырехрядную линию и сам повел ее вперед. Стрелков с вершины гребня британцы отбросили мушкетными залпами. Прапорщик Лик наблюдал за этим из одного из двух каре 52-го полка:

Другие батальоны, по примеру гвардейцев, построились в линию и выгнали вольтижеров, соблюдая наилучшую дисциплину на свете. Сухой отчет Лика свидетельствует о превосходной муштре и выучке, которая выручала «красные мундиры» в этих смертоносных условиях, но не предотвратила потерь от рвущихся бомб, свистящих по рядам ядер и полчища вражеских стрелков. Зато французские стрелки сослужили союзникам по крайней мере одну добрую службу, когда застрельщик засадил мушкетную пулю в левое плечо принцу Оранскому. Тощий Билли оставил поле боя и отправился за медицинской помощью и, стало быть, уже не мог нанести ущерба собственным войскам нелепым командованием. Едва ли такая помощь пошла на пользу французам. Мерсе вспоминал о «целой туче стрелков», которая двинулась на британский гребень, терзаемый пушечным огнем. Большие орудия ревели, их снаряды визжали над затянутой дымом долиной, тени на земле становились длиннее. Бедный майор Баринг, которого выбили

из Ла-Э-Сент, вместе с немногими выжившими присоединился к другому батальону КГЛ. Он отыскал брошенного французской кавалерией коня и сел верхом, но тут же пять пуль пробили седло, а одна сбила с майора шляпу.

В итоге он освободился, но заметил, что центр линии Веллингтона «занят весьма слабо и неплотно». Майор находился справа от 27-го пехотного – одного из сильнее всего побитых британо-голландских соединений. То был ирландский полк, взятый из резерва для усиления центра армии Веллингтона, и они оказались ближе всех к пушкам, установленным французами в Ла-Э-Сент. Ирландцы держались на своем рубеже и умирали там же. 16 из 19 офицеров были убиты или ранены. Примерно из 700 человек прочих званий пострадали не менее 463. Когда битва закончилась, 27-й все еще стоял в каре, но каре это состояло в основном из мертвецов. В каре 73-го батальона, который сражался при Катр-Бра, ряды смыкали неохотно, опасаясь, что следующее ядро ударит в то же место, где только что убило их товарища. Подполковник Харрис, их командир, заехал верхом на коне в брешь и сказал: «Ну что ж, ребята, раз вы не будете, то я должен», показав всем, как нужно исполнять долг. В какой-то момент Веллингтон подъехал к каре 73-го и спросил, кто им командует. «Я ответил: “Полковник Харрис”», – вспоминал капитан Джон Гарленд. И тогда герцог велел ему «сказать полковнику Харрису, чтобы полк построился в линию, но при атаке кирасиров следует перестроиться в каре». Линия, даже четырехрядная, гораздо меньше страдала от артиллерийского обстрела, чем каре.

Бедняге Гарленду предстояло получить тяжелую рану и несколько месяцев провести в брюссельской больнице, прежде чем он смог вернуться в родной Дорсет, где назвал построенный им дом «Коттедж Катр-Бра». Его свидетельство о разговоре с герцогом – яркий пример того, как Веллингтон успевал появляться в самом центре событий, в самом опасном месте, и всегда помогал советом или приказом. Наполеон наблюдал за битвой издали, но Веллингтону нужно было видеть и слышать, что происходит. Он на короткое время взял на себя командование гвардейским батальоном, повел их на гребень, ободрил солдат, а главное – его увидели. Шоу Кеннеди, британский штаб-офицер, рассказывал о спокойствии герцога, его «пунктуальности и энергии», его «полном самообладании»:

Должно быть, герцогу было известно, что Наполеон предпринял последнюю попытку прорвать его линию, и все, что он мог сделать, – приготовить позиции к бою, а кроме того, союзные силы должны были выдержать артобстрел. Марк Эдкин, который больше, чем кто бы то ни было, сделал для изучения печальной статистики Ватерлоо, подсчитал, что две трети потерь в армии герцога приходятся на жертв артиллерии, и именно в этот период боя урон был больше всего. По всей длине гребня солдат ранило и убивало. Вероятно, маршал Ней был прав. Одна мощная атака, грамотно проведенная комбинацией из артиллерии, кавалерии и пехоты, наверняка разбила бы истощенную линию обороны Веллингтона, но отказ Наполеона прислать подкрепление подарил герцогу время. И он использовал его, сплотив войска, потому что первые прусские отряды из корпуса фон Цитена уже подошли к восточной части гребня, и герцог мог перебросить часть войск с края левого фланга, чтобы укрепить центр. Он отправил приказ генерал-майору сэру Хасси Вивиану переместить его легкую кавалерийскую бригаду в центр гребня, но Вивиан – умный и опытный командир – предвосхитил этот приказ и уже был в пути. Он вел своих людей туда, где «красным мундирам» приходилось туго.

Отступающими солдатами были молодые, неопытные брауншвейгцы, которые в панике бежали от мясорубки, происходившей на гребне. Кавалерия Вивиана остановила бегство, но не кто иной, как сам герцог, собрал их и повел обратно на гребень. То же самое он проделал с сильным голландско-бельгийским батальоном, самым последним из его резервов. Анри Дюперье, который, несмотря на французское имя, был офицером 18-го гусарского, служил под командованием генерала Вивиана. Он находился позади этих неопытных солдат и видел, как офицеры «стегали их ремнями (словно испанские погонщики скота), чтобы заставить понюхать пороху»:

Продвигаясь с этим батальоном в крепкой, четырехрядной линии, герцог сумел очистить вершину гребня от большей части застрельщиков. А те ребята из 95-го, которых вернули на позиции, сумели обстрелять французских артиллеристов, поставивших свои батареи у перекрестка. И все-таки линия не могла стоять на вершине из опасения перед крупнокалиберными французскими пушками, поэтому, как только союзная пехота ушла с вершины гребня, туда вернулись стрелки. Для многих в союзных войсках это было худшее время за весь день битвы. Французы заняли передний склон позиции герцога, их пушки наносили страшный урон защитникам, но в беде находился уже не герцог, а Наполеон, потому что прусская армия появилась на поле боя, а время Наполеона вышло.

Солдаты маршала фон Бюлова выбили французов из Плансенуа. Это была рукопашная схватка, штыковой бой и драка прикладами в проулках и садах. Пушки извергали ядра и картечь на узкие улочки, затянутые пороховым дымом и залитые лужами крови. Горстка французских солдат закрепились в нескольких домах на западном краю деревни, но они рисковали попасть в окружение, потому что прусские войска наступали и со стороны полей, и со стороны деревни.

Наполеон не мог допустить потери Плансенуа. Деревня располагалась позади построения его войск и могла стать базой, с которой солдаты Блюхера выйдут на брюссельскую дорогу. А если они перекроют дорогу, французам не останется возможности к отступлению. Французская армия фактически окажется в окружении, поэтому император отправил Молодую гвардию, чтобы отбить Плансенуа.

Молодая гвардия была частью императорской, элитным войском, столь любимым императором. Чтобы попасть в гвардию, солдат должен пройти три военные кампании, хорошо себя зарекомендовать и быть человеком куда более дисциплинированным, нежели нравственным. Счастливчикам полагалась наилучшая экипировка, повышенное жалование и особая униформа. Традиционно гвардия (у которой имела своя пехота, кавалерия и артиллерия, и она таким образом представляла собой армию внутри армии) держалась в стороне от поля битвы, чтобы в нужный момент нанести решающий удар. Совершенно естественно, что среди всей огромной французской армии царил недовольство привилегиями, которые доставались на долю гвардейцев, но тем не менее большинство солдат питали надежду когда-нибудь попасть в их ряды. Прозвище гвардии – «Бессмертные» – было отчасти саркастическим, напоминая о том, что во многих битвах гвардию в бой так и не отправляли. Сами гвардейцы называли себя гроньярами – ворчунами, потому что считали досадным сидеть в резерве, пока другие дерутся. Однако там, где было недовольство, было и восхищение. Гвардия отличалась беззаветной преданностью Наполеону, они доказали свою храбрость, они сражались, как тигры, и хвалились тем, что никогда не проигрывали. Любой враг считался с их высокой боеспособностью и эффективностью.

Молодую гвардию составляли стрелки, они были способны сражаться в линии и в каре, как любой пехотный батальон, при Ватерлоо их было чуть более 4700 человек. Когда стало очевидно, что пруссаки превосходящими силами выдавили Лобау из Плансенуа, император направил туда все 8 батальонов Молодой гвардии, чтобы отбить деревню. Ими командовал генерал Гийом Филибер Дюэм, откровенно неприятный персонаж, дитя Французской революции. Сын рабочего, он вышел из рядовых за смекалку, но, кроме того, был продажен, корыстен, злобен и жесток. Он учился на нотариуса, однако стал солдатом и на Наполеона смотрел с подозрением, справедливо полагая, что император изменил многим принципам Французской революции. Однако Дюэм был слишком хорошим солдатом, чтобы не считаться с тем, что Наполеон доверил ему Молодую гвардию. Также Дюэм был экспертом в тактике легкой пехоты, его брошюра «Исторический очерк о легкой пехоте» (*Essai Historique de l'Infanterie Légère*) большую часть XIX века была классическим трудом для изучения предмета.

Легкая пехота, обученная думать и действовать независимо, превосходно подходила для контратаки

на Плансенуа. Молодая гвардия подошла к деревне и была обстреляна мушкетным огнем из окраинных домов, но Дюэм отказался отвечать на этот огонь, а вместо того повел людей прямо на улицы, чтобы произвести там зачистку при помощи штыков. Это удалось, пруссаки были выбиты из деревни и даже отброшены на некоторое расстояние. В жестокой схватке генерал Дюэм получил серьезное ранение в голову и умер через два дня.

Молодая гвардия сделала все, что от нее требовалось, и поддержала традиции императорской гвардии, но войска фон Бюлова с каждой минутой пополнялись новыми и новыми отрядами, которые переходили долину Лана и пробирались сквозь парижский лес. Пруссак контратаковали, выбили французов из домов с западного края деревни и осадили церковный погост, окруженный каменной стеной. Полковник Иоганн фон Хиллер вел одну из прусских колонн, которые «успешно захватили мортиру, две пушки, несколько обозных телег, двух штабных офицеров и несколько сотен человек».

Молодая гвардия сражалась отчаянно, но Блюхер мог позволить себе бросать в этот котел все новых людей – постепенно и неизбежно Молодую гвардию оттеснили. Пруссак отбили церковь и погост, затем взяли дом за домом, сад за садом, с боем проходили улицы и горящие дома, а Молодая гвардия, теперь безнадежно проигрывая численно, вынужденно отступала.

Наполеон держал в резерве 13 батальонов императорской гвардии. Он расположил их на севере и на юге, сформировав линию обороны на тот случай, если пруссаки пойдут в прорыв от Плансенуа. Однако, чтобы предотвратить его, он отправил два батальона Старой гвардии в подкрепление полураздавленным французским войскам в деревне. Оба батальона с примкнутыми штыками отправились в дым и хаос, их появление ободрило выживших солдат, и бой за Плансенуа разгорелся снова, теперь в пользу французов. Новоприбывшие ветераны Старой гвардии проложили себе путь к погосту, захватили его и расположились под защитой каменных стен, но и на них наседали жестоко, так что в какой-то момент их генерал, барон Пеле, схватил драгоценного орла и закричал: *À moi, Chasseurs! Sauvons l'Aigle ou mourons autour d'elle!*^[29] Гвардия собралась. Позже, во время боя, Пеле с отвращением обнаружил, что гвардейцы режут горло пленным пруссакам, и остановил бойню. По крайней мере на какое-то время Пеле укрепил оборону, и Плансенуа остался за императором. Угроза удара Наполеону в тыл миновала.

Но прусская армия выводила на поле боя не только людей фон Бюлова. 1-й корпус генерал-лейтенанта Ганса фон Цитена в начале дня вышел из Вавра и взял севернее, чем войско фон Бюлова. Они задержались, потому что встретили на перекрестке 2-й корпус генерала Пирха, следовавший за фон Бюловым по южному пути. Каждый из двух корпусов состоял из нескольких тысяч человек, в каждом катились пушки, шел обоз с припасами, и на перекрестке они долго не могли разъехаться. И фон Бюлов, и Пирх были отправлены против правого крыла армии Наполеона, в Плансенуа, но фон Цитен взял севернее, чтобы соединиться с войсками Веллингтона на гребне.

Отряды генерала фон Цитена активнее участвовали в битве при Линьи, где потеряли почти половину своих сил. Теперь, в лучах заходящего солнца, фон Цитен вел к позициям Веллингтона около пяти тысяч человек. Они услышали битву задолго до того, как увидели ее, хотя за деревьями должны были быть видны и тучи порохового дыма, подсвеченные вспышками выстрелов. Первый контакт произошел, когда головные отряды подошли к шато Фришермон, основательной постройке на левом краю позиции Веллингтона. Его занимал гарнизон из нассауских войск Бернгарда Саксен-Веймарского – те же люди, которые два дня назад, отважно защищаясь, спасли Катр-Бра. Они сражались весь день, отбивая французские атаки на Паплот и Ла-Э. Теперь их внезапно атаковали с тыла. Один из офицеров, капитан фот Реттбург, вспоминал, как пехота была внезапно отброшена бесчисленными стрелками и следовавшими за ними пехотными колоннами:

Фон Реттбург не рассказывал о своем храбром поступке, который положил конец злополучной стычке

союзников. Он вышел под мушкетный огонь, чтобы сказать пруссакам об их ошибке. Солдаты из Нассау носили темно-зеленую униформу, которую можно спутать с темно-синими французскими мундирами, и их головные уборы формой повторяли французские.

Дальше последовала еще большая путаница. На гребне отчаянно нуждались в подкреплении от фон Цитена. Веллингтон знал, что, скорее всего, французы снова пойдут в атаку, и если прусские отряды укрепят его левое крыло, то он сможет перебросить часть своих сил в центр. Генерал фон Цитен выслал вперед разведчиков, и один из них, молодой офицер, вернулся и сообщил, что все пропало. Он видел полное отступление армии Веллингтона. В точности как маршал Ней, он увидел хаос позади линии Веллингтона и принял его за отступление, решив, что войска в панике бегут. На самом деле это были раненые, отправляемые в тыл, обозы, прислуга и отбившиеся лошади. Среди них рвались бомбы, и ядра, пропав на вершину гребня, падали на них, разбрасывая комья земли. Это выглядело, как будто французы обстреливают паникующие массы, добавляя им скорости на дорожку. Французский офицер мог вообще не разглядеть, что творится на гребне, потому что тот был затянут дымом, но сквозь пороховой дым виднелись красные вспышки от выстрелов французских пушек и мелкие мушкетные, которые внезапно вспыхивали в дыму и тут же гасли. Тут и там раздавались большие взрывы, когда бомба попадала в артиллерийский зарядный ящик, а «туча» французских стрелков находилась близко в вершине гребня, там уже были и несколько пушек, а позади стрелков маячила кавалерия, смутно видимая сквозь дым. Неудивительно, что молодой офицер решил, будто французы заняли гребень, а войска герцога отступают. Он поскакал назад к Цитену и рассказал ему, что положение безнадежно, что соединиться с Веллингтоном не получится, потому что герцог разгромлен.

И в этот самый момент прибывает штаб-офицер от Блюхера с новым приказом. Это капитан фон Шарнхорст, он никак не мог найти Цитена, поэтому поскакал в голову колонны и передал им приказ напрямую: им следует развернуться кругом и следовать на юг, чтобы помочь Блюхеру с его застрявшей атакой на Плансенуа. Похоже, Веллингтону подкреплений не доставалось, вместо этого пруссаки решили дать собственное сражение к югу от наполеоновского гребня.

Генерал фон Мюффлинг, офицер, ответственный за связь с Веллингтоном, ожидал прибытия фон Цитена. Он ожидал его гораздо раньше, но вот наконец корпус Цитена виднеется с левого края позиции Веллингтона. И вдруг, к удивлению фон Мюффлинга, войска разворачиваются и уходят. «Из-за этого разворота, – сообщал фон Мюффлинг, – можно было проиграть битву». И вот фон Мюффлинг пришпорил коня и поскакал догонять уходящих пруссаков.

Тем временем между подполковником фон Райхе, одним из штаб-офицеров Цитена, и капитаном фон Шарнхорстом разгорелся ожесточенный спор. Фон Райхе хотел выполнить первоначальный приказ и прийти на помощь Веллингтону, несмотря на доклад о поражении герцога, но фон Шарнхорст настаивал на том, что выполнять следует новые приказы Блюхера. Фон Райхе писал:

Пока продолжался спор, войска остановились. Тут прискакал командующий авангардом фон Цитена, генерал Штайнметц, разозленный задержкой, и бесцеремонно заявил фон Райхе, что исполнять нужно новый приказ. Колонна послушно двинулась на восток, ища кратчайший путь к Плансенуа, и вот тогда появился фон Цитен, и спор разгорелся с новой силой. Фон Цитен всех выслушал, а затем принял смелое решение. Он проигнорирует новые приказы Блюхера и, вняв заверениям фон Мюффлинга, что герцог пока не побежден, прикажет своим войскам идти на британо-голландский гребень. 1-й прусский корпус наконец соединится с армией Веллингтона.

У 1-го корпуса были свои пушки: 6-фунтовые пушки и 7-фунтовые мортиры. Их-то первыми и применили против французов. Они предварительно постреляли вдоль гребня, вероятно, целясь во вспышки выстрелов и облака дыма вокруг Ла-Э-Сент. И очень скоро на них ответили контрбатареиным

огнем. Лучше всего эта история изложена капитаном Мерсе из Королевской конной артиллерии:

Прусские пушки попали в батарею Мерсе и нанесли урон, а Мерсе, несмотря на приказ герцога, запрещавший контрбатареинный огонь, ответил. Ошибку быстро исправили. Вероятно, подобные ошибки были неизбежностью: в союзных армиях было достаточно необычных видов униформы, а дым, озаряемый вспышками, мешал видеть. Уже наступил восьмой час вечера, весы военной фортуны склонялись не в пользу императора, но не все еще было потеряно.

Императорская гвардия Наполеона вновь сотворила чудо. Десяти батальонов хватило, чтобы сорвать прусскую атаку на Плансенуа, а еще 11 батальонов стояли в резерве. Французы крепко наседали на линию Веллингтона, где уже взобрались на вершину, особенно в центре, над Ла-Э-Сент. Ней выпрашивал подкрепления, чтобы нанести смертельный удар по центру Веллингтона. Наполеон ему отказал, но теперь, когда пруссаков становилось все больше, наступило время бросить в бой лучших солдат Франции, а то и во всей Европе – на израненный строй британцев.

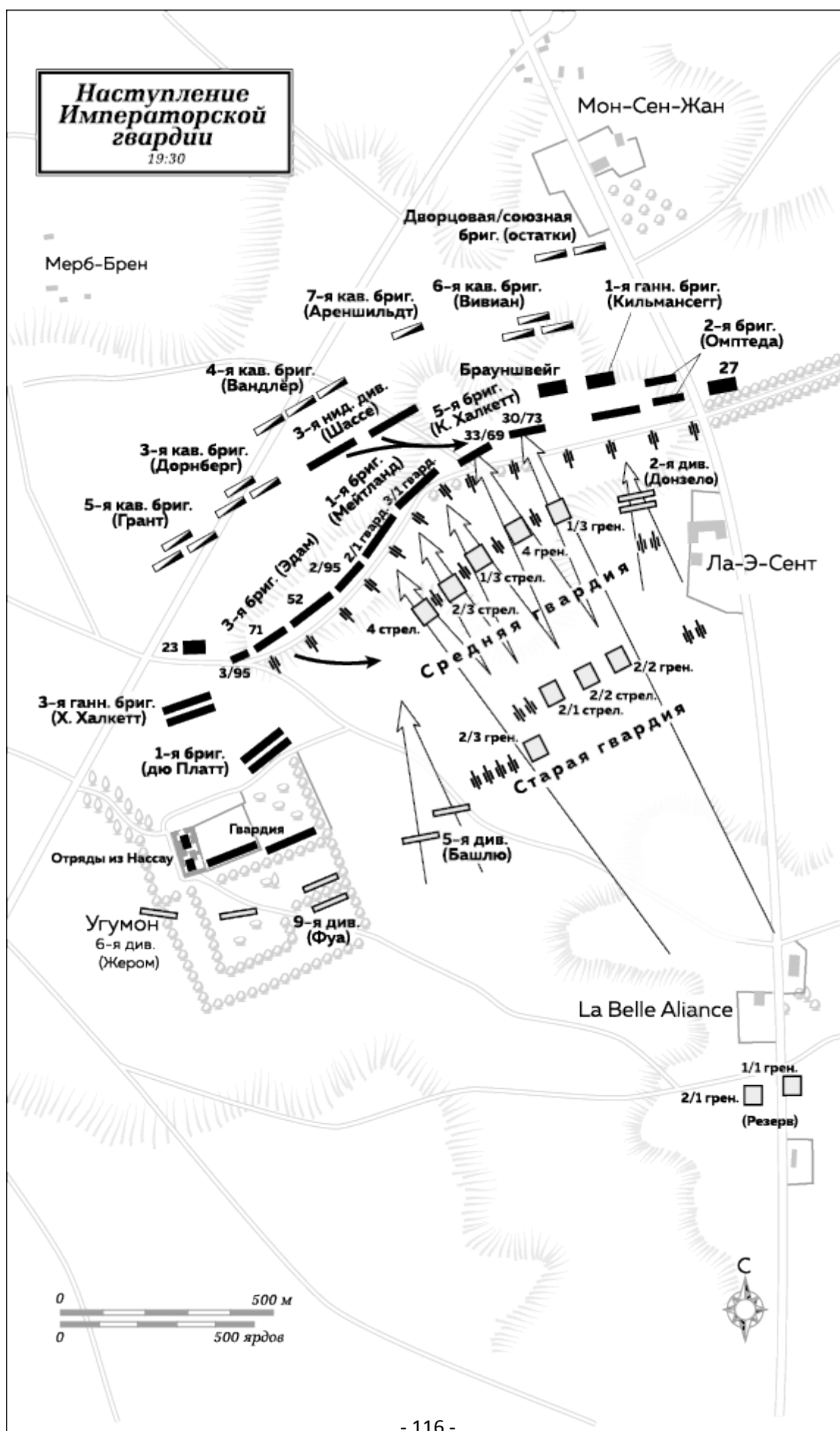
Джон Кросс служил капитаном в 52-м, крупнейшем из батальонов Веллингтона, таком большом, что при построении его хватало не на одно каре, а на два. Кросс, ветеран Пиренейской кампании, сильно ушибся в тот день, но остался со своей ротой. Батальон несколько раз ходил на вершину гребня, спроваживая оттуда французских стрелков вниз по склону. Когда они в очередной раз разгоняли залпами вольтижеров, капитан заметил вдалеке вражеских кирасиров, которые сквозь дым ехали в направлении Угумона. Ничего особенного в этом не было – с тех пор как кавалерии не удалось сломать союзные каре, ее отряды рыскали по всей долине. Однако теперь Кросс увидел, что один офицер внезапно отделился от остальных кирасиров и на полном скаку направился к 52-му. Кросс вспоминал, что, приближаясь, он закричал: *Vive le Roy!*^[30] Он держал клинок над головой, но клинок был в ножнах в знак мирных намерений кавалериста. Это был роялист, и скакал он с предупреждением, что «Императорская гвардия на марше и готовит грандиозную атаку».

Императорская гвардия непобедима, ведь это «Бессмертные».

И они должны были закончить сражение.

Наступление Императорской гвардии

19:30

12. «Самое большое после проигранной битвы несчастье – битва выигранная»

Сейчас около семи часов вечера, еще светло, однако тени становятся длиннее. Прояснилось, недавние ливни ушли на восток, туда, где маршал Груши сражается с прусским арьергардом в Вавре. В небе над Мон-Сен-Жаном рваные облака, в прорехи заглядывает солнце, но солнечные лучи вязнут в облаках дыма, которые стелются над рожью, ячменем и пшеницей, утопанными, как выразился один британский офицер, до состояния индийского тростникового коврика. Тысячи тел лежат в долине и на гребне, который солдаты Веллингтона удерживали на протяжении восьми часов. Сражение еще не закончилось, однако Наполеон знает – у него остался только один шанс на победу. Император рискнул и бросил кости. Выпало пять и три.

Пять батальонов Средней гвардии и три батальона Старой гвардии должны подняться по кровавому склону в последней атаке на линию обороны союзников. Восемь батальонов. Наполеон начинал этот день, имея 21 батальон Императорской гвардии, но был вынужден отправить 10 из них, чтобы сдерживать пруссаков у Плансенуа. Из 11 оставшихся (еще один батальон в Россоме охранял императорский багаж, слишком далеко, чтобы звать его в этот последний бой) три он зарезервировал. Наполеон отдал приказ генералу Друо, командующему гвардией: *La Guard au feu!*^[31]

В лучшем случае эти восемь батальонов состояли из 5000 человек каждый, может, чуть меньше. В первой пехотной атаке на линию Веллингтона участвовало 18 000 человек, во второй, которую проводили Башлю и Фуа, около 8000. 18 000 графа д'Эрлона почти добились успеха, но нападение британской тяжелой кавалерии разметало их. Башлю и Фуа были разгромлены почти шутя, «красные мундиры» расстреляли их из мушкетов. По этой причине на первый взгляд атака Императорской гвардии казалась безнадежной, пока она не началась, особенно это касалось трех батальонов Старой гвардии, «ворчунов», стоявших в резерве. Эти три батальона спустились в долину и ждали там, готовые устремиться к успеху вслед за пятью батальонами Средней гвардии. Эти пять батальонов насчитывали около 3500 человек, опасно малое количество для атаки позиций, которые защищает герцог Веллингтон. Однако все эти 3500 были ветеранами, фанатично преданными императору. Они берегли свою репутацию и считались невероятно надежными. Они знали, что их отправляют в бой, только если дела отчаянно плохи, они похвалялись, что ни разу не были побеждены, и очень немногие возразили бы против того, что Императорская гвардия Наполеона была лучшими войсками в Европе.

Кроме того, Средняя гвардия атаковала не одна. На гребень союзников были брошены все остатки наполеоновской пехоты. Правда, в колонне они не шли, а отправились плотной россыпью как стрелки, а за

ними следовало все, что осталось от императорской кавалерии. Две батареи конной артиллерии Императорской гвардии сопровождали 8 батальонов, а «гран-батарея» продолжала обстреливать гребень, пока свои войска не заслонили цель.

Сам Наполеон повел гвардию вперед. Он проехал во главе гвардейцев от французского гребня до середины долины, а затем передал их маршалу Нею, который и повел тех на британо-голландский гребень. Справа от Наполеона, где-то за дымом, клубившимся над телами пехотинцев д'Эрлона, показались новые войска, видимые с гребня союзников, – новые войска и новые пушки. А император, зная, что весть о прибытии прусской армии деморализует его солдат, солгал им. И отправил офицеров распространять неправду, будто это подошли солдаты Груши, чтобы напасть на левый фланг Веллингтона, пока «Бессмертные» разбираются с центром. Одним из офицеров, которому приказали распространять ложь, был полковник Октав Ле Вавасёр, адъютант маршала Нея. Ле Вавасёр писал в мемуарах:

Линия, к которой прискакал Ле Вавасёр, шириною была почти во все поле боя. Пехота, захватившая Ла-Э-Сент, поднялась на гребень, как и остатки корпуса д'Эрлона. Выжившие из бригады генерала Башлю атаковали возле Угумона, сражение за сам шато тоже возобновилось, когда на его стены пошли приступом солдаты Фуа. Солдаты генерала Рея шли позади гвардии. И все они прилагали максимальные усилия, чтобы завершить этот день победой. Ней выступил перед войсками с речью. Капитан Пьер Робино из пехоты, осаждавшей Угумон, слушал, как рыжеволосый маршал выкрикивает: «Смелее! Французская армия победоносна! Врага бьют повсюду!» А вскоре прибыл штаб-офицер с известием от Наполеона о том, что войска Груши вышли на поле боя. Наполеон дурачил своих солдат, пытаясь поднять их боевой дух, и большинство солдат поверило его сообщению, только генерал, который встречал Ле Вавасёра, знал правду. «Посмотрите, – сказал он с отвращением, указав рукой в сторону левого крыла линии Веллингтона, – там пруссаки!»

Конечно, бросить гвардию в атаку было очень рискованно, но Наполеону ничего другого и не оставалось. «Пространство, – сказал он однажды, – я могу отыграть, а время – никогда». Атаку Блюхера на Плансенуа остановили солдаты Лобау и 10 гвардейских батальонов, но Наполеон знал, что численность прусских войск будет только возрастать. А еще он знал, что прусское подкрепление добралось до восточного края линии Веллингтона, и теперь распределение новоприбывших по всему гребню становится только вопросом времени. Проще говоря, вскоре ему придется противостоять двум армиям, которые в сумме сильно превосходят по численности его, но оставалось еще два часа светового дня, а этого времени достаточно, чтобы уничтожить одну из армий. Если гвардия прорвется сквозь линию Веллингтона, если французы перевалят через гребень и обратят британо-голландскую армию в беспорядочное бегство, тогда он обратится против пруссаков, а те, видя, что союзники явно разгромлены, могут и отступить или просто остаться на ночь на месте. А потом 19 июня состоится новое сражение, только на этот раз Груши действительно придет и поучаствует в нем. Риск был велик, но победа на британском гребне могла вновь повернуть фортуна лицом к Франции. В одном из своих утверждений о простоте войны Наполеон сказал: *On s'engage, et alors on voit* – «Главное ввязаться, а там поглядим!» Вот он и ввязался, теперь весь мир будет глядеть.

А какие у него были еще варианты? Если он не атакует, тогда атакуют его. На него уже напали в Плансенуа, и, если бы он убрал свои войска на гребень, на котором они начинали этот день, ему пришлось бы ожидать совместного нападения британо-голландской и прусской армий. Можно благоразумно отступить, собрать остатки своей армии, уйти через реку Самбру и жить дальше, а сражаться как-нибудь в другой раз. Однако отступить было очень затруднительно, если вообще возможно. Пришлось бы отправить тысячи человек на юг, по дороге на Шарлеруа, и надеяться, отступая, уйти от врага. А через несколько километров, в Женапе, дорога проходит по узкому мосту, всего двух с половиной метров в ширину. Это единственное место, где все пушки, боеприпасы и багажные повозки могут пересечь реку Диль.

Отступление, вероятно, повлечет за собой хаос, путаницу и бегство. По этой причине – атаковать! Отправить «Бессмертных» делать то, что они так хорошо умеют делать – выигрывать императорские сражения. «Фортуна, – сказал однажды император, – женщина, она переменчива!» Но фортуне нужна помощь, а именно для этого и существовала Императорская гвардия – чтобы убедить фортуна даровать победу императору.

La Guard au feu! En avant! En avant! Vive l'Empereur!^[34] Барабаны отбивали *pas de charge*, и гвардия, ни разу не побежденная гвардия, маршировала по дороге на север, им предшествовали 150 музыкантов, играющих патриотические мелодии. Оркестр остановился у самого Ла-Э-Сент, император остался с музыкантами, а восемь батальонов свернули с дороги налево. Они оказались на просторе долины, где пять батальонов Средней гвардии построились в колонны для атаки. Над головой визжали ядра и бомбы, врезавшиеся в британо-голландский гребень. Гвардия не высылала перед собой застрельщиков, их и на склоне было достаточно. Гвардия пойдет в атаку, растянется в линию, когда доберется до врага, и выбьет его с вершины гребня мушкетным огнем. Некоторые историки задаются вопросом, почему Ней повел гвардию налево, вместо того чтобы идти прямо по дороге? Но практически невозможно для колонны удержать строй, если вначале пробираться по затопленной дороге за Ла-Э-Сент, не говоря уже о самой ферме, песочной яме возле нее, разбитых лафетах и сотнях трупов, лежавших в помятой ржи. А потому Ней повел их на склон, который он прежде атаковал кавалерией. Этот склон тоже был густо усыпан телами, зато почва была менее изрытой, более удобной. Гвардейцы носили шапки из медвежьих шкур, придававшие им внушительности. Их обмундирование составляли синие шинели с красными эполетами, а высокие медвежьи шапки украшались красными плюмажами. Плюмажи надевались не всегда, обычно их хранили в картонных цилиндрах, но на этот раз гвардейцам сказали, что во время парада на Гран-Плас в Брюсселе они должны быть в полной униформе. По этой причине, вероятно, тем летним вечером гвардейцы шли в битву в плюмажах. Дорога на Брюссель, дорога к победе, проходила по открытой местности и поднималась на гребень по склону, заваленному мертвыми лошадьми и умирающими людьми.

Колонны вели офицеры. Они могли впереди сквозь дым видеть гребень, но не видели врагов, если не считать канониров, которые открыли огонь сразу, как только колонны построились. Над головой гвардейцев лопалась шрапнель, ядра полосовали строй, который тут же смыкался и продолжал движение. Били барабаны, делая паузу, чтобы гвардейцы могли выкрикнуть: *Vive l'Empereur!*

Они наступали на правый фланг Веллингтона, самый сильный фланг, тот самый фланг, который уже выдержал натиск Башлю и Фуа. За вершиной, невидимые на обратном склоне, стояли три сильнейших соединения Веллингтона. На западе, ближе к Угумону, расположилась бригада генерала Эдама, каждый батальон которой прошел Пиренейские войны. Среди них был и 52-й, большой батальон из Оксфордшира. Слева от них находилась гвардейская бригада Мейтленда. Британской гвардии предстояло защищаться от Императорской гвардии. А ближе всех к перекрестку стояла дивизия ганноверцев при поддержке батальонов КГЛ и «красных мундиров» генерала Халкетта. Они стояли на обратном склоне, так что французы, поднимаясь по склону, не видели вражеской пехоты. Они видели вспышки огня в пушечных жерлах, видели густые султаны дыма, видели, как ядра полосуют их ряды. Когда они подошли поближе, канониры стали бить двойными, заряжая картечь поверх ядра. Урон от выстрелов стал больше, но оставался недостаточным для того, чтобы остановить гвардию. Они были «Бессмертными», и они шли навстречу своей судьбе.

Наполеон наблюдал за ними с дальнего края долины. Он видел, как Императорская гвардия разделилась на две колонны. Никто точно не уверен, почему вышло именно так, но обе колонны взобрались на дальний склон и – припомнил ли Наполеон разговор за завтраком? Он тогда спросил у генералов их мнения о Веллингтоне и британских войсках, и ответы ему не понравились. Это ведь именно

генерал Рей сказал, что британская пехота прославилась как негибкая. *On s'engage, et alors on voit*^[35]. Бессмертные против негибких. Непобежденные сразятся с непобедимыми.

Удивительное дело, но кульминационная схватка Императорской гвардии с пехотой Веллингтона до сих пор окутана дымкой. Нет общего мнения о том, какой строй использовала Императорская гвардия. Была ли это колонна или гвардейцы перестроились в каре? И почему они разделили первоначальный строй надвое? Мы этого не знаем. Бой, который за этим последовал, – один из самых известных в военной истории, у нас есть свидетельства очевидцев, тысячи людей принимали в этом бою участие, и многие пересказывали свои впечатления, но до сих пор точно неизвестно, что произошло. Разногласия есть даже в вопросе, кому достались лавры победителя. Все это не удивительно. Ни с одной из сторон никто не хватался за карандаш в процессе боя. Выжившие расходятся даже в указании времени, в которое началась схватка, хотя, вероятно, гвардия получила приказ вскоре после 19:30, и к 20:30 все уже закончилось. Однако люди, которые там были, люди, творившие историю, видели не дальше нескольких метров от себя, и то сквозь густой дым. Их уши заложило от жужжания мушкетных пуль, грохота пушечной пальбы, криков раненых, офицерских команд, сержантских окриков, взрывов бомб, непрерывной молотбы мушкетных залпов, буханья далеких пушек, боя барабанов и дудения горнов. То был оглушительный шум безо всякой передышки. Один британский офицер вспоминал, как выкрикивал приказы, но даже стоявшие рядом не могли разобрать слов. Как человек может судить о том, что происходит, если вокруг себя он видит только дым, кровь и пламя, если он оглушен и сама жизнь его зависит от того, насколько четко он несет службу, несмотря на страх, когтями сжимающий сердце? Для того и нужны выучка и дисциплина, чтобы в миг, когда судьба висит на волоске, правит хаос, смерть скалится в лицо, человек исполнял свой долг. Инстинкт требует бежать от этого ужаса, но дисциплина велит идти до конца.

Конная артиллерия Старой гвардии первой вступила в бой. Она поделилась на 4 секции, и батареи сняли с лафетов в том месте, где заканчивался самый крутой подъем. Таким образом, они вели огонь с края относительно плоской вершины гребня. Гребень изогнут так, что гвардия атаковала вершину дуги, и союзная артиллерия сосредоточила свой огонь на плотных шеренгах, продолжающих наступать. Однако на этот раз французам было чем ответить, у гвардии имелась своя артиллерия. Капитан Мерсе писал:

Не все пушки союзников могли стрелять. Некоторые остались без расчета, у некоторых разбило колесо, а починить его не успели, но основные орудия продолжали наносить наступающей гвардии страшный урон, хотя и недостаточный, чтобы остановить. С каждым выстрелом дым сгущался, очевидцы вспоминали, что видели, как ядра проходят сквозь строй гвардейцев, отмечая свой путь разлетающимися в разные стороны мушкетами. Однако гвардия смыкала ряды, и барабанщики подгоняли ее вперед, на плоскую вершину, где ее ожидала пехота союзников. Прапорщик Макриди, ранее смотревший, как уносят в тыл полковые знамена, теперь готовился встречать восточную колонну гвардии, наступавшую ближе всего к середине гребня. Макриди было едва 17, а на него шли императорские ветераны. Он говорил:

Макриди и его 30-й батальон были атакованы двумя батальонами Средней гвардии, оба они гренадерские. Название «гренадерский» было устаревшим, солдаты давно не носили с собою гранаты, но гренадеры были традиционно тяжелой пехотой, наступательными войсками. В составе британского батальона находилась легкая рота стрелков и гренадерская рота для тяжелого, рукопашного боя. Эти же два батальона Средней гвардии маршировали прямоком на бригаду генерал-майора сэра Колина Халкетта. Халкетт был ветераном Пиренейской кампании, большую часть своей службы он провел в Королевском германском легионе, хотя при Ватерлоо командовал четырьмя британскими батальонами. Все четыре эти батальона сильно пострадали при Катр-Бра из-за глупости Тощего Билли, поэтому из четырех сделали два. 30-й, в котором служил Макриди, стоял в каре с 73-м, а слева от них стояли 33-й с неудачливым 69-м, потерявшим при Катр-Бра свое знамя. Конечно, они были не одни. Справа от них стояла британская

гвардия, а слева – немецкие и голландские батальоны. Однако и два атакующих французских батальона были не одни. Их поддерживали полчища из корпуса генерала Рея, взобравшиеся на гребень позади гвардейцев. Они помогали с ближним артиллерийским огнем, а французская кавалерия готовилась воспользоваться малейшим разрывом строя. Историк Марк Эдкин пишет: «Этой атакой французы при Ватерлоо достигли примерно такого же эффекта, как и всеобщим наступлением, острием которого была гвардия».

Сейчас острие гвардии вонзилось в плоскую вершину гребня. Были ли гвардейцы построены в колонны? Или в каре? Марк Эдкин очень убедительно настаивает на версии каре, хотя многие очевидцы упоминают, что видели колонны. Французы определенно находились в каре, хотя бы потому, что боялись повторения разгрома, которым завершилась атака д'Эрлона. Компактное каре, стороны которого ужаты, потому что после попадания вражеских ядер строй смыкается, выглядит очень похожим на колонну, но ни колонна, ни каре в тот вечер не были цельными. Не только потому, что ряды и шеренги разбивались ядрами и картечью, но и оттого, что путь их был завален телами убитых солдат и раненых лошадей. Только самая лучшая пехота может надеяться сохранить ровный строй в таких обстоятельствах, а Императорская гвардия и была самой лучшей, поэтому, несмотря на препятствия и артиллерийский обстрел, она добралась до вершины гребня, где должна была перестроиться в линию. Четыре британских батальона генерала Халкетта также стояли в каре, потому что французская кавалерия угрожала им в течение всего вечера, но когда французская гвардия достигла вершины, генерал приказал «красным мундирам» встать в четырехрядную линию. «Мальчики мои, – прокричал генерал, – вы сделали все, чего я от вас желал, и даже больше, чем мог ожидать, но многое еще следует сделать. И сейчас у нас для этого только сигнал к атаке!»

О том, что случилось после этого, сообщал Макриди:

Три недели спустя Макриди рассказывал об этой битве в письме к отцу:

Макриди простыми словами пересказал непростые события. Ганноверская бригада слева от «красных мундиров» была отброшена тем, что ганноверский офицер назвал «весьма мощной атакой». У ганноверцев закончились боеприпасы, их командир был убит, они отступили. Тем временем бригада Халкетта обратила вспять французских гвардейцев залпом и видом штыков, но затем произошло нечто странное. Канониры Императорской гвардии находились вблизи бригады Халкетта и обстреливали «красных мундиров», пересекавших дорогу, идущую вдоль вершины гребня. В тот момент показалось, что гвардейская пехота отступила, но пушки причесывали четырехрядную линию «красных мундиров», и бригаде было приказано развернуться и укрыться за кустами и краем склона. И снова процитируем Макриди:

Бригада поддавалась панике. Они обратили в бегство гренадеров Императорской гвардии, а затем сами с перепугу отступили, и паника быстро нарастала. Офицеры и сержанты пытались унять солдат, но безуспешно. «50 кирасиров могли бы уничтожить всю нашу бригаду», – вспоминал Макриди. В тот момент казалось, что дисциплина в бригаде потеряна окончательно. Солдаты начали драться, прокладывая себе путь в тыл, но вот, описывал происходившее Макриди, кто-то издал боевой клич, и, охваченные паникой, солдаты отошлись. Генерал Халкетт схватил боевое знамя 33-го полка, а генерал Пелет схватил орла, захваченного в Плансенуа. Они стояли, пока солдаты не построились перед ними. Там был Веллингтон, и его присутствие тоже оказало отрезвляющее действие. Помимо всего прочего, Веллингтон ранее командовал 33-м, и да поможет им Господь, если теперь они опозорят герцога. И тут голландская батарея с близкой дистанции открыла огонь по французам, опустошая ряды гвардейцев, и голландско-бельгийская бригада открыла по французам залповый огонь, и паника как-то утихла. «Офицеры творили чудеса, – вспоминал Макриди, – но спас нас один тот окрик. Я так никогда и не узнал, кто издал его». И вот все четыре батальона оправались от пережитого ужаса, построились и заняли позиции. Для Анри Дюперье,

казначей 18-го полка британских гусар, возвращение бригады Халкетта стало неожиданностью. С остатками кавалерии он расположился позади пехоты на гребне Веллингтона и наблюдал, как стреляет голландская пехота, и вдруг: «Лорд Веллингтон невесть откуда вывел ребят в красных мундирах, я увидел их сквозь клубы дыма».

«Я взялся за непосильную задачу, – писал Макриди своему отцу, пытаюсь передать в письме эту битву». Так что же произошло на вершине гребня, когда пошла в атаку первая колонна (или каре?) Императорской гвардии? В ответе на этот вопрос затрудняются обе стороны. Ганноверцы отступили в некотором беспорядке, но так же поступили и «красные мундиры». Голландско-бельгийские части сражались хорошо, их артиллерия проделала свою работу чисто. Французы тоже отступили, отброшенные грандиозным залпом линии генерала Халкетта. Французские канониры наводили хаос, и их огонь более, чем все остальное, вызвал панику в бригаде генерала Халкетта. Великая заслуга солдат и офицеров бригады в том, что паника оказалась скоротечной, и им очень повезло, что ни одна из французских частей не воспользовалась минутной слабостью этого соединения. Вероятно, и сами французы были близки к панике. Они отступили перед ужасным залповым огнем, голландские пушки обрушили на них сокрушительный град картечи, гребень окутался дымом, их передние шеренги лежали, израненные или мертвые. Наверняка можно сказать лишь то, что атака западной колонны Императорской гвардии провалилась, она была отброшена от линии обороны Веллингтона и отошла назад. Генерал Халкетт в этом бою был ранен, но доволен тем, что его солдаты не разбежались и отстояли позицию.

Тем временем вторая атака французов, более масштабная, ударила справа от бригады Халкетта, где ее поджидала бригада британских гвардейцев и великолепная бригада генерала Эдама. Гарри Пауэлл служил капитаном в 1-м гвардейском пехотном. Как и весь его батальон, он лежал на обратном склоне:

Капитан Пауэлл, как и вся гвардейская бригада, решил, что перед ними гренадеры Средней гвардии, но то были гвардейские стрелки. Благодаря этой ошибке в Великобритании и по сей день существует гвардейский гренадерский полк. 1-й гвардейский пехотный полк удостоился этого названия по имени своих врагов, хотя на самом деле как раз солдатам Халкетта выпало сразиться с настоящими гренадерами. Пауэлл оценивает количество врагов в 6000. Его ошибка простительна в тот вечер грохота и хаоса, но на самом деле численность второй колонны не превышала 2000 человек.

И конечно же герцог был там. Он сидел на Копенгагене, верном коне, и наблюдал, как подходит французская гвардия. Ждал, пока они не подойдут, по оценке капитана Пауэлла, на 50 или 60 шагов, затем снова взял на себя командование. «Теперь, Мейтленд! – обратился он к командиру бригады. – Теперь ваш час! Гвардия, встать!» Они встали и построились в линию. «Приготовиться!» – пауза, за время которой тяжелые мушкеты взведены и приставлены к избитому отдачей плечу. – «Огонь!»

И началось то, что британская пехота умела делать действительно хорошо – истребление. Гарри Пауэлл назвал это «плотным огнем» – удар единым мушкетным залпом с близкого расстояния. Пауэлл писал:

Императорская гвардия попыталась перестроиться в линию, но вновь, как не раз уже случалось в Пиренейскую кампанию, она спохватилась слишком поздно. Гвардейская бригада превосходила их числом и подавила. Мушкетные пули летели в лоб и с боков, а когда они пытались встать в линию, их сшибало мощными, беспощадными залпами. Для первых шеренг Императорской гвардии это оказалось смертельным сюрпризом. Они полезли на склон и были наказаны артиллерией. Им казалось, что они взобрались на вершину, и нужно пересечь дорогу, идущую вдоль нее. И тут из-за низкой насыпи появляется враг. Враг, превосходящий числом, враг, слишком близкий, чтобы успеть перестроиться в линию, враг, ведущий огонь с невероятной эффективностью. Молодые, плохо обученные солдаты часто открывали огонь издали и имели склонность целиться слишком высоко, – но не гвардейская бригада. Они

стреляли с такого расстояния, когда из мушкета трудно промахнуться. Их врагам, чтобы перезарядить ружья, требовалось остановиться, но на них натолкнулись задние ряды. Стрелки попадали в давке, а беспощадные залпы продолжали уносить их жизни. Теперь французам мешали тела собственных убитых и раненых, а гвардейская бригада продолжала стрелять, пока подполковник лорд Александр Салтон не скомандовал: «Вперед!» Салтон командовал ротой, посланной для подкрепления к Макдонеллу в Угумон, но к этому завершающему моменту битвы его перевели обратно на гребень. Точнее, он вывел на гребень всех выживших, примерно одну треть от числа тех, кто отправился с ним защищать шато. «Теперь пора, мальчики мои!» – крикнул он, гвардия опустила штыки и пошла вперед. «В тот момент, – сообщал капитан Рив, еще один пиренейский ветеран, – когда мы двинулись на них, они отошли вправо и побежали в разные стороны».

Теперь британская гвардия наступала по склону, сгоняя вниз паникующую Императорскую гвардию. Предположительно, в тот же момент отступили и гвардейские гренадеры, с которыми сразилась бригада генерала Халкетта. Некоторые очевидцы заявляют, что вторая, более крупная атака проводилась двумя колоннами, а не одной (или двумя каре). То, что они увидели, было 4-м стрелковым гвардейским полком, который тянулся позади прочих, вероятно, потому что ему пришлось идти дальше других, и теперь он взбирался на гребень, чтобы провести собственную атаку. Они были ближайшим к Угумону соединением Императорской гвардии с правой стороны британских позиций, их организованный огонь остановил британскую гвардию, и в этот самый момент в дыму долины показалась французская кавалерия. Среди британской гвардии раздались приказы построиться в каре. Возникла неразбериха, потому что другие офицеры строили солдат в линию, чтобы встретить 4-й стрелковый. С неразберихой удалось сладить, только отведя гвардейцев обратно на вершину гребня, где наконец они построились в четырехрядную линию.

Всегда хочется упорядочить беспорядок и описать битву в простейших терминах, сделать хаос понятным. В большинстве описаний битвы при Ватерлоо атака Императорской гвардии выведена кульминационным моментом, как отдельное событие, которое решило исход дня. Однако хоть оно и было решающим, но не было отдельным. В нем принял участие почти каждый солдат из оставшихся в тот момент на поле боя. Стреляли все уцелевшие пушки. К востоку от главной дороги солдаты д'Эрлона взбирались по склону гребня, сражаясь с британскими, голландскими, а теперь еще и прусскими войсками. Грохот стоял оглушительный, такой, что солдаты не слышали приказов, отдаваемых офицерами и сержантами. Императорская гвардия, достигшая вершины гребня и сброшенная оттуда британским и голландским мушкетным огнем, не вернулась в долину, а осталась на переднем склоне, при поддержке пехоты генерала Рея, готовая вновь идти в атаку против страшной мушкетной пальбы. Они находились в некотором расстройстве, но по-прежнему не были побеждены, а их враги также пришли в смятение. Весь изогнутый гребень линии Веллингтона тонул в дыму, так что люди не могли разглядеть, что творится в нескольких шагах. Мы знаем, что четыре из пяти атакующих батальонов Императорской гвардии были остановлены и отброшены назад, но бойцам бригады генерала Эдама, сражавшимся всего на две-три сотни метров восточней, это было неизвестно. Был виден дым, изливающийся из пушек, слышен несмолкаемый грохот канонады, треск мушкетной стрельбы, крики, но вот послышался *pas de charge*, барабанная дробь французских воинов, марширующих к славе. Это 4-й стрелковый, последний из атакующих батальонов Императорской гвардии, взбирался на склон. Прапорщик Лик из 52-го не мог их видеть, пока они шли по склону, зато прекрасно их слышал:

4-й стрелковый был последним в отважной попытке прорвать линию Веллингтона, но слева от них, на гребне, находилась бригада генерала Эдама, а в ее составе – 52-й, большой оксфордширский батальон под командованием сэра Джона Колборна. Сэр Джон был опытным воином 37 лет от роду, прошедшим Пиренейскую войну. В то время как большинство офицеров продвигалось по карьерной лестнице, покупая

должности, Колборн каждый свой шаг наверх отработал сполна. Он был протеже великого сэра Джона Мура, который сделал его майором, а предсмертным желанием Мура в битве при Корунне было, чтобы Колборна повысили до подполковника, поскольку он это заслужил. Колборн командовал успешно, его любили, а теперь, когда 4-й гвардейский стрелковый взобрался на верхнее плато гребня, он еще и прославился.

Он вывел 52-й из линии. Половина солдат Колборна была ветеранами, они хорошо знали свое дело. Сэр Джон провел свой батальон вперед и развернул таким образом, чтобы солдаты стояли лицом к левому флангу наступающих гвардейских стрелков. Командующий его бригады, сэр Фредерик Эдам, прискакал выяснить, что происходит, и Колборн впоследствии говорил, что ответил, будто собирается «дать колонне почувствовать нашего огоньку». Генералу Эдаму было всего 34, но ему хватило чутья, чтобы позволить Колборну продолжать. Он поехал в 71-й и приказал ему последовать примеру 52-го, который теперь стоял на склоне, открытый флангом для любого врага, который вздумает выглянуть из затянутой дымом долины. Однако именно эту позицию они и выбрали, чтобы раскромсать гвардию. Они принялись стрелять залпами французов во фланг, так что императорские гвардейцы оказались атакованы с фронта и слева. Огонь был беспощадным. Непобедимые побеждали непобежденных. Люди Колборна понесли от французских гвардейцев тяжелые потери, но их залпы разорвали 4-й стрелковый на части, а фронтальный огонь британской гвардии разможил их передние ряды, и, подобно остальным батальонам Императорской гвардии, он сломался. Британский залповый огонь разбил 4-й стрелковый, и он бежал от лютой мушкетной стрельбы, бежал туда же, куда и остальные гвардейцы.

А когда они сломались, рухнули и все надежды Франции. «Фортуна – женщина», – сказал Наполеон, и теперь она плюнула ему в лицо. Когда сломался 4-й стрелковый, с ним сломалась вся армия. Упал боевой дух французских солдат, началась паника. Обычные солдаты увидели, как бегут непобежденные, – и побежали сами. Это зафиксировал и Наполеон:

Произошло это неожиданно. Весь день и вечер напролет полыхала битва, французы крепко и отважно наседали на линию Веллингтона, но вдруг, в один момент, французской армии не стало, от нее осталась лишь кучка напуганных беглецов.

Веллингтон вернулся в центр своей линии. Только что Лик видел, как он выводил в бой 52-й, развеявший в прах мечты императора. Костюм герцога, вспоминал Лик, «состоял из синего сюртука, белых кашемировых панталон и ботфортов. Шпагу он носил на поясе, без перевязи». Простой синий сюртук и черная шляпа с кокардой делали герцога легко узнаваемым для его солдат, и, когда французы побежали, он некоторое время наблюдал за этим с центра гребня. Он видел врага в панике, видел, как отступление врага претворяется в хаос. Он смотрел вниз, а потом пробормотал: *In for a penny, in for a pound* («Встрял за пенни –стрял и за фунт»)^[37]. Затем снял с головы шляпу с кокардой, и люди рассказывают, что как раз в этот момент лучи вечернего солнца выскользнули из-за туч и озарили его. Веллингтон махнул шляпой в направлении врага. Трижды он махнул, и то был сигнал к наступлению всех союзных сил.

Не все видели этот сигнал. Если потребовалось некоторое время, чтобы паника заразила всю французскую армию, то время потребовалось и для того, чтобы дуновение победы достигло всех союзных войск. Капитан Джон Кинкейд со своими стрелками сражался против французских застрельщиков:

Мгновениями раньше 52-й, стоявший поперек склона до тех пор, пока не развернулся вправо, чтобы идти по дороге к *La Belle Alliance*, совершил ошибку, приняв британскую легкую кавалерию за французских всадников, и своим мушкетным огнем опустошил несколько седел. Там оказался и Веллингтон. «Не важно! – крикнул он Колборну. – Вперед! Вперед!» Несколько стрелков 95-го последовали за батальоном Колборна. Капитан Джозеф Логан из «зеленых мундиров» писал:

Теперь вся линия союзных войск спустилась в долину, уже не будучи линией, – потери были слишком

велики. Барон фон Мюффлинг, прусский офицер связи, вспоминал:

Красная черта из мертвых, умиравших и раненых. Ужасная картина. А перед ними в долине лежали новые жертвы и тысячи раненых и умиравших лошадей. Лик писал, что некоторые лошади «лежали, некоторые стояли, а некоторые из них ели растоптанную пшеницу или рожь, несмотря на отстреленные ноги... Стоял особенный запах, смесь запахов растоптанной пшеницы и пороха...»

И по растоптанной пшенице и ржи, мимо умирающих коней, через беспорядок бывшего сражения наступала союзная пехота. «Никогда не видел ничего подобного, – вспоминал сэр Огастес Фрейзер, командовавший королевской конной артиллерией. – Небо буквально застилал дым, солнце только начало заходить». И в этом зловещем, неземном освещении союзная армия шла через долину. Сержант Робертсон из 92-го батальона рассказывал:

Британская кавалерия присоединилась к погоне, безжалостно вырезая паникующие французские отряды. Капитан Анри Дюперье из 18-го гусарского вспоминал: «Во время наступления мы в какой-то момент наехали на кавалерию, которая сопротивлялась, но слабо, и на скаку налетела на свою же пехоту». Солдаты Дюперье, многие из которых были ирландцами, прикончили нескольких канониров, а затем принялись за дезорганизованный батальон пехоты. Французские пехотинцы пытались сдаться в плен. Это было всего лишь: *Vive le Roi*^[38], по словам Дюперье, «но звучало оно слишком поздно»: «Наши люди не понимали по-французски, поэтому вырезали их».

Капитан Пьер Робино потратил этот день в бесплодных атаках на Угумон, а теперь паника добралась до солдат, осаждавших шато. Они быстро отступали. Робино писал:

Может, Робино и считает, что «напуганных людей невозможно контролировать», но некоторых контролировать ему удавалось. Он пригрозил нескольким драгунам мушкетом и сумел их остановить. Он собрал 60 или 70 солдат и повел их на юг, но предусмотрительно избегал главной дороги, по которой погоня шла полным ходом. Ему удалось уйти, но в долине, под длинными лучами закатного солнца, убийства еще не закончились.

Французская армия погибала, но это не была мгновенная смерть. Потребовалось время, чтобы новости дошли до защитников Плансенуа, они продолжали сражаться до 9 часов вечера. Некоторые канониры из «гран-батареи» продолжали стрелять, пока армия разваливалась вокруг них. Один из последних выстрелов просвистел мимо Веллингтона, в каком-нибудь сантиметре от него, и отнял ногу у помощника командующего. «Боже, сэр! – сказал Аксбридж. – Я потерял ногу!» «Боже, сэр! – ответил герцог. – И в самом деле».

А еще оставались те три батальона Старой гвардии, которые отошли в долину. Они там и стояли, все еще в каре, все еще в полном порядке. Они медленно отступали под давлением союзной пехоты. Эскадрон 10-го гусарского напал на одно из каре Старой гвардии и был отброшен. Их командир, майор, достопочтенный Фредерик Говард, сын графа Карлайла, стал одним из последних убитых в тот день британских офицеров. Он без сознания упал с лошади перед каре Старой гвардии, и гвардеец вышел из рядов и добил майора по голове прикладом мушкета. Некоторые французские пехотинцы пытались укрыться в гвардейских каре, но гроньяры были слишком опытными воинами, чтобы позволить такому случиться. Человек, продирающийся внутрь каре, может проложить путь вражеской коннице, поэтому гвардейцы стреляли, не разбирая, где враг, где друг.

Генерал Пьер Камброн, командовавший гвардейской бригадой, стоял в одном из каре. Их положение было безнадежным. Британская и ганноверская пехота окружила их, и офицеры кричали гвардейцам, чтобы те сдавались. И тогда родилась одна из самых устойчивых легенд о Ватерлоо. Якобы Камброн

ответил: *La Guard meurt, mais ne se rend pas!* («Гвардия умирает, но не сдается!») Эти прекрасные слова почти наверняка придумали французские журналисты через несколько лет после битвы. По другой версии, Камброн в качестве ответа прокричал только одно слово: *Merde!* («Дерьмо!») Оба варианта ответа получили известность – достойный ответ пред лицом неминуемой гибели. Сам Камброн заявлял, что сказал: «Такие скоты, как мы, не сдаются!» – однако все-таки сдался. Его сбilo с коня мушкетной пулей, задевшей его в голову и лишившей сознания. Полковник Хью Халкетт, британский офицер на ганноверской службе, взял Камброна в плен, а каре, которым тот командовал, таяло под картечью и мушкетным огнем. Оно превратилось в треугольник, а затем, уже недалеко от *La Belle Alliance*, распалось, и французские гвардейцы присоединились к всеобщему бегству.

Один офицер 71-го пехотного утверждал, что сделал последний при Ватерлоо выстрел из пушки. 71-й, точнее, то, что от него осталось, наступал с 52-м сэра Джона Колборна. Гренадерская рота 71-го обнаружила брошенную французскую пушку и горящий фитиль рядом. Фитиль, доставлявший огонь к пороху в стволе пушки, выпал из запального отверстия, и это говорило о том, что пушка заряжена. Лейтенант Торриано и несколько его солдат развернули пушку в направлении Старой гвардии, вставили фитиль в запальное отверстие и выпалили по шеренгам гвардейцев.

Ночь почти наступила. Солнце село, дым густо висел над долиной, но больше не озарялся зловещими вспышками выстрелов. Блюхер проехал через развалины Плансенуа на Брюссельский тракт и там, где-то южнее *La Belle Alliance*, повстречал Веллингтона. Около половины десятого полководцы пожали друг другу руки. Некоторые утверждают, что они спешили и обнялись. *Mein Lieber Kamerad*, – сказал Блюхер, – *quelle affaire!* («Мой дорогой друг, каково дельце!»)

«Я молю Господа, чтобы то было последнее сражение в моей жизни», – сказал герцог леди Фрэнсис Шелли всего через месяц после этой битвы. Веллингтон всегда был больше расположен к женщинам, нежели к мужчинам, особенно к молодым, красивым и умным женщинам, а молодая, красивая и умная леди Шелли стала другом герцога на всю жизнь. Он говорил ей:

Оно в самом деле закончилось.

Заключение

Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится.

Пс. 90:7

Веллингтон подъезжал к Ватерлоо сквозь тьму. Он спешил и отвесил дружеский шлепок Копенгагену, конь в ответ топнул копытом. Герцог устал. «Разум и чувства истощены», – скажет он леди Шелли. Однако и огромное облегчение должно было ощущаться тоже. «Слава богу, я встретился с ним!» – воскликнет он позже. И не только встретился, но и остался в живых после этой встречи. «Это было адски тонкое дело, – сказал он Криви на следующий день в Брюсселе. – Труднейшее дело за всю мою жизнь». Он использовал слово «тонкое» в устаревшем значении «крайне опасное, на грани»^[39]. А еще он сказал Криви: «Ей-богу, не думаю, что удалось бы повернуть это, если б меня там не было!» Своему брату Уильяму он писал:

В Ватерлоо он поужинал в одиночестве. Своей кроватью не воспользовался, поскольку в ней умирал его адъютант. Веллингтон спал на соломенном тюфяке. Рано утром его разбудил доктор Джон Хьюм, который принес список жертв. Хьюм рассказывал:

Он был до того измучен, что лег спать, не умывшись, а ведь герцог был помешан на чистоте. На заре понедельника, 19 июня, он уселся за депешу, которая стала его официальным докладом британскому правительству, затем вернулся в свою штаб-квартиру в Брюсселе, где закончил доклад и написал письма. Одно из первых было адресовано леди Фрэнсис Уэбстер:

Герцог ошибся в отношении полковника де Лэнси, который был еще жив, хотя и тяжело ранен. Ближе к концу битвы ядро скользяще задело его по спине, не повредив кожу, но повредив ребра. Он был заместителем и генерал-квартирмейстером Веллингтона и, несомненно, одним из тех друзей, потеря которых его так расстроила. Уильям де Лэнси родился в Нью-Йорке, в семье лоялистов, потерявших собственность в годы Войны за независимость. Семья переехала в Англию, и Уильям сделал военную карьеру, сражаясь на Пиренейском полуострове и завоевав доверие Веллингтона. В апреле 1815 года де Лэнси, то есть уже сэр Уильям, женился на Магдалине Холл, шотландке, она сопровождала мужа во Фландрию, где герцог настоял, чтобы де Лэнси служил его генерал-квартирмейстером. Леди де Лэнси перед битвой пришлось уехать в Антверпен, сразу после сражения она вернулась и обнаружила мужа раненным в одном из коттеджей Мон-Сен-Жана. Она стала за ним ухаживать, и, казалось, дело идет к чудесному выздоровлению, однако в понедельник, 26 июня, через восемь дней после ранения, сэр Уильям умер. Магдалина была безутешна. И трех месяцев не прошло, как они поженились. Позже она описала историю своей любви, завершившейся столь трагически, в книге, озаглавленной «Неделя при Ватерлоо в

1815» (Lady de Lancey. A Week at Waterloo in 1815).

Прусские войска устроили за французской армией ночную погоню. Это имело смысл. Довольно было уже нескольких подтвержденных случаев, когда солдаты Блюхера по ошибке вступали в бой с британо-голландскими силами, а ночью, при луне, такие стычки становились гораздо более вероятными. Гнейзенау организовал погоню, благоразумно посадив барабанщиков на кавалерийских лошадей, чтобы французы думали, что прусская пехота наступает им на пятки. Пруссаки гнались за ними почти всю ночь, наводя панику, рассеивая выжившие отряды Наполеона и добивая беглецов. Блюхер провел эту ночь в Женапе – городке по пути к Катр-Бра, откуда на следующее утро писал своей жене:

Слова: «Мой друг Веллингтон» указывают на благородство души, какого, к сожалению, не хватало Гнейзенау, да по правде говоря, и самому Веллингтону. Гнейзенау признал, что британцы сражались с «превосходной храбростью», но своего мнения о Веллингтоне так и не изменил.

Узкий мост в Женапе оказался серьезным препятствием для отступающих французов. Грузовые повозки встали в пробку, намертво перекрыв улицу, так что бегущие солдаты были вынуждены ползти под телегами, чтобы добраться до моста. Наполеон ухитрился отыскать свой экипаж, но во всей деревне не нашлось кучера, так что императору пришлось бросить карету в последний момент перед тем, как ее захватила прусская кавалерия. Его везение на сокровища не распространялось: армейская казна, хранившаяся в повозках, смогла благополучно добраться до Шарлеруа, но там застряла в другой пробке, где и была расхищена беглецами, которые клинками и штыками вспарывали мешки с золотыми монетами.

Наполеону дали коня, и с горсткой императорских гвардейцев он направился на юг. Проезжая Катр-Бра, император увидел в лунном свете тысячи обнаженных тел, лежавших на поле боя. Всех их раздели и ограбили местные крестьяне. В Шарлеруа он избежал давки и к девяти утра, в понедельник, прибыл на французскую границу, где остановился. Там он надиктовал письмо своему брату Жозефу, замещавшему его в Париже. Император писал:

Он строил воздушные замки. Груши, напуганный новостями из Ватерлоо, искусно отступил из Вавра, где одержал свою ненужную победу, и провел невредимыми свои 25 000 человек через границу. Что бы там Наполеон ни думал, все было потеряно. В среду, 21 июня, император добрался до Парижа и обнаружил, что город уже переполнен слухами о катастрофическом поражении. Эмиль Лабретоньер, который в воскресенье так восхищался фальшивыми новостями о победе, отмеченными выстрелом пушки у Дома инвалидов, теперь набрался других слухов и пошел к Елисейскому дворцу, летней резиденции Наполеона:

Франция дала Наполеону последний шанс, но этот шанс сгинул в долине у Мон-Сен-Жана. Палата представителей больше не поддержит императора. Блюхер и Веллингтон вели свои армии на Париж, австрийцы перешли восточную границу, а вслед за ними шли русские. Наполеон злился на судьбу, затем принял ее. 4 июля Париж сдался союзникам, хотя их войска не входили в город до 7 июля. К тому времени Наполеон отрекся от престола. Он находился в Мальмезоне, доме Жозефины, и тешил себя мыслью эмигрировать в Соединенные Штаты. Он заказал книги про Америку и отправился в Рошфор, где надеялся найти корабли, которые смогут перевезти его в Новый Свет. Однако вместо этого обнаружил там британскую морскую блокаду. Он сдался капитану Мейтленду с корабля «Беллерофон», который прославился в Трафальгаре как «Билли Руффиан». Так началось путешествие Наполеона к острову Святой Елены.

Далеко на севере, в Женапе, так и лежали в грязи тысячи экземпляров прокламации. Эту прокламацию отпечатали в Париже, хотя в заголовке было указано: «Императорский дворец Лакен, Брюссель». Она была адресована народу Бельгии:

Но от жара и отваги сбежал сам император, и пруссаки решили расправиться с ним. Гнейзенау написал фон Мюффлингу, все еще ответственному за связь с Веллингтоном, и потребовал, чтобы герцог согласился с решением казнить императора. «Высшая справедливость и декларация от 13 марта требуют, чтобы кровь наших солдат была отомщена».

Мюффлинг отправил данное требование, подкрепив его прусским ультиматумом переходному правительству в Париже, заявив, что Блюхер прекратит враждебные действия только после того, как Наполеон будет выдан ему «живым или мертвым». Мюффлинг вспоминал:

«Если государи пожелают предать его смерти, – едко писал Веллингтон, – они должны избрать исполнителя, отличного от меня». Гнейзенау, всегда готовый обвинить Веллингтона в скрытности и лукавстве, обозвал это «театральным великодушием», однако пруссаки, хоть и неохотно, уступили в этом пункте. То было не единственное противоречие между союзниками. Одним из самых незначительных пунктов стало то, что Блюхер хотел назвать события 18 июня «битвой при *La Belle Alliance*», и такое название до сих пор используют в Германии, а Веллингтон предпочитал «Ватерлоо». Французы обычно называют это сражение битвой за Мон-Сен-Жан. Когда союзники заняли Париж, пруссаки решили взорвать Йенский мост через Сену, прославлявший великую победу Наполеона над пруссаками в Йене в 1806 году. Для Веллингтона это был нонсенс. Мост ведь полезен! Какой смысл в его разрушении? Леди Шелли рассказывала, что герцог спас мост «весьма простым способом, выставив на мосту английский караул»:

Наполеон добрался до Парижа 21 июня, и в этот же день майор 14-го легкого драгунского, почтенный Генри Перси, добрался до Лондона. Он прибыл поздно вечером, жарким вечером, и отправился на Даунинг-стрит, 10, чтобы доставить депешу Веллингтона военному секретарю графу Батхёрсту. Оттуда его перенаправили на Гросвенор-сквер, где граф ужинал. Оттуда Перси отправили на Сент-Джеймс-сквер, чтобы он передал новости принцу-регенту, который был там на балу. Перси присутствовал на балу у герцогини Ричмонд всего шесть дней назад и так и не нашел возможности переменить шелковые чулки и туфли для танцев, которые теперь были перепачканы грязью. На сей раз бал давала миссис Бём, жена торговца, достаточно богатая, чтобы на свои танцы и вечера собирать аристократическое общество. Через много лет она обрисовала события того вечера преподобному Джулиану Янгу, записавшему ее слова. Около десяти вечера миссис Бём «подошла к принцу и спросила, доставит ли его королевскому высочеству удовольствие, если бал начнут»:

Три орла? Так утверждают очевидцы, и в официальной депеше Веллингтона тоже упоминаются три орла, хотя миссис Бём говорит, что майор Перси держал по флагу в каждой руке, так что можно подумать, что их было два. Третий мог быть кавалерийским вымпелом. Миссис Бём, вместо того чтоб радоваться новостям, лишь вздыхала о крушении своих усилий, поэтому в чернилах почтенного Янга, похоже, содержится довольно много желчи:

Или хотя бы, полагала она, Генри Перси мог бы, соблюдая приличия, прошептать новости принцу-регенту, который, она уверена, вошел бы в ее положение и не стал бы обнародовать их до утра. Однако и в этом случае она почти наверняка была бы разочарована, потому что одна из присутствовавших леди фиксирует реакцию регента на новости о победе. Она писала мужу, что «он впал просто в какую-то дамскую истерику. Ему брызгали водой в лицо. Нет, ничего не помогало. Для лучшего эффекта использовали вино, и он утопил свои чувства в океане кларета».

Новости на следующий день достигли Эдинбурга, куда до них приходили слухи о великом поражении. Ранее утверждалось, что пруссаки уничтожены, а Веллингтона отлупили при Катр-Бра. Слухам верили не все, тогда рассказчики клялись в их правдивости. Когда из Лондона пришли официальные новости, юрист Джеймс Тейлор услышал их в суде:

24-фунтовые пушки Эдинбургского замка устроили салют из 19 орудий. Почтовую карету, которая

привезла из Лондона газеты, увили лавровыми листьями и украсили флагами. Проигравшие пари платили победившим, которые, как говорил Тейлор, сразу перечисляли выигранные суммы в фонд поддержки раненых, а также вдов и сирот воинов Ватерлоо.

А их оказалось очень много.

Новости достигли Лондона в среду, а в ту ночь и еще целых три дня после окончания битвы на поле сражения оставались лежать раненые. Последних из них смогли спасти только в четверг. За это время умерли многие из тех, чью жизнь можно было сохранить. Мертвецы лежали грудami. Майор Гарри Смит, стрелок, герой Пиренейской кампании, проезжал поле боя на следующий день после сражения:

В ночи на поле вышли мародеры, чтобы ограбить мертвых и раненых, и, если раненый сопротивлялся, его убивали. Мужчины и женщины клещами вытаскивали зубы изо рта мертвецов, и затем многие годы фальшивые зубы назывались «зубами Ватерлоо».

Кого-то из раненых доставили в Ватерлоо. Сержант Иоганн Доринг проходил через этот городок на следующий день после битвы:

Другие пострадавшие проделали весь путь до Брюсселя, где, за неимением мест размещения, их укладывали на соломе на городских площадях. Стрелок Эдвард Костелло удивлялся такой картине:

Хирург Чарльз Белл в Англии узнал о новостях из Ватерлоо и за свой счет отправился в Брюссель, где, к своему ужасу, обнаружил, что с поля боя все еще вывозят раненых. Труднее всего было в больницах, куда отвезли тяжело раненных французов, а ни одного хирурга не было. Белл начал оперировать в шесть утра и продолжал работать до семи вечера, и так три дня подряд:

Наверное, мы уже никогда не узнаем точно, сколько человек погибло и было ранено при Ватерлоо. Конечно, разные государства вели свой подсчет, но из-за беспорядка после битвы тысячи человек остались неучтенными, а на последней перекличке никто не мог сказать, дезертировал отсутствующий, попал в плен или пал на поле боя. Особенно это касалось французской армии. Нам известно, что к началу сражения у Наполеона насчитывалось около 77 000 человек, а примерно через неделю переклички показали недостачу 46 000 человек. Марк Эдкин, проделавший кропотливую работу по статистике этой битвы, приводит самые точные расчеты. Британо-голландские силы Веллингтона после боя недосчитались 17 000 человек, из которых 3500 были убиты, 10 200 ранены, остальные дезертировали. Большинство дезертиров были голландцами и бельгийцами, жившими неподалеку, и камберлендскими гусарами, которые, несмотря на английское название, были полком ганноверской кавалерии – они просто взяли да и уехали. Пруссаки сильно пострадали за три дня при Линьи, отступлении в Вавр и при Ватерлоо, потеряв всего около 31 000 человек. Из них 10 000 дезертировали при отступлении, остальные – боевые потери. Сражение за Плансенуа оказалось особенно жестоким, там пруссаки потеряли около 7000 человек. Французы потеряли намного больше. Вероятно, около 30 000 французов были при Ватерлоо убиты или ранены, но эти цифры очень ориентировочны. Зато нам известно, что при Ватерлоо и Катр-Бра сражались 840 британских офицеров, и, по грубым подсчетам, половина из них попала в список потерь. Третья часть британских кавалеристов была убита или ранена. Королевская Шотландская гвардия потеряло 31 офицера из 37. 27-й пехотный – 16 из 19 офицеров. С наступлением ночи 18 июня на поле боя оказалось 12 000 трупов и 30 000 или 40 000 раненых, и все это на пяти квадратных километрах земли. Многим раненым предстояло умереть в ближайшие несколько дней. 32-й британский пехотный полк насчитал 28 погибших в бою и 146 раненых, но 44 из этих раненых скончались в ближайшие несколько месяцев.

Для очистки поля боя наняли местное население. Для мертвецов союзной армии выкопали траншеи, но недостаточно глубокие, и туристы не раз замечали лица и конечности, выглядывавшие из земли. Тела

французов сожгли. Человек, приехавший в Ватерлоо через 10 дней после битвы, наблюдал французские похоронные костры в Угумоне:

Через год останки все еще виднелись на земле. Некоторые из них откапывали люди в поисках сувениров. Наконец с одной компанией заключили договор, чтобы она собрала все видимые кости и размолочила их на удобрение.

Битва закончилась, но споры не утихают.

Кто же выиграл эту битву? Вопрос может показаться смешным, но многие годы он распалял страсти, да и сейчас распаляет. Однако, по крайней мере, одну из теорий можно сбросить со счетов. Виктор Гюго в своем замечательном романе «Отверженные» ярко описал битву при Ватерлоо, но по ходу дела породил несколько мифов, в которые во Франции верят и теперь. «Кирасиры, – утверждал он, – уничтожили семь каре из тринадцати, захватили и заклепали шестьдесят пушек, отняли у английских полков шесть знамен, которые были принесены императору перед фермой Бель-Альянс тремя кирасирами и тремя егерями конной гвардии»^[42]. Ничего подобного не было. Ни одно каре не было разбито, ни одна пушка не была заклепана французами, ни одно из британских знамен не было утрачено. Гюго утверждал, что защитники Угумона сбрасывали живых пленников в колодец.

Этот колодец был обследован археологами, и они не обнаружили никаких следов человеческих останков. Легенду о живых, медленно умиравших в его глубинах, распространил сам Виктор Гюго. Он спрашивает: «Была ли возможность у Наполеона выиграть это сражение? Отвечаем – нет. Почему? Благодаря Веллингтону? Благодаря Блюхеру? Нет. Благодаря Всевышнему». Так Гюго размышляет само событие победы в угоду своим идеям. Он утверждает, что Ватерлоо – не битва, а поворот развития вселенной. Подобные легенды переносят это сражение на мифический план, где французов не разбили честно и явно, но они пали жертвой космического фатума.

Тощий Билли полагал, что сражение выиграл он. Своим родителям он писал: «У нас сегодня был замечательный бой с Наполеоном... Основное сражение дал именно мой корпус, благодаря которому мы и одержали победу». Было бы честнее сказать, что союзные армии одержали победу благодаря главным образом тому французскому стрелку, который сумел засадить мушкетную пулю в плечо принцу Оранскому.

Более убедительный аргумент был выдвинут преподобным Уильямом Ликом, когда в 1866 году он опубликовал свою книгу «История полка лорда Ситона (52-го полка легкой пехоты) в битве при Ватерлоо» (Leeke W. The History of Lord Seaton's Regiment (The 52nd Light Infantry) at the Battle of Waterloo). Предисловие этой книги начинается со слов: «Становится все более и более широко известно о той несправедливости, которая произошла в отношении лорда Ситона и 52-го полка легкой пехоты». Лорд Ситон – это сэр Джон Колборн, получивший титул в 1839 году за успешную службу вице-губернатором Верхней Канады. Лик сетует, что Колборну и 52-му полку не воздаются почести за победу над Императорской гвардией. Аннотация книги, напечатанная жирным шрифтом на титульном листе, гласит:

Лик утверждал, что 52-й «выдвинулся за пределы британской позиции на 300 или 400 ярдов»:

Лик был убежденным христианином, весьма натренированным в соблюдении дня воскресного. Этому обычаю он следовал много лет, что послужило причиной скандала, что британская армия якобы «принуждается» к соблюдению «идолопоклоннических церемоний Римско-католической и Греческой церквей». Однако это «принуждение» было несущественным, временным и не оказало никакого эффекта на участие Великобритании в Крымской войне. Похоже, преподобный Лик мог быть весьма убедителен, и его книга получила значительный резонанс.

Без сомнения, сэр Джон Колборн действовал при Ватерлоо храбро и с толком. По собственной

инициативе он вывел 52-й из линии обороны, расположил его с фланга у 4-го стрелкового полка Императорской гвардии и обрушил на его ряды смертоносный огонь. Другой вопрос в том, достигла ли эта последняя атака Императорской гвардии вершины гребня? Патрик Кэмпбелл, офицер 52-го, прошедший самые суровые битвы Пиренейской кампании, писал, что французская гвардия «отступает и расстроена», рассказывая, как 52-й совершал свою фланговую атаку. Это наводит на мысль, что британская гвардия уже начала громить врага, а 52-й лишь дополнил этот разгром. Затем, что еще усложняет дело, капитан Джон Кросс – еще один опытный боец 52-го – вспоминал, что именно огонь батальона Колборна остановил французскую колонну: «В тот же миг, когда французские колонны почувствовали на себе огонь застрельщиков 52-го, они остановились, проявляя некоторое замешательство, и открыли плотный огонь по 52-му». Британские гвардейцы, – утверждал Кросс, – стояли твердо и не стреляли. А это может указывать на то, что французский батальон не подошел к британской гвардии на расстояние мушкетного выстрела. По этой причине, если Кросс и Лик правы, то 52-й все-таки выиграл в последнем бою с Императорской гвардией. Однако Лик определенно неправ, утверждая, что Колборн проделал это в одиночку, потому что британские гвардейцы уже выдержали атаку и посильней, как и голландцы и британцы вдоль всего гребня.

Возможно, Лику даже вовсе и не рассказали об этих предшествующих атаках. Было слишком много дыма, шума и путаницы, чтобы Лику – 17-летнему новичку, несущему одно из полковых знамен в центре линии 52-го, знать, что творится выше по склону, за левым флангом батальона, или что там произошло восточнее, вдоль по склону. Батальон был построен в две линии, полуротами, по десять шагов между ними, а Лик почти наверняка находился в задней из этих линий, где полковое знамя лучше всего защищено. Если это так, его обзор был ограничен еще сильнее. И 52-й полк не победил две колонны, как утверждал Лик. 52-й атаковал последний батальон гвардии, но остальные четыре батальона уже были сброшены со склона. А 10 000 человек? Конечно, среди ужасов сражения, где погибло так много людей Колборна, могло показаться и такое, но французских гвардейцев было куда меньше, чем 10 000.

В своем рассказе сэр Джон Колборн воздает должное британской гвардии и «проведению генеральной атаки с флага силами бригады сэра Ф. Эдама и дивизии сэра Генри Клинтона». Все это несколько не умаляет инициативы и достижений сэра Джона Колборна. Он был невероятно отважен, но Лик и некоторые офицеры решили, что с ними дурно обошлись, потому что заслуги полка не были отмечены в депеше Веллингтона. Их можно понять. Герцог упомянул британскую гвардию, сказав, что они «послужили примером, которому последовали все». Это раззадорило Лика, который считал, что его батальон заслужил такой же похвалы. Выжившие из других полков, возможно, чувствовали то же самое. 92-й, сражавшийся против сильно превосходящего противника штыками, остановил одну из колонн д'Эрлона и отбросил ее назад. 27-й удерживал наиболее уязвимый участок линии Веллингтона, и его бойцы сложили там свои головы, почти все до единого. Все они внесли свой вклад в победу. Когда позже герцога спросили, о чем он больше всего в жизни жалеет, он ответил, что должен был больше хвалить. Это определенно касалось жалобы Лика. Он огорчился, оттого что в депеше Веллингтона все лавры победителей достались гвардии, и написал целую книгу опровержений. Однако 52-й полк не в одиночку вызвал коллапс французской армии, во всяком случае, не больше, чем это сделала британская гвардия.

Но самые жестокие противоречия возникли между школой Гнейзенау и школой Веллингтона. Каким-то образом предвзятое неприязненное отношение Гнейзенау к герцогу дожило до наших дней. В целом герцога обвиняют в том, что он не воздал должное пруссакам и присвоил победу себе, но есть и более конкретные обвинения. Утверждается, что он невольно подвел своих союзников перед битвами при Катр-Бра и Линьи, что не выполнил обещание прислать подкрепление Блюхеру под Линьи, а когда военная кампания закончилась, всю жизнь пользовался славой победителя, не считаясь с возражением, что именно прусская армия спасла положение.

Наиболее серьезно первое из обвинений. Оно гласит, что Веллингтон знал о концентрации

французских войск гораздо раньше, чем 15 июня, накануне боев за Линьи и Катр-Бра, но из низких соображений до самого вечера делал вид, что не знает. Если этому верить, то нужно поверить также и тому, что прусский офицер, принесший эти новости Веллингтону, никому больше в Брюсселе не рассказал о готовившемся французском нападении. Тогда нужно еще и задаться вопросом, какая выгода для Веллингтона в том, чтобы скрыть новости? Обычно отвечают: чтобы подставить под нападение Блюхера, а британской армии дать возможность уйти. Это бессмыслица. Если герцог так боялся столкновения с французами, то почему же не начал отступление, как только услышал известия? Отвечать на этот вопрос – значит отдавать себе отчет в его глупости. А если бы Блюхер потерпел поражение, что выиграл бы Веллингтон? Вся эта кампания предполагала военный союз, основанный на понимании, что ни Блюхер, ни Веллингтон в одиночку разбить императора не могут, поэтому они и должны объединить усилия. Подставляя Блюхера под удар, Веллингтон обрекал на поражение и себя. Блюхер потерпел поражение, но кампания лишь чудом не сорвалась, потому что армию Блюхера не истребили. Прусская армия сохранилась и смогла сразиться еще раз. Победить удалось потому, что Блюхер принял смелое решение отступить в Вавр, а не в Льеж, а сделать это он мог, только твердо убедившись, что Веллингтон готов к бою и что отчаянно держит оборону гребня в Мон-Сен-Жане, что Веллингтон мог, в свою очередь, осуществить, только твердо убедившись, что Блюхер придет к нему на помощь. Проще говоря, кампания увенчалась успехом, потому что Блюхер и Веллингтон доверяли друг другу, и полагать, что Веллингтон стал бы рисковать этим доверием и плутовать с союзником, – значит идти против здравого смысла и всего, что нам известно о характере Веллингтона.

Так обещал ли он Блюхеру помощь при Линьи? Ответ простой: да, но только если на него самого не нападут. На него напали и не оставили никакой возможности помочь прусской армии. Обещание, если его можно так назвать, было дано при встрече Веллингтона и Блюхера на мельнице в Брье. Прусские отчеты об этой встрече не содержат упоминаний об условии «если на меня самого не нападут», но в записках фон Мюффлинга эти слова приводятся. Генерал фон Дорнберг, прусский по крови, но служивший в британской армии, вспоминал нечто подобное. Он утверждал, что Веллингтон сказал: «Я посмотрю, кто стоит против меня и какая часть моей армии прибыла, и поступлю соответственно». Еще три прусских источника гласят, что герцог не только обещал прийти, но даже указал Блюхеру точное время, когда его следует ожидать, хотя один из источников называет два часа дня, второй – три часа, а третий – Клаузевиц, который там даже не присутствовал, – четыре часа пополудни. Эти источники в лучшем случае сомнительны. Итак, источники расходятся, но Веллингтон уже своими глазами видел французов в Катр-Бра и вряд ли стал бы давать обещание, которое, скорее всего, выполнить не сможет. Он собирался драться в Катр-Бра и должен был предупредить союзников о своем намерении. Гнейзенау всегда обвинял герцога в своем проигрыше при Линьи – «поражение, которое мы потерпели из-за него», но это говорит нам скорее о недалекости Гнейзенау, чем о нечестности Веллингтона.

Другой вопрос, разговаривали эти два полководца напрямую или с переводчиками? Веллингтон свободно говорил по-французски, но не по-немецки. Блюхер не знал английского и в очень малой степени мог говорить по-французски. Встретившись с Веллингтоном после Ватерлоо, Блюхер сказал: *Quelle affaire!* («Что за история!») Герцог пошутил, что Блюхер по-французски только эти два слова и знал, зато его начальник штаба, Гнейзенау, говорил и по-французски, и по-английски. Есть подозрение, что Гнейзенау и провел большую часть переговоров в Брье. Известно, что, когда Веллингтон предложил пруссакам разместить свою пехоту в Линьи на обратных склонах, ответил ему именно Гнейзенау, а не Блюхер, и ответ был весьма глупым: «Пруссаки любят видеть своего врага». Гнейзенау не был дураком, но этот ответ, пренебрежительный до дерзости, наводит на мысль, что Гнейзенау даже в тот момент не мог преодолеть своей неприязни к англичанам и недоверия к Веллингтону. На мельнице в Брье мог состояться военный совет, но сохранившиеся источники говорят о том, что общались там не слишком много. Обсуждение не

клеилось в условиях подозрительности и непонимания. Впоследствии оказалось, что Блюхер не держит зла на «своего друга» Веллингтона, хотя, несомненно, держал бы, если бы тот его предал.

А вот самого Гнейзенау можно обвинить в ненадежности. Когда 18-го числа он отправлял прусские отряды на помощь Веллингтону, работу его штаба можно охарактеризовать как беспечную, если не зловредную. Зачем самый дальний от поля боя корпус отправлять первым? Или так организовывать движение, чтобы два корпуса встретились на перекрестке дорог? Мог ли Гнейзенау надеяться, что, пока прусские отряды задерживаются в пути, Веллингтон проиграет битву? Скорее всего, приготовления делались в страшной спешке. Была разумная причина отправить корпус фон Бюлова первым, поскольку он избежал кровавой бани при Линьи. Никто не мог предвидеть беспечности пекаря, поджегшего свой дом, но уж если великое достижение союзной армии отравлено обвинениями, необходимо заметить, что эти обвинения никак нельзя адресовать только одной стороне.

А разве Веллингтон умалял вклад прусской стороны? Есть свидетельства, что да, но через много лет после битвы. В своей депеше он в изящных выражениях признавал вклад прусской армии:

Кажется вполне ясным: прусское вмешательство было «решающим». Школа Гнейзенау возражает, что герцог все-таки приписывает победу собственной атаке, но ведь он прав? Непосредственной причиной коллапса французской армии стало поражение Императорской гвардии, а гвардию разбили силы Веллингтона. Герцог не пытался отрицать, что бой с гвардией завершился бы по-иному, если бы пруссаки не отвлекли резервы Наполеона на защиту Плансенуа. Это была именно победа союзников.

Но через много лет герцог, несомненно, захотел получить львиную долю славы. Эта битва стала его наивысшим достижением, победой над самим Наполеоном. Эта победа заложила фундамент его прижизненного положения величайшего героя Британии. Он отказывался обсуждать эту битву и отвергал все вопросы о подробностях от писателей (которых презирал). Он говорил, что невозможно рассказать историю битвы, но в 1830-х Уильям Сиборн, офицер британской армии, предложил идею построить массивную модель этой битвы в масштабе 1,6 километра в трех метрах. Такая модель была построена, ее и сейчас можно увидеть в Национальном музее армии, в Челси. Это громадная, внушительная конструкция содержит более 70 000 солдатиков, показывающих, где все три армии находились в «критический момент», за который Сиборн принимает разгром Императорской гвардии. Сиборн много месяцев провел в Ватерлоо, знакомясь с топографией поля битвы, и, заручившись помощью военных, обратился почти к каждому из выживших офицеров с просьбой написать о своих воспоминаниях. Из ответов он собрал уникальный архив свидетельств очевидцев.

Герцог отказался предоставить свои воспоминания и, кажется, вообще был не рад работе Сиборна. В марте 1837 года лорд Фицрой Сомерсет написал Сиборну. Во время этой кампании Фицрой Сомерсет был военным секретарем герцога и его особо приближенным лицом. (Затем он стал лордом Рагланом, прославившимся в Крымскую войну.) Он написал Сиборну достаточно дружелюбно, однако заметил:

Сиборн предложил внести изменения, но правительство уже приобрело эту работу, и что-то менять было поздно, так что модель, которую мы видим сегодня, – и есть та, которую ругал Фицрой Сомерсет. Вероятно, она точна. И вероятно, правда, что, когда герцог состарился, он свел на нет заслугу прусской армии. Обычная гордыня, а был он человеком гордым и много чем гордившимся. Услышав о смерти Наполеона в 1821 году, он заметил Гарриет Арбетнот, своей, вероятно, ближайшей из всех многочисленных подруг: «Теперь я, наверное, могу сказать, что я – самый талантливый из живых полководцев!» Несомненно, он гордился своими умениями и ревниво относился ко всему, что могло принизить его репутацию.

Битва при Ватерлоо была победой союзников. Таковой она планировалась, таковой и оказалась. Ни за что Веллингтон не удержал бы своих позиций, если бы не знал, что в какой-то момент придут пруссаки и

позволят ему спуститься. Блюхер ни за что не пришел бы, если бы думал, что Веллингтон все бросит и сбежит. Правда, пруссаки подошли позже, чем надеялся Веллингтон, но, возможно, это тоже послужило к успеху сражения. Если бы силы Блюхера подошли на 2–3 часа раньше, Наполеон мог бы перегруппировать свою армию и отступить. Однако к тому времени, как в сражение вмешались пруссаки, французская армия была уже почти полностью обращена в бегство и перегруппировке не поддавалась. Император был не просто побежден, а разгромлен.

Леди Фрэнсис Шелли однажды спросила Веллингтона, правда ли, что накануне битвы при Катр-Бра он был неприятно удивлен? Она имела в виду вечер на балу у герцогини Ричмонд, когда герцог якобы чувствовал, что враги обвели его вокруг пальца. В марте 1820 года герцог писал ей: «Что касается этих обвинений, будто я был удивлен... Предположим, что был. Я выиграл эту битву – и чего же вам еще?»

Таков уверенный ответ герцога всем его критикам: «Я выиграл эту битву – чего же вам еще?»

По сравнению с вопросом: «Кто выиграл битву?» гораздо легче ответить на вопрос: «Кто проиграл в этой битве?», и ответ должен быть: «Наполеон». И герцог, и Блюхер показали себя вождями. Люди видели их тут и там и вдохновлялись их видом. Наполеон же оставил управление битвой маршалу Нею, который хоть и был храбрее большинства людей, но почти ничего не сделал, только бросал войска против одного из самых искушенных в оборонительной войне командующих эпохи. Французы располагали и временем, и силами, чтобы прорвать оборону Веллингтона, но не смогли, отчасти потому что герцог так искусно защищался, отчасти потому что французы ни разу не скоординировали удар всеми родами войск по союзной линии обороны. Они задержали начало сражения в день, когда Веллингтону особенно было важным время. Они растратили людей на штурм Угумона. Ней швырнул французскую кавалерию в атаку, продлившуюся большую часть дня. Почему Наполеон доверил руководить битвой Нею, остается загадкой. Ней, конечно, был человеком храбрым, но ведь император считал его «слишком глупым, чтобы за ним следовать», так почему же все-таки положился на него? А когда французы наконец добились большого успеха – взяли Ла-Э-Сент, что позволило им занять передний склон гребня Веллингтона, – почему император отказался укрепить центр и дал герцогу время, чтобы тот привел подкрепление? И наконец, почему Императорская гвардия атаковала так мало и так поздно, когда прусские войска уже зашли к ним во фланг и угрожали зайти с тыла?

Герцог, как обычно, оказался прав – невозможно изложить историю битвы, потому что в ней переплетается слишком много историй, и расплести эти нити не в силах никто. Для кого-то события дня сливаются в один сплошной кошмар, в котором не разобрать ничего, кроме дыма. Некоторые батальоны узнавали, где враг, только по вспышкам мушкетных выстрелов и клубам дыма – туда они и стреляли. Некоторые впоследствии попытались разобраться в хаосе, в который угодили, и изложили собственные истории. Существует рассказ про Джона Шоу, капрала 2-го кавалерийского полка лейб-гвардии, высокого и чудовищно сильного человека, занимавшегося боксом без перчаток. Некоторые утверждают, что когда он со своим полком шел в атаку, то был в стельку пьян, однако убил семерых кирасиров. Когда его видели в последний раз, его клинок был сломан и он орудовал своим шлемом как булавой. Он погиб. А был еще Джон Доусон, 2-й граф Портарлингтон, который исчез в ночь перед битвой, предположительно, чтобы нанести визит даме в Брюсселе. И в результате пропустил начало битвы, но поскольку он командовал 23-м драгунским, то был разжалован, все же прибил к 18-му гусарскому и в конце битвы шел в атаку вместе с ними. Однако бесчестье было так велико, что ему пришлось сдать офицерский патент. «Он пустился в разгул, – указано в списке воинов Ватерлоо, – и умер в мрачной лондонской трущобе». А еще была жена фермера из Мон-Сен-Жана, которая, зная грабительские повадки солдат, забрала весь свой птичник на чердак и всю битву охраняла своих цыплят и уток. Молодой прусский солдат после битвы в письме своим родителям написал: «Скажите сестре, что я не наделал в штанишки!» А лейтенанту Чарльзу Смиту из 95-го

стрелкового после битвы досталась невеселая работа хоронить своих «зеленых мундиров». Разбирая груды тел, похоронная команда обнаружила французского кавалерийского офицера «изящного телосложения и внешности». Оказалось, это молодая женщина в униформе. Мы никогда не узнаем, кем она была, Чарльз Смит пишет только, что она была красива. Быть может, она не смогла вынести разлуки с любимым?

Так много историй, и так мало из них со счастливым финалом. За день до Ватерлоо майор, командовавший 40-м, написал письмо жене. Этот 34-летний ирландец командовал сомерсетширским батальоном, а написал, как это делают многие солдаты, последнее письмо на случай, если он погибнет. Накануне битвы такие письма писали французы, голландцы, пруссаки, ганноверцы, шотландцы, ирландцы, валлийцы и англичане. Майор Артур Хейланд писал:

Майор Артур Хейланд был одним из тысяч убитых в битве при Ватерлоо.

Послесловие

Париж сдался союзным силам 4 июля 1815 года. Наполеон достиг острова Святой Елены в южной части Атлантического океана 15 октября 1815 года. Ему оставалось прожить еще шесть лет, большую часть которых он провел за написанием тенденциозных мемуаров, питавших культ Наполеона, все еще преобладавший во Франции. Бэзил Джексон, британский штаб-офицер, доставивший генералу Пиктону приказ об отступлении от Катр-Бра, находился в составе гарнизона острова и записал, как поверженный император проводил спланированную политику постоянного составления жалоб на «ненужные ограничения, оскорбления от губернатора, нехватку продовольствия, скудные жилищные условия, вредный климат и уйму других недостатков». Некоторые из претензий были несправедливыми, но Наполеон ставил задачу очернить репутацию сэра Хадсона Лоу – терпеливого губернатора острова, – а к себе вызвать жалость. Когда в 1821 году Наполеон умер, его похоронили на плоской возвышенности с прекрасными видами на Атлантический океан, но в 1840 году его тело вернули во Францию, где он и поныне покоится в богатой гробнице в Доме инвалидов. Особняк Лонгвуд-Хаус, построенный на острове для нужд Наполеона, был передан Франции в 1858 году, сейчас там музей.

Большинство французских генералов после битвы направилось в изгнание. Почти все они приносили прежде присягу Людовику XVIII и потому боялись мести роялистов, но постепенно, один за другим возвращались, восстанавливали свое положение и высокие должности. К примеру, маршал Сульт стал премьер-министром. Он присутствовал на коронации королевы Виктории в лондонском Вестминстерском аббатстве, где вполне дружески общался с герцогом Веллингтоном. Груши повсеместно винули за разгром императора, и он бежал в Соединенные Штаты, но в 1821 году, в год смерти Наполеона, был прощен.

Граф д'Эрлон столкнулся с маршалом Неем во время панического отступления при Ватерлоо и посоветовал ему отправиться в изгнание. Нею стоило бы прислушаться к совету. Вместо того он вернулся во Францию, где после реставрации монархии был арестован и обвинен в измене. 7 декабря 1815 года, ранним зимним утром, маршал Ней был казнен французской расстрельной командой. Он отказался от повязки на глаза, отказался встать на колени и умер в своей маршальской униформе. Ней заслуживал лучшей участи. Он был необузданным, отважным, импульсивным – и в нем было нечто героическое. Он несомненно был повинен в измене Людовику XVIII, как и великое множество других, первый из которых – маршал Сульт, который до кампании Ватерлоо успел побывать военным министром Людовика XVIII. Однако у Сульта нашлись в Париже могущественные политические союзники, и он избежал наказания. Существует расхожая легенда, будто Ней бежал в Южную Каролину, а его место перед расстрельной командой занял другой человек, но, похоже, это всего лишь романтический вымысел.

Луи Канле, молодой солдат, чей завтрак приправили порохом, сделал выдающуюся карьеру детектива в Сюрте, поднявшись из рядовых до первого лица в этой организации. Другим молодым человеком, сделавшим выдающуюся карьеру, стал Франц Либер, вступивший в армию в Берлине, на волне всеобщего энтузиазма. Он в 1827 году эмигрировал в Америку и стал профессором политической экономии в Колледже Южной Калифорнии, но перед началом Гражданской войны переехал на север и стал преподавать в Колумбийском университете, где составил Кодекс Либера, который считается первой попыткой составления законов ведения войны. Либер дожил до 1872 года.

Генерал фон Мюффлинг был повышен в звании до фельдмаршала. Временно командовал союзным гарнизоном, оккупировавшим Париж, затем получил назначение начальником Генерального штаба прусских вооруженных сил. Он умер в 1851 году. Карл фон Клаузевиц более всего известен как автор сочинения «О войне» (Vom Kriege) – классического текста о политическом применении войны. Фон Клаузевиц служил у Гнейзенау начальником штаба, и оба они умерли в 1831 году, во время вспышки холеры. Фельдмаршала фон Гнейзенау заслуженно прославляют в Германии как великого патриота и как человека, который наряду с фон Шарнхорстом отвечал за реорганизацию прусской армии и подготовку ее к решительной борьбе с Наполеоном. Его партнерство с Блюхером считается одним из самых удачных в военной истории.

Фельдмаршал фон Блюхер после войны удалился в свое имение в Силезии, где и умер в 1819 году. Вскоре после Ватерлоо он нанес визит в Лондон, где британское правительство почтило его и отблагодарило за особый вклад в победу над Наполеоном. Он высадился в Дувре, и его дорога к Лондону пролегла через Блэкхит, где экипаж остановился и фельдмаршал смог полюбоваться величественной панорамой британской столицы, тянувшейся на запад. Блюхер восхитился видом, а потом сказал: «Ну и город, вот бы его разграбить!» Замечательный был человек!

Тощий Билли оказался королем куда лучшим, чем генералом. Его отец отрекся от престола в 1840 году, и принц стал Виллемом II, королем Нидерландов, потерявших впоследствии провинцию Бельгия. Король придерживался либеральных взглядов, провел избирательную реформу, принял конституционное ограничение монархии. Правил он до самой смерти в 1849 году.

Большинство британских солдат, переживших битву, остались в армии. И Нэд Костелло, и Джон Кинкейд служили в церемониальной страже лондонского Тауэра. Некоторые канули во тьму и нищету. Другие, как сэр Джон Колборн, поймали свою звезду на правительственной службе. Колборн сделался лордом Ситоном, вице-губернатором Верхней Канады. Фредерик Понсонби, которого порубили клинками, проткнули копьем и ограбили прохожие пехотинцы, выжил и стал губернатором Мальты. Кавалье Мерсе дослужился до высокого звания в королевской артиллерии. Для многих людей, известных и неизвестных, Ватерлоо стало опытом, определившим дальнейшую жизнь. Все, что было до Ватерлоо, не имело такого значения. Все, что произошло после, рассматривалось сквозь призму того страшного дня. И более всего это справедливо для самого герцога. Всю свою последующую жизнь, несмотря на прочие высокие титулы, он в первую очередь был победителем при Ватерлоо. Он стал премьер-министром, но успех его не в этом. Свое прозвище Железный Герцог он получил не на поле боя, а из-за железных ставен, которые велел установить на Эпсли-хаус, чтобы люди, облицовывавшие стены, не побили ему окна. Он умер в 1852 году в возрасте 83 лет. Несмотря на политические неудачи, он пользовался непревзойденным почетом и славой. До Ватерлоо Веллингтона называли лучшим британским полководцем после Мальборо, но после Ватерлоо его репутация стала незыблемой.

Это сражение послужило поворотной точкой. Вторая половина XVIII века оказалась сценой долгой борьбы за превосходство между Францией и Великобританией. Семилетняя война увела французов из Северной Америки, но Франция была отомщена во время американской Революции, когда армия, ведомая

Джорджем Вашингтоном, решительно разбила британцев и добыла Штатам независимость. Через 10 лет начались революционные войны и продлились, не считая короткой передышки в 1802 году, до 1815 года. Ватерлоо покончило с соперничеством стран и утвердило за Великобританией доминирующее положение до конца XIX века – позицию, которую герцог Веллингтон впечатал в историю, защищая гребень Мон-Сен-Жан.

Благодарности

Невозможно писать про Ватерлоо, не опираясь на труды других историков. Особенно я обязан Марку Эдкину, чья книга «Кавалер Ватерлоо» (The Waterloo Companion) оказалась просто незаменимой. Это восхитительная подборка почти всего, что только можно пожелать узнать про эту битву. Книга богато иллюстрирована, карты превосходны, исследование всеобъемлюще, а суждения справедливы. И если я сталкивался с путаницей, обычно из-за противоречий в записях очевидцев, я обнаруживал, что Марк Эдкин уже выяснил, каким путем преодолеть эти затруднения. Я очень ему обязан.

Сегодня над полем битвы возвышается огромный Львиный курган – мемориал, воздвигнутый отцом Тощего Билли на месте, где его сын был ранен. Герцог Веллингтон, увидав эту гору, заметил: «Мое поле битвы сровняли с землей». Это правда, потому что ради сооружения этой гигантской насыпи тонны грунта переместили с вершины гребня, и теперь посетители не могут увидеть ландшафт таким, каким он был, когда Императорская гвардия двинулась в свою последнюю атаку. Тем не менее поле битвы удобно для посещения, лучший путеводитель по нему: Дэвид Баттери «Путеводитель по полю Ватерлоо» (Waterloo Battlefield Guide). Он не только проведет посетителя по памятным местам этого сражения, но и расскажет историю тех четырех исторических дней. Эта книга послужит отличным спутником всякому, кто решил посетить поля битвы той войны.

Но ничто так не приближает нас к той битве, как свидетельства людей, которые в ней побывали, и никто не сделал для сохранения этих записей больше, чем Гарет Главер. Большинство текстов, процитированных в этой книге, взяты из подборок Гарета Главера: «Письма с битвы при Ватерлоо» (Letters from the Battle of Waterloo) или из его трехтомника «Архивы Ватерлоо» (The Waterloo Archive). Я неимоверно благодарен ему за кропотливый труд.

Мне посчастливилось встречаться с покойным Джеком Веллером и выслушать его аргументированное мнение о Веллингтоне, Наполеоне и битве при Ватерлоо. Мнение Петера Хофшрёера столь же аргументировано, и дебаты, в которые он вступает, рассказывая о битве, расширяют представление о ней. Я очень признателен ему, а также всем авторам, чьи работы так облегчили мой труд. Патрик Макгрейди любезно предоставил мне свое исследование об Элизабет Гейл, пятилетней девочке, ставшей очевидицей этой битвы.

Еще мне посчастливилось на протяжении всей моей писательской карьеры работать с одним издательством. Поддержка, которую я получал от Сьюзан Уатт, Хелен Эллис, Лиз Доусон, Кейт Элтон, Дженнифер Барт, Джонатана Бернгема, Майлса Арчибальда и Джулии Коппитц, колоссальна, спасибо вам! И спасибо моему агенту, Тоби Иди, который был со мной с самой первой книги и без которого могло не

случиться вообще никаких книг.

И совершенно точно, никаких книг не получилось бы без поддержки моей жены. Джуди все время была моим вдохновением. Про нее можно сказать словами Веллингтона, который говорил о британской пехоте при Ватерлоо: «Наилучший инструмент». Такова и она для меня.

Библиография

Adkin M. The Waterloo Companion: The Complete Guide to History's Most Famous Land Battle. London: Aurum Press, 2001.

Alsop S. M. The Congress Dances, Vienna 1814–1815. London: Weidenfeld & Nicolson, 1984.

Asprey R. The Reign of Napoleon Bonaparte. New York: Basic Books, 2001.

Bailey D. W. British Military Longarms, 1715–1815. London: Arms and Armour Press, 1971.

On Waterloo, Clausewitz, Wellington, and the Campaign of 1815 / C. Bassford, D. Moran, G. W. Pedlow (eds and trans). Clausewitz.com, 2010.

Black J. The Battle of Waterloo. New York: Random House, 2010.

Brett-James A. The Hundred Days: Napoleon's Last Campaign from Eye-Witness Accounts. London: Macmillan, 1964.

Edward Costello: The Peninsular and Waterloo Campaigns / Ed. A. Brett-James. London: Longman, Green, 1967.

Bryant A. Jackets of Green: a study of the history, philosophy and character of the Rifle Brigade. London, Collins, 1972.

Buttery D. Waterloo Battlefield Guide. Barnsley: Pen and Sword, 2013.

Caldwell G., Cooper R. Rifle Green at Waterloo. Leicester: Bugle Horn Publications, 1990.

Waterloo: Battle of Three Armies / Ed. L. Chalfont. London: Sidgwick and Jackson, 1979.

Napoleon's Marshals / Ed. D. G. Chandler. London: Weidenfeld & Nicolson, 1987.

Chandler D. G. On the Napoleonic Wars. London: Greenhill Books, 1994.

Waterloo: The Hundred Days. London: Osprey Publishing, 1980.

Crowdy T. E. Incomparable: Napoleon's 9th Light Infantry Regiment. London: Osprey Publishing, 2013.

Dalton C. The Waterloo Roll Call // 2nd ed. London: Eyre and Spottiswoode, 1904.

Dobbs C. J. Recollections of an Old 52nd Man. 1863 // reprinted Staplehurst: Spellmount, 2000.

- Elting J. R.* Swords Around a Throne: Napoleon's Grande Armée. New York: The Free Press, 1988.
- Fitchett W. H.* Wellington's Men: Some Soldier Autobiographies. London: Smith, Elder, 1900.
- Fremont-Barnes G., Fisher T.* The Napoleonic Wars: The Rise and Fall of an Empire. Oxford: Osprey Publishing, 2004.
- Geyl P.* Napoleon: For and Against. London: Jonathan Cape, 1949.
- Glover G.* Letters from the Battle of Waterloo. London: Greenhill Books, 2004.
- The Waterloo Archive, vol. I, British Sources. Barnsley: Frontline Books, 2010.
- The Waterloo Archive, vol. II, German Sources. Barnsley: Frontline Books, 2010.
- The Waterloo Archive, vol. III, British Sources. Barnsley: Frontline Books, 2011.
- Wellington as Military Commander. London: Batsford, 1968.
- Wellington Commander: The Iron Duke's Generalship / Ed. P. Griffith. Chichester: Antony Bird Publications, 1985.
- Guedalla P.* Wellington. New York: Harper and Bros, 1931.
- Hathaway E.* Costello: The True Story of a Peninsular War Rifleman. Swanage: Shinglepicker, 1997.
- Haydon B. R.* The Diary of Benjamin Robert Haydon, 1808–1846. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960.
- Haythornthwaite P. J.* The Napoleonic Source Book. New York: Facts on File, 1990.
- Redcoats: The British Soldiers of the Napoleonic Wars. Barnsley: Pen and Sword, 2012.
- The Waterloo Armies: Men, Organization & Tactics. Barnsley: Pen and Sword, 2007.
- Weapons and Equipment of the Napoleonic Wars. Poole: Blandford Press, 1979.
- Who Was Who in the Napoleonic Wars. London: Arms and Armour Press, 1998.
- Hibbert C.* Wellington: A Personal History. London: HarperCollins, 1997.
- Hofschröer P.* 1815, The Waterloo Campaign: Wellington, his German Allies and the Battles of Ligny and Quatre Bras. London: Greenhill Books, 1998.
- Holmes R.* Redcoat: The British Soldier in the Age of Horse and Musket. London: HarperCollins, 2001.
- Wellington: The Iron Duke. London: HarperCollins, 2002.
- Hooper G.* Waterloo: The Downfall of the First Napoleon: A History of the Campaign of 1815. London: Smith, Elder, 1862.
- The Consortium on Revolutionary Europe, 1750–1850: Selected Papers, 2000 / Eds. D. D. Horward et al. Tallahassee: Florida State University, 2000.
- Howarth D.* A Near Run Thing. London: Collins, 1968.
- Johnson D.* Napoleon's Cavalry and Its Leaders. London: Batsford Books, 1978.
- Johnson P.* Napoleon. London: Weidenfeld & Nicolson, 2002.
- Johnston R. M., Haythornthwaite P.* In the Words of Napoleon: The Emperor Day by Day. London: Greenhill Books, 2002.
- Keegan J.* The Face of Battle. London: Jonathan Cape, 1976.

- The Mask of Command. New York: Viking, 1987.
- Kincaid J.* Random Shots from a Rifleman. London: T. and W. Boone, 1847.
- Leeke Rev. W., M. A.* The History of Lord Seaton's Regiment (The 52nd Light Infantry) at the Battle of Waterloo. 2 vols. London: Hatchard, 1866.
- Liddell H.* The Letters of Private Wheeler 1809–1828 / Ed. B. H. Captain. London: Michael Joseph, 1951.
- Lieber F., L.L.D.* Reminiscences, Addresses, and Essays //vol. I of Lieber's Miscellaneous Writings. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1881.
- Logie J.* Waterloo: The 1815 Campaign. Stroud: Spellmount, 2006.
- Longford E.* Wellington: The Years of the Sword. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969.
- Mackenzie N.* The Escape from Elba: The Fall and Flight of Napoleon 1814–1815. New York: Oxford University Press, 1982.
- McLynn F.* Napoleon: A Biography. London: Jonathan Cape, 1997.
- Müffling Baron Carl von.* The Memoirs of Baron von Müffling: A Prussian Officer in the Napoleonic Wars. London: Greenhill Books, 1997.
- Naylor J.* Waterloo. London: Batsford, 1960.
- Newark T.* Highlander: The History of the Legendary Highland Soldier. London: Constable and Robinson, 2009.
- Palmer A.* An Encyclopaedia of Napoleon's Europe. London: Weidenfeld & Nicolson, 1984.
- Park S. J., Nafziger G. F.* The British Military, Its System and Organization, 1803–1815. Cambridge: Ontario, Rafm, 1983.
- Parkinson R.* The Hussar General: The Life of Blücher, Man of Waterloo. London: Peter Davies, 1975.
- Richardson R. G.* Larrey: Surgeon to Napoleon's Imperial Guard. London: John Murray, 1974.
- Roberts A.* Napoleon and Wellington. London: Weidenfeld & Nicolson, 2001.
- Waterloo: Napoleon's Last Gamble. London: HarperCollins, 2005.
- Robinaux P.* Journal de Route du Capitaine Robinaux, 1803–1832. Paris: Gustave Schlumberger, 1908.
- Rogers Colonel H. C. B.* Napoleon's Army. Shepperton: Ian Allan, 1974.
- Rothenberg G. E.* The Art of Warfare in the Age of Napoleon. London: Batsford, 1977.
- Schom A.* One Hundred Days: Napoleon's Road to Waterloo. London: Penguin, 1993.
- Severn J. K.* A Wellesley Affair: Richard Marquess Wellesley and the Conduct of Anglo-Spanish Diplomacy, 1809–1812. Tallahassee: Florida State University, 1981.
- Shelley F.* The Diary of Frances Lady Shelley, vol. I, 1787–1817 / Ed. R. Edgcumbe. New York: Charles Scribner's Sons, 1912; vol. II, 1818–1873 / Ed. R. Edgcumbe. London: John Murray, 1913.
- Strawson J.* The Duke and the Emperor: Wellington and Napoleon. London: Constable, 1994.
- Uffindell A., Corum M.* On the Fields of Glory: The Battlefields of the 1815 Campaign. London: Greenhill Books, 1996.
- Urban M.* Rifles: Six Years with Wellington's Legendary Sharpshooters. London: Faber and Faber, 2003.
- Weller J.* Wellington at Waterloo. London: Longmans, Green, 1967.

Wise T. Artillery Equipments of the Napoleonic Wars. London: Osprey, 1979.

The Waterloo Journal / Ed. I. Fletcher. The Waterloo Journal издавался трижды в год The Association of Friends of the Waterloo Committee (www.waterloocommittee.org.uk) и A.S.B.L. Pour Les Études Historiques de la Bataille de Waterloo. Я в долгу перед издателями этого журнала за многие статьи, прочитанные мной за эти годы и заставляющие задуматься.

Приложение

Знаки отличия с киверных пластин и пуговиц

- С. 9 и 13 – киверная пластина королевской артиллерии (1813);
- С. 21 – французский имперский орел;
- С. 45 – кивер французской Императорской гвардии;
- С. 69 – 1-й батальон 95-го стрелкового полка;
- С. 87 – бронзовая «Адамова голова» с киверов прусских гусар Черного легиона;
- С. 111 – кивер французской лейб-гвардии;
- С. 139 – кивер Королевского германского легиона;
- С. 161 – кивер французского 9-го гусарского полка;
- С. 187 – знаки отличия 92-го полка хайлендеров Гордона;
- С. 213 – кивер Королевской артиллерии;
- С. 235 – знак отличия 52-го пехотного полка;
- С. 263 – Саксен-Веймарский знак;
- С. 289 – нагрудный знак французской Императорской гвардии;
- С. 315 – знак королевских шотландцев;
- С. 341 – нагрудный знак Королевской артиллерии.

Список карт

- С. 44 – Дорога на Брюссель, 14 июня 1815 г.
- С. 68 – Наступление Наполеона, 15 июня 1815 г.
- С. 86 – Катр-Бра и Линьи, 16 июня 1815 г.
- С. 110 – Ватерлоо 18 июня 1815 г., расположение войск утром.
- С. 138 – Угумон, 14:30–19:30.
- С. 160 – Восточное крыло позиции Веллингтона, середина утра.

- С. 186 – Атака Дворцовой и Союзной кавалерийских бригад, 14:00–14:30.
- С. 212 – Наступление Блюхера при Ватерлоо, 18 июня 1815 г.
- С. 234 – Апогей атаки французской кавалерии, 17:00.
- С. 262 – Ла-Э-Сент, 13:30–18:30.
- С. 288 – Наступление Императорской гвардии, 19:30

Иллюстрации

«Поле при Ватерлоо, вид от дерева Пиктона» (Дж. М. У. Тёрнер), ок. 1833 г. На картине хорошо заметны крутые склоны долины и видны небольшие размеры поля битвы

«Возвращение Наполеона с острова Эльба» (Франсуа Жозеф Гейм), 1815 г. Был вечер, когда Наполеон прибыл во дворец Тюильри. Ожидаящие могли слышать приветственные крики. Затем стук копыт на переднем дворе. И вот уже самого императора внесли в аудиенц-зал

«Портрет герцога Веллингтона» (Франциско Гойя), 1812–1814 гг. Когда в 1814 г. герцога спросили, сожалеет ли он о том, что ни разу не встретился с императором в битве, тот ответил: «Нет, я очень рад этому». Он презирал Наполеона-человека, но восхищался Наполеоном-воином

«Наполеон в Фонтенбло, 31 марта 1814 г.» (Поль Деларош), 1840 г. Красивый, стройный молодой человек исчез, его заменил пузатый, коротко стриженный мужчина с желтоватой кожей

«Портрет императрицы Жозефины» (Пьер Поль Прюдон), ок. 1805 г.

Сувенир в честь возвращения Наполеона в Париж в марте 1815 г. Фиалка символизировала Наполеона. Свадебный наряд его возлюбленной Жозефины украшали фиалки, и на каждую годовщину император посылал ей букет этих цветов

«Император Александр I» (Франсуа Жерар), 1814 г. «Вам выбирать, – сказал Александр I герцогу Веллингтону, – спасти ли мир снова»

«Клеменс Лотар Венцель, принц Меттерних» (Томас Лоуренс), 1815 г. «Войну, – вспоминал он, – объявили меньше чем за час»

«Портрет Людовика XVIII в коронационном одеянии» (Франсуа Жерар), ок. 1814 г.

«Портрет Жана-Виктора де Констан-Ребека» (Ян Баптист Ван дер Хюлст), 1842 г.

«Генерал-фельдмаршал Август Нейдхардт, граф Гнейзенау» (Джордж Доу), 1818 г. Гнейзенау говорил, что герцог Веллингтон долго собирал свою армию, и лицемерно прибавлял: «Я до сих пор не знаю почему»

Грозный 72-летний князь Гебхард Леберехт фон Блюхер по прозвищу Маршал Форвертц (Маршал Вперед). Гравюра по рисунку Адольфа Менцеля, 1882 г.

«Бал у герцогини Ричмонд, 15 июня 1815 г.» (Роберт Александр Хиллингфорд), 1870-е гг. Почти все старшие офицеры армии Веллингтона находились на этом балу, герцогу было легко их найти и дать каждому указания

«28-й полк в Катр-Бра» (леди Батлер, она же Элизабет Томпсон), 1875 г. Рядовой Томас Пэттон, ирландец, служил в 28-м пехотном Глостерширском полку. Они стояли в каре, и был отдан приказ прекратить огонь. Вражеская конница окружила каре, но не пыталась пробиться через строй «красных мундиров», произошла заминка. Пэттон вспоминал: «[Французский офицер, может быть, даже генерал] заехал прямо в наш строй, головой коня поверх наших штыков, и стал призывать французов прорвать каре»

«Герцог Веллингтон верхом на Копенгагене» (Томас Лоуренс), 1818 г. Он облачен был в белые лосины, полуботинки, темно-синий редингот с отворотами, белый шейный платок и его обычную шляпу с кокардой. В бой герцог всегда одевался просто. Его люди знали, кто он такой, никакой мишуры не требовалось

«Смертный час Черного герцога» (Иоганн Фридрих Маттеи), 1822 г. На картине изображена гибель Фридриха Вильгельма, герцога Брауншвейгского, в битве при Катр-Бра

Катр-Бра, где произошла битва (картина Джеймса Роуза)

7-й Королевский гусарский полк под командованием сэра Эдварда Керрисона атаковал французов при Катр-Бра (картина Дениса Дайтона, 1818 г.)

Деревня Женап, где Веллингтону удалось немного поспать после Катр-Бра. Также именно здесь карета Наполеона была захвачена прусским отрядом после окончательного поражения при Ватерлоо

Битва при Линьи, 16 июня 1815 г. Сражение было отчаянным, в деревнях оно переходило в рукопашный бой

«Портрет маршала Мишеля Нея» (Франсуа Жерар), ок. 1805 г. Мишель Ней, которого называли храбрейшим из храбрых, был вспыльчив и грозен. Пламенный, огненно-рыжий и задорный, он был сыном бондаря. В 1815 г. ему исполнилось 46, примерно в том же возрасте находились и Наполеон, и Веллингтон

«Портрет Доминика Жана Ларрея» (Анн-Луи Жироде-Триозон), 1804 г. Главный хирург Императорской гвардии Ларрей изобрел «летучий лазарет» – легкую повозку на хороших рессорах, с поворотной передней осью, что позволяло ей маневрировать на поле боя, заваленном телами и обломками. Пол у повозки мог выкатываться назад и превращаться в операционный стол или пандус для погрузки раненого

«Портрет маршала Груши» (Жан Себастьян Руйяр), 1835 г. Несмотря на в остальном успешную военную карьеру, Груши был обвинен в поражении французов при Ватерлоо. Утром 18 июня, столкнувшись с противоречивыми приказами маршала Сульты, Груши отправился с войском в Вавр

«Портрет маршала Николя Жан де Дьё Сульта» (Жозеф де Корт), между 1819 и 1835 гг. Он сказал Наполеону: «Сир, в открытом бою английские пехотинцы дерутся как черти»

«Портрет графа Жан-Батиста Друэ д'Эрлона, маршала Франции» (Ари Шеффер), до 1858 г. Наполеон считал, что может уничтожить армию Веллингтона до подхода прусских войск. Инструментом уничтожения должны были послужить четыре атакующие колонны корпуса д'Эрлона

«Портрет Генри Уильяма Пэджета, лорда Аксбриджа» (Уильям Бичи), до 1839 г. Веллингтон не хотел, чтобы Аксбридж был помощником главнокомандующего и командиром британской кавалерии (многие считают, дело было в том, что Аксбридж увел жену у младшего брата Веллингтона), но тот пользовался королевским покровительством. В битве при Ватерлоо один из последних выстрелов просвистел мимо Веллингтона и отнял ногу у Аксбриджа. «Боже, сэр! – сказал Аксбридж. – Я потерял ногу!» «Боже, сэр! – ответил герцог. – И в самом деле»

«Портрет Томаса Пиктона» (Мартин Арчер Ши), до 1850 г. Пиктон был серьезно ранен при Катр-Бра и погиб, ведя своих людей в атаку при Ватерлоо

«Сэр Джеймс Макдонелл» (Уильям Солтер), ок. 1834–1840 гг. Задача Макдонелла в то воскресенье состояла в том, чтобы защитить Угумон с 1500 гвардейцами и 600 голландско-немецкими союзниками от примерно 9000 французских пехотинцев

«Британская Королевская конная артиллерия» (Уильям Хит). Одна из пушек была укомплектована ракетами – новым оружием, которое Веллингтон считал пригодным, только чтобы лошадей пугать

На центр французской позиции приходилась таверна *La Belle Alliance*, построенная там, где дорога пересекала южный гребень. Ее постояльцам открывался вид на север, вдоль дороги. Справа и слева расстилалась долина

Вид с Мон-Сен-Жан на битву при Ватерлоо, 1816 г. Грохот наполеоновских пушек сотрясал воздух над полями возле Мон-Сен-Жан

Акватинта 1817 г. показывает напряженность на поля боя

«Битва при Ватерлоо» (Денис Дайтон), до 1827 г. Французские гусары и польские уланы сражаются с британской пехотой

Из всех полотен на тему Ватерлоо, наверное, самая знаменитая вещь – картина леди Батлер, на которой изображена атака «шотландских серых». Картина называется «Шотландия навеки!», сейчас она висит в Художественной галерее Лидса. Однако, хоть это и прекрасная картина, она полностью недостоверна

«Оборона Угумона колдстримскими гвардейцами» (Денис Дайтон), до 1827 г. Под Угумоном погибли тысячи человек, и мы должны простить выжившим, что их описания не совпадают в подробностях

«Закрытие колдстримскими гвардейцами ворот Угумона перед наступающими французами в ходе битвы при Ватерлоо» (Роберт Гибб), 1903 г.

«Атака французской кавалерии на британские каре в битве при Ватерлоо» (Денис Дайтон), до 1827 г. Атаке мешали два серьезных укрепления перед линией Веллингтона: Ла-Э-Сент и Угумон. Обстрел из этих двух крепостей сгонял кавалеристов в центр, и плотность их потока выросла настолько, что некоторые лошади приподнимались над землей, сжимаемые с боков соседними

На картине Роберта Александра Хиллингфорда изображен герцог Веллингтон на поле боя. Веллингтон находился в самой гуще событий, двигаясь от батальона к батальону, временами укрываясь в каком-нибудь каре, а иногда погоняя коня, чтобы уйти от погони вражеской кавалерии. Его присутствие играло важную роль. Люди видели его, его спокойную уверенность – и сами преисполнялись ею

«Прусская атака в Плансенуа в битве при Ватерлоо» (Адольф Нортен), 1864 г. Солдаты маршала фон Бюлова выбили французов из Плансенуа. Это была рукопашная схватка, штыковой бой и драка прикладами в проулках и садах. Пушки извергали ядра и картечь на узкие улочки, затянутые пороховым дымом и залитые лужами крови

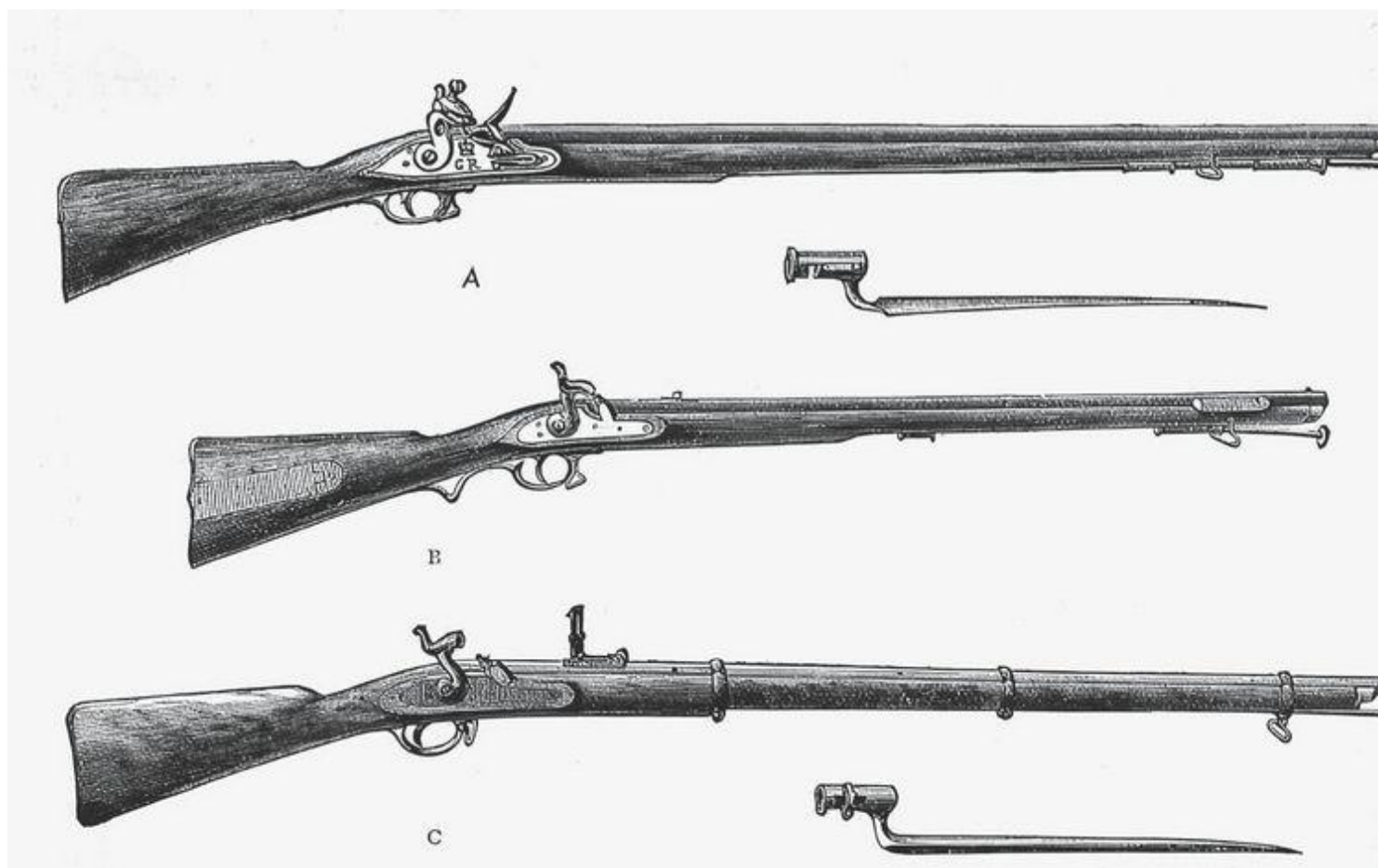
«Королевский немецкий легион, защищающий Ла-Хайе-Сент» (Адольф Нортен), до 1876 г. Любая атака на гребень Веллингтона сопровождалась фланговым огнем стрелков КГЛ и британских застрельщиков из песочной ямы, через дорогу от фермы. Ла-Э-Сент мешал французам прямо атаковать гребень Веллингтона

«Битва при Ватерлоо» (Уильям Аллан), до 1850 г. На картине запечатлен момент так называемого «кризиса битвы» около 7:30 вечера: Наполеон на переднем плане готовится к своей последней атаке, в то время как на заднем плане бушует битва. Картина была куплена у художника Веллингтоном и сейчас висит в Эпсли-хаусе в Лондоне

«Встреча Веллингтона и Блюхера после Ватерлоо», деталь настенной росписи Дэниела Маклиса. Доктор Джон Хьюм позже рассказывал про Веллингтона: «Внезапно он смахнул их [слезы] левой рукой и сказал мне дрожащим от волнения голосом: “Что ж, я, слава Богу, не знаю, каково проигрывать битву, но, определенно, нет ничего больше, чем выиграть ее, потеряв так много друзей”».

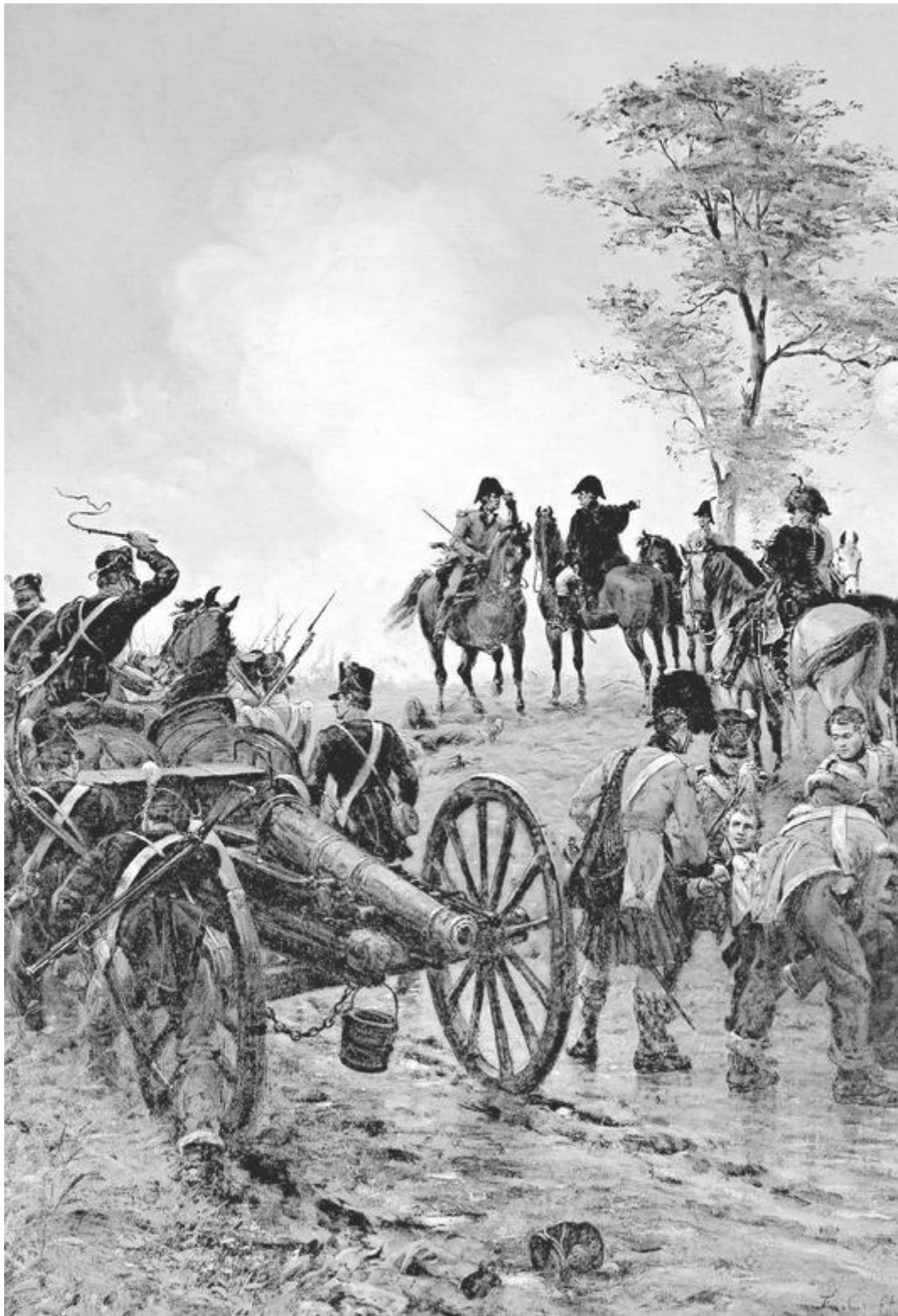
Все гвардейцы носили мушкеты Brown Bess, хотя на самом деле оружия с таким названием не было. Были «пехотная» модель мушкетов, «индийская» модель и «новая» модель – все они носили прозвище Brown Bess. Опытный снайпер полковник Джордж Хэнгер писал, что «стрелять в человека из обычного мушкета с 180 метров – то же самое, что стрелять в луну»

Наполеон на борту «Нортумберленда» на пути к острову Святой Елены. Рисунок британского офицера, находившегося тогда на корабле

«Битва за штандарт» (Ричард Ансделл), 1847 г. Картина висит в Большом зале Эдинбургского замка и изображает захват французского орла сержантом Чарльзом Юартом: «Он метнул в меня свою пику, но не попал, я отбил ее клинком вправо, а затем рубанул его от подбородка вверх. Удар рассек его лицо до зубов. Затем на меня напал пеший солдат, который, сперва выстрелив по мне, затем атаковал штыком. Однако он очень скоро вышел из боя, потому что я парировал и свалил его ударом в голову. Так закончилась схватка за орла»

«Веллингтон при Ватерлоо» (Эрнест Крофтс), до 1911 г. Веллингтон выглядит спокойным, однако часто сверяется с часами. Позже герцог вспоминал – ему казалось, часы отстают, их стрелки еле движутся

«После битвы при Ватерлоо» (Уильям Хит), 1820 г., фрагмент

«Герцог Веллингтон среди офицеров и солдат армии союзников в конце битвы при Ватерлоо» (Ян Виллем Пинеман), до 1853 г. Принц Вильгельм Оранский лежит раненый на носилках (© Rijksmuseum, Amsterdam)

Примечания

1

Император был крещен и записан именем Наполеоне в честь святого Неаполеона, но в семье именовался Напулионе. В таком произношении это имя было в ходу на Корсике в то время, к тому же оно было традиционным для этой семьи. Впрочем, на острове допускались разные варианты произношения. Став императором, Бонапарт принял официальное написание «Набулиону» по-корсикански. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. перев.*

2

Слава (фр.).

3

Набобы — в Индии так называли местных князей, подчинявшихся британскому правительству в качестве вассалов.

4

Роберт Бэтти стал впоследствии известным художником.

5

Quatre-Bras – четыре руки (*фр.*).

6

Никак не мог привести в порядок свои дела, постоянно пребывал в долгах, сидел из-за этого в тюрьме и в итоге покончил с собой.

7

Во многих источниках она именуется мельницей Бюсси, по фамилии владельца.

8

Ганшпуг – рычаг для поворота пушек.

9

Известная английская народная детская игровая песенка.

10

Фраза, вынесенная в заголовок главы: «Вперед, дети мои, мужайтесь, еще раз, французы!» (*фр.*)

11

Отправляйтесь! (*фр.*)

12

Ну отправляйтесь же! (*фр.*)

13

В атаку галопом! Вперед! (*фр.*)

14

Киз – сокращенное название колледжа Гонвилл-энд-Киз.

15

Французская газета, во времена Наполеона – официальный печатный орган правительства.

16

Сипаи – наемные солдаты в Индии, вербовавшиеся из местного населения в армии европейских колонизаторов. – *Прим. ред.*

17

Дж. Киган (1934–2012) – известный британский специалист по военной истории, писатель, журналист.

18

Имеется в виду время Войны за испанское наследство 1701–1714 гг.

19

Да здравствует император! (*фр.*)

20

Да здравствует император! (*фр.*)

21

См.: Еккл. 7:6.

22

Бёрнс Р. Джонни Коуп (пер. Г. Плисецкого).

23

Суд. 7:18.

24

«Дьявол!» (*фр.*)

25

Вперед (*фр.*).

26

Да здравствует император! (фр.)

27

Старый Гарри – фольклорное прозвище дьявола.

28

Боже мой, боже мой! (фр.)

29

Ко мне, стрелки! Спасем орла или умрем рядом с ним! (фр.)

30

Да здравствует король! (фр.)

31

Гвардия, в атаку! (фр.)

32

Да здравствует император! Солдаты, вот Груши! (фр.)

33

Вперед! Вперед! Да здравствует император! (фр.)

34

Гвардия, в атаку! Вперед! Вперед! Да здравствует император! (фр.)

35

Главное ввязаться, а там поглядим (фр.).

36

Да здравствует император! (фр.)

37

Английская пословица, буквально: «Встрял за пенни –стрял и за фунт», то есть «взялся за дело – закончи его, несмотря на трудности».

38

Да здравствует король! (*фр.*)

39

Веллингтон использовал слово *nice*.

40

Кровопролитный штурм Бадахоса в 1812 г.

41

По нумерации в синодальном переводе это 90-й псалом.

42

«Отверженные» В. Гюго здесь и далее цит. в пер. Ю. Doppельмейера.